

Салемское колдовство и Коттон Мазер. Ответ

Чарльз Уэнтворт Апхэм

Salem Witchcraft and Cotton Mather: A Reply

Charles Wentworth Upham

The Project Gutenberg eBook of Salem Witchcraft and Cotton Mather: A Reply

Эта электронная книга может быть использована любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Salem Witchcraft and Cotton Mather: A Reply

Автор: Charles Wentworth Upham

Дата выхода: 20 октября 2008 [eBook #26978]

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Марилиндой Фрейзер-Канлифф, Стивеном Бланделлом и командой онлайн-распределенной корректуры по адресу <http://www.pgdp.net> (При создании этого файла были использованы сканы произведений, находящихся в общественном достоянии, из электронной библиотеки Мичиганского университета Libraries).

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK SALEM WITCHCRAFT AND COTTON MATHER: A REPLY ***

SALEM WITCHCRAFT AND COTTON MATHER. A REPLY.

BY CHARLES W. UPHAM,

Член Массачусетского исторического общества.

МОРРИСАНИА, Н. Й:
1869.

Генри Б. Доусону, эсквайру,
ВЛАДЕЛЬЦУ И РЕДАКТОРУ ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА,
АВТОР С УВАЖЕНИЕМ ПОСВЯЩАЕТ ЭТУ ПЕРЕПЕЧАТКУ С ЕГО СТРАНИЦ.

Салем, штат Массачусетс, 10 декабря 1869 года.

Примечание переводчика: Незначительные опечатки исправлены без примечаний. Варианты написания, включая непоследовательное написание собственных существительных, оставлены в том виде, в каком они были напечатаны. Орфографические ошибки в цитатах сохранены, несмотря на общее низкое качество оригинального набора.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Редакция *"Североамериканского обозрения"* при сложившихся обстоятельствах, в чем у меня нет причин сомневаться, открыла бы свои колонки для ответа на статью, которая привела к подготовке нижеследующего заявления. Но ее длина не позволила мне просить о такой услуге.

Все, кто интересуется отделом американской литературы, к которому принадлежит *"Исторический журнал"*, должны оценить умение, с которым он ведется, и трудолюбие и неутомимое рвение его редактора, собирающего и помещающего на его страницах, вне досягаемости забвения и потери, разрозненные и гибнущие материалы, необходимые для разъяснения исторических и биографических тем, будь то относящиеся к конкретным местностям или стране в целом; и было столь же приятно, как и неожиданно, получить предложение, без ограничений, использовать это издание по данному случаю.

Энергичное обсуждение серьезными учеными специальных вопросов, хотя иногда и принимающее характер спора, будет не только терпимо, но и приветствоваться либеральными умами. Пусть во всех частях Республики появятся чемпионы, отстаивающие свои законные права на долю в общем славном наследстве и вписывающие свои записи в наши Летописи. Испытывая глубочайший интерес к историческим, антикварным и генеалогическим обществам Массачусетса и не уступая никому в чуткости ко всему, что касается древней чести штата Старой бухты и Новой Англии в целом, я с радостью наблюдаю, как дух памятной эпохи разжигает общественный разум повсюду в Средних, Западных и Южных штатах.

Любезность, проявленная ко мне, свидетельствует о том, что, пока мы ревностным вниманием, а иногда, возможно, и резким конфликтом, взаимно сдерживаем вольные преувеличения и чрезмерные притязания, всеобъемлющее доброе чувство преобладает над всеми; правда в ее чистоте становится все более и более неприкосновенной, а характеры и происшествия во всех частях страны предстают перед ясным светом справедливости.

Помощь, которую я получил в ходе последующего обсуждения из публикаций и хранилищ исторических ассоциаций, а также вклад отдельных лиц, таких как мистер Гуделл, доктор Мур и другие, занимающихся получением из родной страны и сохранением всех оригинальных трактатов и документов, когда бы они ни были найдены, относящихся к нашему колониальному периоду, демонстрируют важность подобных усилий, как обществ, так и отдельных людей. Таким образом, наша история будет стоять на прочном фундаменте и иметь черты полной и точной правды.

Несмотря на удаленность от места печати, благодаря верному и разумному надзору начальника типографии и бдительному контролю составителей, я верю, что будет найдено лишь несколько ошибок, помимо тех, что являются просто буквальными, и каждый читатель бессознательно или с готовностью исправит их самостоятельно.

С. У. У.

Салем, Массачусетс.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Страница.

Введение.	1
I.	
Связь Матеров с суевериями их времени.	1
II.	
Дети Гудвина. Несколько общих замечаний по поводу критики "Североамериканского обозрения".	4
III.	
Коттон Мазер и дети Гудвина. Джон Бейли. Джон Хейл. Свидетельства Гудвина. Представление Мазера о колдовстве как о войне с дьяволом. Использование им молитвы. Связь между делом детей Гудвина и салемским колдовством.	6
IV.	
Отношение Матеров к управлению Массачусетсом в 1692 году. Новая хартия. Организованное ими правительство по ней. Прибытие сэра Уильяма Фипса.	12
V.	
Специальный суд судей и терминаторов. Как он был учрежден. Кто несет за него ответственность. Правительство провинции, сосредоточенное в его главном судье.	15
VI.	
Связь Коттона Мазера с судом. Спектральные доказательства. Письмо Джону Ричардсу. Советы министров.	19
VII.	
Советы служителей, рассмотренные далее. План Коттона Мэзера по работе со спектральными свидетельствами.	23
VIII.	
Коттон Мазер и спектральные свидетельства.	30
IX.	
Коттон Мэтер и предварительные экзамены. Джон Проктор. Джордж Берроуз.	32
X.	
Коттон Мэтер и суд над колдунами. Казни.	38
XI.	
Письмо Стивену Сьюоллу. "Чудеса невидимого мира". Его происхождение и замысел. Рассказ Коттона Мэзера об испытаниях.	44
XII.	
Продолжение "Чудес невидимого мира". Отрывки из нее. "Случаи совести". Увеличение Мазера.	50
XIII.	
Внезапный конец Суда судей и терминаторов. Сэр Уильям Фипс.	54
XIV.	
Письма Коттона Мазера после судебного преследования за колдовство.	57
XV.	

История мнений о связи Коттона Мазера с салемским колдовством. Томас Брэттл. Жители деревни Салем. Джон Хейл. Джон Хиггинсон. Майкл Вигглсворт.	61
XVI.	
История мнений о Коттоне Мазере, продолжение. Фрэнсис Хатчинсон. Дэниел Нил. Исаак Уоттс. Томас Хатчинсон. Уильям Бентли. Джон Элиот. Джозайя Куинси.	68
XVII.	
Влияние их связи с колдовством на власть Матеров в общественных делах провинции.	70
XVIII.	
Писания и характер Коттона Мазера.	74
XIX.	
Сочинения и характер Роберта Калефа.	77
XX.	
Разные замечания. Заключение.	84

САЛЕМСКОЕ КОЛДОВСТВО И ХЛОПОК МАЗЕР.

ВВЕДЕНИЕ.

Статья в *"Североамериканском обозрении"* за апрель 1869 года в основном посвящена отзыву о работе, опубликованной мной в 1867 году под названием *"Салемское колдовство"*, с рассказом о деревне Салем и историей мнений о колдовстве и родственных предметах. Если бы статья содержала критические замечания в обычном стиле, затрагивающие лишь характер этой работы с литературной точки зрения, на меня не легла бы никакая другая обязанность, кроме как внимательно рассмотреть и с уважением выслушать ее предложения. Но в ней поднимаются вопросы исторического характера, которые, кажется, требуют ответа, либо признающего правильность ее утверждений, либо подтверждающего мои собственные.

Характер периодического издания, в котором оно появилось; то, как о нем ходили слухи задолго до его публикации; его распространение после этого в виде отдельной брошюры; и то, в какой степени в некоторых кругах были одобрены его предположения, делают ответ действительно необходимым.

Тема, которой она посвящена, представляет общепризнанный интерес и важность. Заблуждение о колдовстве 1692 года справедливо привлекло и, вероятно, всегда будет привлекать более широкое внимание, чем любое другое явление в ранней колониальной истории этой страны. В нем представлены явления в сфере нашей духовной природы, относящиеся к высшему отделу физиологии, известному как психология, имеющие огромное значение; и иллюстрируются действия воображения на страсти и способности, находящиеся в непосредственной связи с ними, и опасности, которым подвергаются душа и общество, в более поразительной, удивительной и поучительной манере, чем это можно найти в других местах. По всем причинам истина и справедливость требуют от тех, кто осмеливается исследовать и изображать ее, максимальных усилий, чтобы прояснить ее ходы и правильно обрисовать ее действующих лиц.

В соответствии с этими взглядами я с удовлетворением воспринимаю критику, которая может быть предложена в адрес моей книги, без учета ее личного характера и содержания, как продолжающую и усиливающую интерес к предмету; и пользуюсь возможностью, предоставленной мне без просьб и в самом либеральном духе владельцем этого журнала, чтобы выполнить обязательства, которые налагают историческая правда и справедливость.

Основное обвинение, которое в бесчисленных формах повторяется на протяжении шестидесяти страниц статьи в *"Норт Америкэн"*, заключается в том, что я неверно описал роль Коттона Мазера в разбирательствах, связанных с преследованием в 1692 году по делу о заблуждении о колдовстве и . Высказываются и другие претензии по поводу неточности и несправедливости, в частности, в том, что касается позиции Усиления Мазера и курса бостонских министров того периода в целом. Хотя на первый взгляд может показаться, что обсуждение, на которое я обращаю внимание, относится к вопросам сугубо личным, я думаю, что оно приведет к изучению литературы и распространенных настроений, касающихся религиозных и философских вопросов, того периода; а также к поучительному отрывку в общественной истории провинции Массачусетский залив.

Теперь я предлагаю изложить эту тему более полно, чем это требовалось или было бы уместно в моей работе о колдовстве.

I.

СВЯЗЬ МАТЕРОВ С СУЕВЕРИЯМИ ИХ ВРЕМЕНИ.

Прежде всего, я осмелюсь сказать, что не может быть никаких сомнений в том, что Инглиз Мазер и его сын, Коттон Мазер, больше, чем кто-либо другой, сделали для того, чтобы усугубить тенденцию той эпохи к результату, достигнутому в 1692 году в "Заблуждении о колдовстве". Последний в начале шестой книги *"Magnalia Christi Americana"* упоминает о попытке, предпринятой в 1658 году "некоторыми известными в Англии и Ирландии богословами для верной регистрации замечательных провидений. Но, увы, - говорит он, - она не привела ни к чему примечательному. Подобный же святой замысел, - продолжает он, - был предложен преподобным Инкрезом Мазером среди богословов Новой Англии в 1681 году на их общем собрании; после чего они пожелали, чтобы он начал и опубликовал "Эссе"; что он и сделал через некоторое время; но при этом заявил, что сделал это лишь в качестве образца для большего тома, в надежде, что, начав эту работу, потомки продолжат ее". Коттон Мазер действительно продолжил ее, сразу же после своего вступления в сан; своими проповедями, публикациями, перепиской дома и за границей, а также влиянием своей образованности, талантов, промышленности и рвения в работе эти два человека способствовали распространению страсти к чудесному и чудовищному, к тому, что считалось сверхъестественным, inferнальным и дьявольским, среди всей массы людей, как в Англии, так и в Америке. Общественное сознание было одурманено и, одурманенное доверчивостью и суеверием, готово было принять любой импульс слепого фанатизма. Истории, собранные таким образом и пущенные в оборот повсеместно, были по своей природе страшны для воображения, наполняли разум ужасными опасениями, унижали общий интеллект и вкус, низвергали разум. Они омрачают и позорят литературу того периода. Пересказ их можно найти в Шестой книге *"Магналии"*. Последствия таких публикаций естественным образом вылились в широко распространенные заблуждения и всеобщее легкоеверие. Они проникали во все слои общества и доходили до всех жителей и семей земли, в городах и самых отдаленных поселениях. Таким образом, Мазеры, особенно

младшие, сами стали виновниками того болезненного и обескураженного состояния общественного сознания, связанного со сверхъестественными и дьявольскими силами, которое вылилось в колдовские заблуждения. Я не говорю, что они были виновны. Несомненно, они думали, что служат Богу. Но влияние, которое они оказывали в этом направлении, остается не менее историческим фактом.

Увеличение Мазер без промедления приступил к осуществлению задуманного им плана, написав людям во всех частях страны, особенно священнослужителям, чтобы они собрали для публикации столько чудесных историй, сколько смогут собрать. В восьмом томе четвертой серии *Собрания Массачусетского исторического общества*, состоящем из "Бумаг Мазера", можно увидеть ответы нескольких его корреспондентов. [Он занимался этим делом с усердием и настойчивостью, которые ничто не могло ослабить. После того как весь мир был потрясен ужасными результатами Салема, пятого марта 1694 года, будучи президентом Гарвардского колледжа, он издал циркуляр "Преподобным служителям Евангелия в нескольких церквях Новой Англии", подписанный им самим и еще семью членами корпорации этого учебного заведения, в котором он настоятельно рекомендовал служителям Евангелия в качестве особой обязанности получать и сохранять сведения о примечательных событиях, описанных под общим заголовком "*Примечательные события*" и классифицированных следующим образом:

"Памятными следует считать, в частности, все необычные происшествия на небе, земле или воде; все чудесные избавления страждущих; милости к благочестивым; суды над нечестивыми; и более славные исполнения обетований или угроз в Писаниях истины; с явлениями, одержимостью, чарами и всеми необычными вещами, где существование и действие невидимого мира более ощутимо демонстрируется."-*Magnalia Christi Americana*. Edit. London, 1702. Book VI., p. 1.

Все сообщения в ответ на это послание должны были быть адресованы "Президенту и стипендиатам" Гарвардского колледжа.

Первая статья гласит следующее: "Наблюдать и записывать наиболее выдающиеся открытия Божественного Провидения в управлении миром - цель столь святая, столь полезная, столь справедливо одобренная, что слишком общее пренебрежение ею в церквях Божьих столь же справедливо вызывает сожаление". Важно рассмотреть эту формулировку в связи с той, которую использовал Коттон Мазер, открывая Шестую книгу *Магналии*: "Рассматривать выдающиеся проявления того Провидения, с помощью которого наш Господь Христос управляет миром, - дело, более нужное и полезное для христианина; записывать их - дело, более подходящее для служителя; и, возможно, великий правитель мира обычно делает самые примечательные вещи для тех, кто наиболее готов мудро замечать то, что он делает. Поэтому необъяснимой и непростительной является сонливость даже большинства добрых людей во всем мире, которая не позволяет им замечать и, тем более, сохранять замечательные распоряжения Божественного Провидения в отношении себя или других. Тем не менее, время от времени возвышаются люди, которые заслуживают вечной памяти своим бодрым усердием к тому, чтобы памятные Божьи провидения помнили все поколения".

Эти отрывки из книги Матерса, отца и сына, охватывают период, одиннадцать лет до и два года после Заблуждения 1692 года. Они показывают, что духовенство в целом было равнодушно к этой теме, и его нужно было пробудить от "пренебрежения" и "сонливости", касающихся обязанности наводить общественное сознание историями о "чудесах" и "замечательных явлениях"; и что деятельность Матерсов в придании силы, посредством их служения и влияния, таким идеям была особенной и главенствующей. Какими бы невинными

и оправданными ни были их мотивы, законы причины и следствия остались нерушимыми; и результат их действий, по правде и справедливости, приписывается им - не обязательно, повторяю, чтобы поставить под сомнение их честность и порядочность, но их мудрость, вкус, рассудительность и здравый смысл. Человеческую ответственность нельзя отбросить или избежать, руководствуясь лишь благими намерениями. Она предполагает торжественное и страшное обязательство использовать разум, осторожность, холодное размышление, осмотрительность и тщательный расчет последствий. Ошибка, если она невинна и честна, не наказывается божественным и не должна наказываться человеческим законом. Она покрывается милостью Божьей и не должна преследоваться враждебностью людей. Но, тем не менее, его следует бояться и оберегать от него с величайшей бдительностью. На протяжении меланхолической летописи Церкви и мира она была источником бесчисленных бед, распространяя пагубное влияние на общество, парализуя энергию разума и совести, приглушая, почти гася, свет религии, приводя в смятение народы и опустошая землю. Долг историков - проследить его истоки и, правдиво изобразив причины, которые привели к нему, предотвратить его повторение. Исходя из этих соображений, я считаю себя обязанным со всей определенностью заявить, что впечатление, произведенное на народные чувства того периода, о котором я говорю, некоторыми ведущими умами, привело к возникновению, стало действенной причиной и, в этом смысле, можно сказать, породило ужасные суеверия, долгое время распространенные в старом и новом мире и достигшие окончательной катастрофы в 1692 году; И среди этих ведущих умов, усугублявших и усиливавших своими трудами эту самую пагубную форму суеверия эпохи, наиболее заметны Инкрейз и Коттон Мазер.

Такого мнения придерживались в то время беспристрастные наблюдатели. Фрэнсис Хатчинсон, доктор философии, "ординарный капеллан Его Величества и служитель прихода Святого Иакова в Сент-Эдмундс-Бури", при жизни обоих Матеров опубликовал в Лондоне *"Исторический очерк о колдовстве"*, посвященный "лорду-главному судье Англии, лорду-главному судье Common Pleas и лорду-главному барону Exchequer". В главе о колдовстве в Салеме, Бостоне и Андовере в Новой Англии он приписывает его, как будет показано в ходе этой статьи, влиянию трудов Матерса.

В предисловии к лондонскому изданию *"Памятных провидений"* Коттона Мазера, написанному Ричардом Бакстером в 1690 году, он приписывает такое же важное место трудам Мазеров. Высказывая свое мнение о том, что он придает большое значение трудам о колдовстве, и о важности, по его мнению, того раздела литературы, в котором рассказываются истории о дьявольском влиянии, одержимости, явлениях и тому подобном, он говорит: "Мистер Инкрез Мазер уже опубликовал много подобных историй о том, что происходило в Новой Англии; и этот великий пример, опубликованный его сыном" - то есть рассказ о детях Гудвина - "содержит такие убедительные доказательства, что нужно быть очень упрямым саддукеем, чтобы не поверить этому. А две его проповеди, приложенные к книге, прекрасно подходят для этой темы и для этого ослепленного поколения, а также для использования всеми нами, кто еще не закончил свою войну с дьяволами". Одна из проповедей, которую Бакстер хвалит, посвящена *силе и злобе дьяволов* и открывается заявлением, что "существует комбинация дьяволов, которыми наполнен наш воздух"; другая посвящена *колдовству*. Обе книги изобилуют самыми захватывающими и яростными подтверждениями суеверий той эпохи, связанных с дьяволом и его сообщниками.

Итак, моя первая позиция, противоречащая той, которую занимает рецензент в *"Норт Америкэн"*, заключается в том, что, побуждая духовенство всей страны собирать и распространять всевозможные чудесные и предполагаемые сверхъестественные

происшествия, придавая такое направление проповеди и литературе того времени, эти два активных, ревностных, ученых, и способные богословы, Инкреш и Коттон Мазер, учитывая влияние, которое они, естественно, могли оказывать, особенно последний, справедливо обвиняются и, можно сказать, привели к необычайным вспышкам фанатизма, проявившимся в случаях с семьей Гудвинов и "страдающими детьми" в деревне Салем. Роберт Калеф, обращаясь к министрам страны 18 марта 1694 года, пишет: "У меня был не только повод, но и новая провокация, чтобы взглянуть на таинственные доктрины, о которых в последнее время так много спорят среди нас, и я не мог встретить никого, кто бы говорил больше или яснее о смысле этих доктрин" [*относящихся к колдовству*], "чем преподобный мистер Коттон Мэтер, но как ясно он говорил. Cotton Mather, но насколько ясно и последовательно, либо с самим собой, либо с истиной, я не берусь сейчас говорить, но не могу не предположить, что его упорное и ревностное отстаивание своих мнений стало одной из причин мрачных конвульсий, в которые мы здесь впали в последнее время." - *More Wonders of the Invisible World*, by Robert Calef, Merchant of Boston, in New England. Edit. London, 1700, p. 33.

Сохранившиеся документы, связанные с процессом по делу о колдовстве в Салеме, показывают, до какой степени в народном сознании были распространены такие чудесные и невероятные вещи, которые Мазеры так долго пытались собрать и распространить; особенно во внутренних сельских поселениях. Торжественное уединение лесов было наполнено призраками, хобгоблинами, призраками, злыми духами и самым inferнальным принцем из всех них. Каждая тропинка была усеяна их порхающими фигурами и следами, а вокруг каждого очага дрожащие круги, сближаясь по мере того, как сгущалась ночная тьма, а воображение становилось все более трепетным и напуганным, слушали рассказы о дьявольских операциях: те же эффекты, в несколько иной форме, пронизывали поселения на морском побережье и крупные города.

Помимо таких страшных фантазий, распространенность литературного стиля, который ввели в моду Мазеры, оказала и другое, самое неприятное влияние. Подозрения и обвинения в колдовстве были распространены повсеместно; любое необычное бедствие или несчастье; каждый случай реальной или мнимой необычности поведения - а в условиях извращенного и искаженного общественного мнения таких случаев было немало - приписывался дьяволу. Каждый страдалец, который подчинялся тому, чему его учили на кафедрах или в печатных изданиях, терял из виду Божественную руку и не видел в своих страданиях ничего, кроме дьявола. Бедный Джон Гудвин, чьи испытания мы сейчас рассмотрим, в то время как его дети действовали, как говорится, "как все одержимые", зародившись в те времена и до сих пор сохраняясь в низших формах вульгарной речи, прорычал следующее: "Я подумал о том, что сказал Давид". *2 Царств*, xxiv, 14. Если он так боялся попасть в руки людей, то вспомните ужасы нашего состояния - оказаться в руках дьяволов и ведьм". Таким образом, наше бедственное положение побудило нас обратиться к друзьям с призывом сжалиться над нами, ибо рука Божья коснулась нас. Я готов был сказать, что ничья беда не сравнится с моей. Что мой маленький дом, который должен быть маленьким Вефилем для обитания Бога, превратился в логово для дьяволов; что эти маленькие тела, которые должны быть храмами для обитания Святого Духа, подвергаются таким домогательствам и издевательствам со стороны дьявола и его проклятого выводка" - *Late Memorable Providences, relating to Witchcraft and Possessions*. Автор Коттон Мазер. Edit. London, 1691.

Неудивительно, что страна была полна ужасов и дьявольских фантазий, когда дьявол постоянно присутствовал в умах людей благодаря тому, что они постоянно читали и слышали от своих религиозных учителей! В проповедях того времени он был всепоглощающей темой

для изучения и красноречия. В некоторых проповедях Коттона Мазера имя дьявола или его синонимы упоминаются в десять раз чаще, чем имя благодатного и благословенного Бога.

Неудивительно, что предполагаемые колдовства были многочисленны! Дрейк в своей *"Истории Бостона"* пишет, что в 1688 году там было много случаев. Только один из них, похоже, привлек внимание, необходимое для того, чтобы сохранить его от забвения, - это случай с четырьмя детьми Джона Гудвина, старшему из которых было тринадцать лет. Описание этого случая в моей книге [*Salem Witchcraft*, i., 454-460] было полностью взято из *"Памятных провидений"* и *"Магналии"*.

II.

ДЕТИ ГУДВИНА. НЕСКОЛЬКО ОБЩИХ ЗАМЕЧАНИЙ ПО ПОВОДУ КРИТИКИ "СЕВЕРОАМЕРИКАНСКОГО ОБОЗРЕНИЯ".

Рецензент обвиняет меня в том, что я обидел Коттона Мазера, утверждая, что он "поднял" все дело о детях Гудвина. Он заключает это выражение в кавычки и повторяет его снова и снова. В отрывке, на который он ссылается - с. 366 второго тома моей книги, я говорю о Коттоне Мазере, что он "неоднократно пытался поднять подобные дела в Бостоне". Есть некоторые основания для подозрений, что он способствовал зарождению фанатизма в Салеме". Мне неизвестно, чтобы это выражение использовалось, кроме как в этом отрывке. Но где бы оно ни использовалось, оно должно было передавать то значение, которое придают ему оба наших великих лексикографа. Вустер определяет *"to get up"* - "подготовить, сделать готовым - подготовить развлечение"; "напечатать и издать, как книгу". Вебстер определяет его как "готовиться к представлению публике; выдвигать". Именно так поступил Мазер в случае с детьми Гудвина, и именно так поступил Калеф в случае с Маргарет Рул.

В 1831 году я опубликовал том под названием *"Лекции о колдовстве"*, включающий в себя историю заблуждения, случившегося в Салеме в 1692 году. В 1867 году я опубликовал книгу *"Салемское колдовство"* и рассказ о деревне Салем; в предисловии я указал, что "первая книга была подготовлена при обстоятельствах, препятствовавших тщательному исследованию предмета". Теперь свобода от профессиональных обязанностей позволила мне провести исследования, необходимые для того, чтобы отдать ей должное". *Лекции о колдовстве* давно не издавались. Хотя меня часто упрашивали подготовить новое издание, я не хотел снова выпускать то, что, как я обнаружил, было неадекватным изложением предмета". Перед лицом такого отрицания авторитета оригинальной работы рецензент говорит: "В этом обсуждении мы будем рассматривать *"Лекции"* и *"Историю"* мистера Апхэма в одной и той же связи, поскольку последняя является расширением и защитой взглядов, изложенных в первой".

Я прошу каждого честного и справедливого человека подумать, справедливо ли так обращаться с авторами? Это лишь плохой стимул для них трудиться над улучшением своих произведений, когда первый критический журнал в стране дискредитирует их усилия, продолжая возлагать на них ответственность за то, что они сами исправили или отменили. Тем не менее, это открыто сделано в статье, которая вынуждает меня к этому обличению.

Например, в *"Лекциях"*, напечатанных в 1831 году, содержится следующее предложение, касающееся деятельности Коттона Мэзера в деле Гудвина в Бостоне. "Случай колдовства в этом месте произошел благодаря его руководству". Так было написано в переиздании этого тома в 1832 году. В своей недавней публикации, перенося длинный абзац из оригинальной

работы, я *аккуратно опустил* из него вышеприведенное предложение, опасаясь, что оно может привести к заблуждению. Ибо, хотя я считаю, что Мазеры несут главную ответственность за колдовские дела своего времени и, можно сказать, справедливо, стали их причиной, я, конечно, не имел в виду, что, лично подстрекая их на месте, они положили начало всем событиям, которые в конечном итоге приняли такой характер. Рецензент, хорошо зная, что я подавил и отбросил это положение, неоднократно выставляет его против меня. Далее он цитирует часть параграфа в *"Лекциях"*, в котором оно встречается, опуская, *не указывая на это опущение*, некоторые положения, которые объяснили бы мой смысл, *заботясь, однако, о том, чтобы включить подавленный отрывок*; и заканчивает искажение следующим заявлением, ссылаясь на параграф в *"Лекциях"*: "Те же утверждения, почти теми же словами, он воспроизводит в своей *"Истории"*. Это он говорит, зная, что конкретное утверждение, на которое он тогда обратил внимание, не было воспроизведено в моей *"Истории"*.

Возможно, здесь, в этом месте, как и в других, следует раз и навсегда избавиться от значительной части вопроса, содержащегося в длинной статье в *"Североамериканском обозрении"*, которую мы сейчас рассматриваем. При подготовке любой работы, особенно в области истории, следует предположить, что исследования писателя выходят далеко за рамки того, что он может включить в свою книгу. Он найдет много такого, что не имеет никакого значения; что отяготит его повествование, раздует его до неприемлемых размеров и не прольет никакого дополнительного света. Сопутствующие и побочные вопросы не могут быть рассмотрены в деталях. Однако теперь введен новый закон, которому впредь должны следовать все писатели, а именно: давать не просто каталог, а изложение содержания каждой книги и трактата, которые они прочитали. Об этом сообщает наш обозреватель: "Мы предполагаем, что мистер Апхэм не видел этого трактата, поскольку он не упоминал о нем и не использовал его материал".

Документ, о котором здесь идет речь, был призван изложить идеи Инкреза Мазера по вопросу о процессах над ведьмами, и написан он был недалеко от окончания процесса в Салеме, в 1692 году. Поскольку у меня не было особого интереса выяснять, каковы были его взгляды, поскольку внимательное изучение трактата, особенно в связи с его *постскриптумом*, не способно привести читателя к четкому представлению о них; и поскольку весь его материал был совершенно несущественным для моей темы, я не счел нужным загромождать им свои страницы. То же самое касается и многих других моментов, при рассмотрении которых можно было бы потребовать длительного обсуждения. Если бы я руководствовался такими представлениями, как, по-видимому, у рецензента, моя книга, на которую он жалуется как на слишком длинную, была бы растянута до размеров энциклопедии теологии, биографии и философии. За то, что я придерживаюсь своей темы и не отвлекаю внимание на труды, не представляющие никакой ценности ни с какой точки зрения и не способствующие раскрытию моих тем, этот рецензент в самых грубых выражениях обвиняет меня в невежестве почти на каждой из своих шестидесяти с лишним страниц, а часто и по несколько раз на одной и той же странице.

Все, что я говорю о Коттоне Мазере, в основном взято из его собственных слов, не занимает и дюжины страниц. Исключение составляют некоторые неблагоприятные суждения, высказанные вскользь. Это справедливо и законно, и это оправдывает то, что меня призывают обосновать их. Но предполагать и заявлять, что я не читал и не видел трактатов или томов, которые могли бы стать предметом обсуждения в такой дискуссии, столь же опрометчиво, сколь и оскорбительно; и, кроме того, это обвинение, от которого не может ожидать защиты ни один уважающий себя человек, ни один здравый смысл. Я высказал

мнение о причастности Коттона Мазера к колдовству 1692 года, к которому привели меня мои суждения - с достаточными основаниями или нет, мы увидим по ходу дела, - но не отклонился от своей темы, подробно рассмотрев источники, из которых это мнение было почерпнуто. Если бы я сделал это в связи со ссылками на Мазера, то по тому же принципу мне пришлось бы делать это всякий раз, когда высказывалось мнение о других людях, таких как Роджер Уильямс, Хью Питерс или Ричард Бакстер. Это уничтожило бы интерес и растянуло бы до бесконечности размеры любой книги, если бы она прервала свое повествование, отказалась от своей темы и ушла в такие бесконечные побочные вопросы. Но это необходимо сделать, если статья в *"Североамериканском обозрении"* должна рассматриваться как авторитетное заявление о каноне критики. Лекторы и ораторы, а также писатели любого рода должны быть начеку. Если они, к примеру, вздумают говорить о Коттоне Мазере как о педанте, за ними придут рецензенты и обвинят их в "большом недостатке исследований", в том, что они не "пролистали" "огромную" рукопись его неопубликованных работ в библиотеке Массачусетского исторического общества, все его триста восемьдесят две печатные работы и огромную массу *бумаг Мазера* в библиотеке Американского антикварного общества ; И это при том, что он никогда не "читал" *"Памятные провидения"*, не "видел" *"Чудеса невидимого мира"* и не "слышал" о *"Magnalia Christi Americana"*.

III.

ХЛОПОК МАТЕР И ДЕТИ ГУДВИНА. ДЖОН БЕЙЛИ. ДЖОН ХЕЙЛ. СВИДЕТЕЛЬСТВА ГУДВИНА. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ МАТЕРА О КОЛДОВСТВЕ КАК О ВОЙНЕ С ДЬЯВОЛОМ. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИМ МОЛИТВЫ. СВЯЗЬ МЕЖДУ ДЕЛОМ ДЕТЕЙ ГУДВИНОВ И САЛЕМСКИМ КОЛДОВСТВОМ.

Рецензент жалуется на то, как я рассматриваю связь Коттона Мэтра с делом детей Гудвина. Факты в этом деле таковы: семья, к которой они принадлежали, жила в южной части Бостона. Отец, каменщик по профессии, был, как сообщает нам Мазер, "трезвым и благочестивым человеком". Поскольку его церковные отношения были связаны с общиной в Чарльзтауне, пастором которой был Чарльз Мортон, он, вероятно, не был особо знаком с бостонскими священниками. Из заявления, сделанного мистером Гудвином несколько лет спустя, следует, что после того, как один из его детей "около четверти года страдал от печальных обстоятельств в невидимом мире", он призвал "четырёх бостонских священников вместе с собственным пастором провести день молитвы в его доме. Если так, то можно получить избавление". Он говорит, что Коттон Мазер, с которым он не был знаком ранее, был последним из служителей, с которым "он говорил по этому случаю". Мистер Мазер не присутствовал на собрании, но посетил дом утром того же дня, до прихода других служителей, провел там полчаса и помолился с семьей. Примерно через три месяца после этого служители провели там еще одно молитвенное собрание, на котором присутствовал и мистер Мазер. Далее он заявил, что мистер Мазер ни в коем случае не предлагал ему преследовать старую ирландку за околдовывание его детей и не давал ему никаких советов относительно судебного разбирательства против нее, но "предложение обратиться к власти было сделано ему одним министром из соседнего города, ныне покойным".

Рецензент в примечании к последнему пункту, приведенному выше, о заявлении Гудвина говорит: "Вероятно, мистер Джон Бейли". Если он не располагает какими-то конкретными доказательствами, позволяющими отнести этот совет именно к Бэйли, предположение не

выдерживает критики. Имя такого человека, каким, судя по всему, был Бейли, не должно без необходимости связываться с этой сделкой. Правда, после того как семья избавилась от "печальных обстоятельств, связанных с невидимым миром", мистер Бейли взял одного из детей к себе домой, в Уотертаун; но это не свидетельствует о том, что он дал такой совет. Единственные факты, известные о нем в связи с преследованиями за колдовство, свидетельствуют об обратном. Когда Джон Проктор, находясь в крайней опасности, обратился за помощью, мистер Бэйли был одним из министров, у которых только и было оснований надеяться на сочувствие; его имя стоит среди четырнадцати, подписавших документ, одобряющий *"Случаи совести"* Инглиза Мэттера. В список вошли все министры, о которых известно, что они проявляли дружеские чувства к лицам, обвиненным в колдовстве или пострадавшим от преследований, такие как Хаббард, Аллен, Уиллард, Капен и Уайз; но нет ни одного, кто принял бы активное участие в ускорении процесса 1692 года.

Если какие-то предположения относительно автора совета Гудвину оправданы или заслуживают внимания - а возможно, они связаны с памятью Бейли, чье имя было представлено таким образом, - то я склонен предположить, что это был Джон Хейл из Беверли, который, как и Бейли, умер на момент составления свидетельства Гудвина. Он был жителем Чарльзтауна, первоначально принадлежавшим к тому же религиозному обществу, что и Гудвин, и поддерживал знакомство со своими бывшими горожанами. Его обучение в деревне Салем через несколько лет после этого показывает, что он мог дать такой совет; и мы можем вменить ему это в вину без всякого ущерба для его характера или репутации. Его благородное поведение, когда он осмелился в самый час сильнейшего шторма, когда, как перед рассветом, наступила глубочайшая тьма, осудить неправильные действия; и когда он сделал все возможное, чтобы исправить эту ошибку, написав книгу, осуждающую те самые вещи, в которых он сам был главным действующим лицом, придает его имени славу, которую невозможно приглушить предположением, что в период своего прежнего заблуждения он был несчастным советчиком Гудвина.

Когда книга Калефа попала в эту страну в 1700 году, на собрании прихожан прихода, где служили Мазеры, был создан комитет из семи человек, чтобы защитить их от ее влияния. Джон Гудвин был одним из членов комитета и представил свидетельство, из которого только что были сделаны выдержки. Оно было составлено таким образом, чтобы создать впечатление, что Коттон Мазер не принимал ведущего участия в деле детей Гудвина в 1688 году. В нем, как мы уже видели, говорится, что он "был последним из служителей", которых попросили присутствовать на молитвенном собрании; но при этом опускается тот факт, что он первым явился, отправился в дом и помолился вместе с семьей до того, как пришли остальные. Далее Гудвин сообщает следующее: "Священнослужители время от времени приходили навестить мою бедствующую семью и помолиться с ними и за них, среди которых время от времени приходил мистер Коттон Мазер". Весь документ составлен таким образом, что Мазер играет второстепенную роль.

Однако в рассказе об этом деле, написанном тем же Джоном Гудвином и напечатанном Мазером в Лондоне за десять лет до этого в книге *"Памятные происшествия, связанные с колдовством и одержимостью"*, Мазеру отводится несколько иная роль. После слов о том, что "министры часто посещали нас", он упоминает "особенно мистера Мэзера". Он приложил немало усилий, чтобы вырвать это дитя, ее брата и сестру из рук дьявола". Давайте же теперь восхитимся и поклонимся тому фонтану, Господу Иисусу Христу, из которого исходят эти потоки. Сам Господь воздаст ему за труд любви". В 1690 году Мазер согласился на то, чтобы Гудвин поместил его на передний план картины, изобразив, как он вырывает детей из рук дьявола. В 1700 году было целесообразно убрать его на задний план, и Гудвин,

соответственно, предоставил комитету, членом которого он являлся, свидетельство несколько иного цвета и тона.

Казнь женщины Гловер по обвинению в околдовывании детей Гудвина - один из самых жестоких эпизодов нашей истории. Хатчинсон^[1] говорит, что она была одной из "диких ирландцев" и "казалась расстроенной в своих чувствах". Она была римской католичкой, не знала английского языка и, очевидно, не понимала, что происходит с ней. В свой предсмертный час она, как понял переводчик, сказала, что лишение ее жизни не уменьшит страданий детей. Это замечание, в котором было больше здравого смысла, чем у всех остальных, прозвучало в адрес бедного старого существа как дьявольское проклятие.

В период между осуждением и казнью Коттон Мазер взял старшего ребенка Гудвинов в свою семью и держал ее там всю зиму. Он рассказал историю о ее необычных поступках в стиле слепого и абсурдного легковерия, которое невозможно превзойти. "Вскоре, - говорит он, - я счел нужным развлечь своих прихожан проповедью о памятном провидении, в котором были замешаны эти дети (впоследствии она была опубликована)".

В этой связи можно отметить, что если бы не вмешательство священников, вполне вероятно, что о "печальных обстоятельствах из невидимого мира" в семье Гудвин никогда бы не узнали за пределами ближайших окрестностей. Совершенно точно, что аналогичные "обстоятельства" в семье мистера Пэрриса в 1692 году получили широкую огласку и привели к ужасным последствиям благодаря созданным им собраниям министров. Если бы девушек в обоих случаях оставили в покое, они бы вскоре устали от того, что одна из них называла своим "спортом"; и все это, вместе с бесчисленными историями о домах с привидениями и втором зрении, было бы поглощено глубоким забвением.

Рассматривая связь Коттона Мазера с делом детей Гудвина и обвиняющих их девушек в Салемской деревне, справедливость требует, чтобы он не забывал о приведенных в моей книге высказываниях о распространенных в то время представлениях о силе и грозности Царства Тьмы. Ученые в целом и люди в целом верили, что здесь, в американской пустыне, дьявол и его адские воинства вскоре предпримут мощный натиск на христианские поселения и что на этом месте вскоре произойдет последняя битва между сатаной и Церковью. Эта вера полностью завладела разумом Мазера и разожгла его воображение. По сравнению с приближающимся поединком все остальные войны, даже война за восстановление Гроба Господня, меркли. Это был великий крестовый поход, в котором должны были сойтись враждебные силы, мусульманские, папские и языческие, всех видов, на земле и из ада; и он стремился стать его святым Бернардом. Именно потому, что его занимали эти идеи, он был начеку, чтобы услышать и быстро и с радостью встретить первые наступления дьявольских легионов. Этим объясняется его готовность ухватиться за любое событие, свидетельствующее о приближении архиврага.

Кроме того, следует помнить, что вплоть до случая с детьми Гудвина он считал, что дьявола можно встретить и победить молитвой. Это, и только это, было оружием, которым он вооружался, и с его помощью он надеялся и верил, что победит. По этой причине он не советовал Гудвину обращаться к закону. По этой причине он трудился в пострадавшей семье, совершая молитвенные упражнения, и взял старшего ребенка в свою семью, чтобы обрушить батарею молитв с непрерывной бомбардировкой на дьявола, которым она была одержима. По этой причине он упорно продолжал молиться в келье старой ирландки, во многом против ее воли, ведь она была упрямой католичкой. Конечно, он не мог молиться *вместе* с ней, поскольку не сомневался, что она была сообщницей дьявола, а она не была

склонна присоединяться к молитве с тем, кого, как еретика, считала не в лучшем свете; но все же он молился, за что потом извинялся, вспоминая об этом.

Коттон Мазер всегда был человеком молитвы. За это он заслуживает уважения. Молитва, если она совершается в духе и по примеру Спасителя - "Не Моя воля, но Твоя да будет", "Отец ваш знает, в чем вы имеете нужду, прежде чем вы попросите Его", - является самым благородным упражнением и отношением души. Оно поднимает ее на самый высокий уровень, до которого могут подняться наши способности. Это

"Открывает небеса; спускает поток
Славы на освященный час
Человека на аудиенции у Божества".

Несчастье Коттона Мазера заключалось в том, что изначальная слабость суждений, которую все влияния его жизни и особенности его умственного характера и привычек имели тенденцию преувеличивать, привела его к извращению использования и действия молитвы, пока она не превратилась в простое орудие или устройство для достижения какой-то личной цели; для достижения цели, в которой он был заинтересован, будь то в отношении личных и домашних дел или движений в академической, политической или церковной сферах. Хотя, по его словам, он был совершенно искренен в своих набожных упражнениях и, я верю, искренне почитал характер и природу таких выражений благочестивой чувствительности и стремления к божественному общению, совершенно очевидно, что они практиковались им в таких формах и в такой степени, которые не могут быть одобрены, что приводили к большому самообману и экстравагантности, близкой к рассеянности суждений и нарушению умственных и моральных рамок. Он воздерживался от пищи - однажды, говорят, в течение трех дней - и проводил это время, как он выражается, "стучась в двери рая". Покидая постель в мертвые часы ночи и удаляясь в свой кабинет, он ложился на пол и "боролся с Господом". Обычно он проводил в таком посте один день в неделю, иногда два. Во время своих бдений, очень продолжительных, он в этой позе омылся слезами. В результате таких изнурительных процессов, продолжавшихся днями и ночами, без еды и отдыха, его природа дала сбой; он стал слабеть; физическая слабость сделала его открытым для галлюцинаций воображения, а его нервная система стала ненормальной. Иногда казалось, что небеса приближаются к нему, и он с трудом переносил экстазы божественной любви; в другое время его душа металась в противоположном направлении: и часто эти два состояния следовали друг за другом в одном и том же упражнении, как он описал в своем Дневнике:^[2] - "Был ли когда-нибудь человек более искушен, чем несчастный Мазер? Если бы я рассказал, в каких формах дьявол нападал на меня и с какой изощренностью и энергией он это делал, это поразило бы моих друзей ужасом. Иногда искушения к пороку, богохульству, атеизму и отказу от всякой религии как от простого заблуждения, а иногда и к самоуничтожению. Все это, даже это, преследует тебя, о несчастный Мазер, с поразительной яростью. Но я падаю в пыль на пол своего кабинета со слезами на глазах перед Господом, а потом они быстро исчезают, и снова наступает прекрасная погода. Господи, что Ты со мной сделаешь?"

Его молитвы и бдения, которые часто приводили к таким высоким и интенсивным переживаниям, нередко опускались до уровня обычных подлунных дел. В своем Дневнике он пишет по одному случаю: "Я выделил день для поста с молитвой, и особым намерением этого дня было получить избавление и защиту от моих врагов. Я называл их имена Господу,

Который обещал быть моим щитом". Врагами, о которых здесь идет речь, были политические противники - губернатор Дадли и сторонники его администрации.

В другой раз он устремил свое сердце на некоторые книги, выставленные на продажу. Не имея возможности приобрести их обычным способом, он прибег к молитве: "Я не мог не упомянуть в своих молитвах перед Господом о своем желании, чтобы, если это послужит его интересам, он, по своему благовому Промыслу, позволил мне приобрести сокровища, которые сейчас передо мной. Но я оставил этот вопрос на его усмотрение с глубочайшей покорностью".

Следующая запись имеет схожий характер: "Сегодня вечером со мной произошел случай, о котором, возможно, будет нелишним вспомнить. Около двух недель я мучился от необычайной боли в сердце, и ни одно из обычных лекарств не могло ее устранить, хотя на данный момент некоторые из них немного облегчали ее. В конце концов она настолько овладела мной, что я готов был упасть в обморок. Но, когда я терял сознание, мне пришло в голову следующее размышление. Среди страданий и жалоб моего Господа Иисуса Христа *было и это*. Мое сердце было подобно воску, растопленному в середине моих кишок. Тогда я взмолился Господу, чтобы ради изжоги, которую претерпел мой Спаситель, я был избавлен от другой и меньшей изжоги, от которой я теперь страдал. Тут же мне пришло в голову, что у меня в доме есть пластырь сэра Филиппа Париса, который хорошо помогает при воспалениях; наложив пластырь, я исцелился от своего недуга".

Эти отрывки указывают на использование молитвы, которое, в той степени, в которой его применял Мазер, вряд ли бы практиковалось или одобрялось просвещенными христианами этого или любого другого века; хотя наш обозреватель полностью одобряет его. Что касается веры Мазера в силу молитвы, то он выражается с бесхитростной простотой, равной которой не было даже у Божественного. Заявив, что Всемогущий Суверен является его Отцом и обещал услышать и ответить на его прошения, он продолжает: "Он часто испытывал это обещание и находил его верным и надежным". Услышав такую фразу, можно подумать, что он слушает агента, продающего патентованное лекарство как безошибочное средство лечения или пытающегося ввести в эксплуатацию трудосберегающую машину.

Рецензент призывает меня к ответу за то, что я представляю "дело Гудвина" как имевшее "очень важное отношение к салемским беспорядкам", и пытается опровергнуть эту позицию.

По этому вопросу Фрэнсис Хатчинсон, о котором мы уже упоминали, высказывает свою точку зрения, причем весьма решительно, в следующих отрывках: [Pr. 95, 96, 101.] "Мистер Коттон Мазер не далее как в 1690 году опубликовал дело детей одного Гудвина. * * * Книга была отправлена сюда, чтобы быть напечатанной у нас, и мистер Бакстер рекомендовал ее нашим людям в предисловии, где он говорит: "Тот человек должен быть очень упрямым саддукеем, который не поверит этому". Через год после этого мистер Бакстер, возможно, воодушевленный книгой мистера Мазера, опубликовал свою собственную *"Уверенность в мире духов"* с еще одним свидетельством: "Книга мистера Мазера заставит замолчать любого недоверчивого, который притворяется рациональным". И мистер Мазер распространил книгу мистера Бакстера в Новой Англии, назвав ее книгой, не терпящей возражений".

Говоря о книге Мазера, доктор Хатчинсон продолжает: "Я рассудил так: бедная старушка, будучи ирландской паписткой и не разбираясь в значении английских слов, запуталась в суеверной вере и сомнительных ответах о святых и чарах; и, видя, какие преимущества извлек из этого мистер Мазер, я боюсь, что увидел часть причин, по которым дело было направлено против нее. Прежде всего бросается в глаза, что мистер Мазер превозносится

как обладающий огромной властью над злыми духами. Молодой человек в его семье представлен таким святым, что место его посвящения было неким лекарством от припадков юной девы. Затем книги его деда и отца обретают свидетельство, которое при случае может быть *улучшено* неизвестно насколько. Среди множества экспериментов, которые были проведены, мистер Мазер приносил этой юной деве Библию, *Катехизис Ассамблеи*, "*Молоко для младенцев*" своего деда Коттона, "*Замечательные провидения*" своего отца и книгу, доказывающую, что существуют ведьмы; и когда ей предлагали почитать что-нибудь из этого, она замирала и впадала в конвульсии. "Эти хорошие книги, - говорит он, - были для нее смертельно опасны"; и чтобы мир не был настолько тупым, чтобы не понять его правоту, он добавляет: "Надеюсь, я не испортил репутацию книг, рассказав, как сильно дьявол их ненавидел"".

Эти слова, опубликованные доктором Хатчинсоном в Англии при жизни Матеров, показывают, насколько сильным было в то время мнение, что труды этих двух богословов были предназначены и использовались для содействия распространению суеверия о колдовстве, и особенно то, что таков был эффект, а также цель публикации Коттоном Матером дела детей Гудвина, пущенного им и Бакстером в такое обращение как в Старой, так и в Новой Англии. В этой же связи Фрэнсис Хатчинсон говорит: "Обратите внимание на время публикации этой книги и книги мистера Бакстера. Книга мистера Мазера вышла в 1690 году, а мистера Бакстера - годом позже; до этого вышла "*Замечательные провидения*" отца мистера Мазера; а в 1692 году страхи и припадки страдальцев, заключение в тюрьму и казнь ведьм в Новой Англии стали таким же печальным бедствием, как чума или война. Я знаю, что мистер Мазер в своем позднем "Фолио" приписывает это индейским павам, рассылающим среди них своих духов; но я приписываю это книге мистера Бакстера, и его, и его отца, и ложным принципам, и страшным историям, которые наполнили умы людей большими страхами и опасными представлениями".

Наш Хатчинсон в своей "*Истории Массачусетса*" [II., 25-27] упоминает о возбуждении общественного мнения, вызванном случаем с детьми Гудвина. "Я часто, - говорит он, - слышал, как люди, жившие по соседству, говорили о том, что это вызвало большое волнение".

При цитировании этого автора в настоящем обсуждении всегда следует помнить о некоторых фактах. Одна из его сестер была женой сына Коттона Мазера, к которому Хатчинсон питал чувства, подобающие столь близкому родству, и в достоинстве которого Сэмюэл Мазер не сомневался. В Предисловии к своему первому тому он говорит об этом следующим образом: "Никому другому я не обязан больше, чем моему другу и брату, преподобному мистеру Мазеру, чья библиотека была открыта для меня, как прежде для преподобного мистера Принса, который взял оттуда самую большую и ценную часть того, что он собрал".

Более того, вряд ли можно сомневаться, что это была библиотека Коттона Мэзера, о которой в своем Дневнике он говорит как об "очень большой". В интересной статье, на которую я могу еще раз сослаться, в "*Коллекциях Массачусетского исторического общества*" [IV., ii., 128], нам сообщают, что в описи имущества Коттона Мазера, составленной его управляющим, "ни одна книга не упоминается среди имущества этого эксцентричного ученого". Надо полагать, что он отдал их все при жизни своему сыну, который принял сан в Северной церкви в 1732 году.

Если принять во внимание деликатность его отношений с семьей Мазер и пользу, которую он извлекал из этой библиотеки, то избегание Хатчинсоном любых неприятных упоминаний Коттона Мазера по имени достойно его чувств. Тем не менее он сохранял верность

исторической правде, о чем убедительно свидетельствуют следующие, а также многие другие отрывки из его бесценного труда. Они доказывают, что он рассматривал "печатный отчет" Мазера о случае с детьми Гудвина как имеющий очень важное отношение к непосредственно последовавшему за этим заблуждению в Салеме. "Старшая была взята, - говорит он, - в семью министра, где сначала вела себя прилично, но через некоторое время внезапно впала в припадок". "Рассказ о ее страданиях напечатан; некоторые вещи упомянуты как необычные, которым каждый день учат кувыркающихся; другие кажутся более чем естественными; но это было время большого легковерия". * * * Печатный отчет был опубликован с предисловием мистера Бакстера. * * * Он получил достаточный кредит доверия, вместе с другими подготовительными материалами, чтобы расположить всю страну к легкому навязыванию более обширной и более трагической сцены, которая была вскоре после этого разыграна в Салеме и других частях графства Эссекс". Упомянув несколько опубликованных в Англии работ, содержащих "*истории о ведьмах*", суды над ведьмами и т. д., он продолжает: "Все эти книги были изданы в Новой Англии, и соответствие между поведением детей Гудвина и большинства предполагаемых колдунов в Салеме и поведением тех, кто жил в Англии, настолько точно, что не оставляет места для сомнений в том, что эти истории были прочитаны самими жителями Новой Англии или рассказаны им другими людьми, которые их читали. И действительно, это соответствие, вместо того чтобы вызывать подозрения, служило подтверждением истинности обеих историй. Демоны Старой Англии и Новой так похожи".

Таким образом, получается, что в Англии и в этой стране бытовало мнение, что известность, которую получил случай с детьми Гудвина, особенно благодаря печатному рассказу Мазера о нем, оказала эффективное влияние на "трагическую сцену", вскоре после этого разыгравшуюся в Салеме. О том, что это мнение было верным, свидетельствует необычайное сходство между ними - одно было создано по образцу другого. Салемское дело 1692 года, по сути, было существенным повторением Бостонского дела 1688 года. На этот счет у нас есть свидетельство самого Коттона Мазера.

Преподобный Джон Хейл из Беверли, который как никто другой был компетентен сравнивать их, живя в Чарльзтауне, где жила семья Гудвинов, и принимая активное участие в судебных процессах в Салеме, в своей книге под названием "*Скромное расследование природы колдовства*", написанной в 1697 году, но не напечатанной до 1702 года, после упоминания о том, что Коттон Мазер опубликовал отчет о поведении детей Гудвинов, и краткого описания проявлений и действий салемских девочек, говорит: [стр. 24] "Я не буду расширять описание их жестоких страданий, потому что во всем они были так же ужасны, как дети Джона Гудвина в Бостоне в 1689 году, и тот, кто прочтет книгу мистера Мазера "*Замечательные провидения*", стр. 3 и др, может прочесть часть того, что эти дети, а затем и многие взрослые люди, пострадали от руки сатаны в деревне Салем и прилегающих районах в 1691-2 годах, однако в их страданиях было больше, чем в бостонских, когда в их плоть незаметно втыкали булавки, укалывая утюгами (как, частично, опубликовано в книге, напечатанной в 1693 году, а именно: *Чудеса невидимого мира*)". Это доказательство высочайшего авторитета, что, за упомянутыми исключениями, в деталях двух случаев было полное сходство. Книга мистера Хейла не подвергалась его правке, так как вышла из печати только через два года после его смерти; таким образом, мы объясняем ошибку в датировке дела Гудвина.

При составлении своей "*Магналии*" Мазер пользовался рукописью Хейла и перенес из нее почти все, что он говорит в этой работе о салемском колдовстве. Он скопировал процитированный выше отрывок. Таким образом, как Мазер, так и Хейл в достаточной

степени подтверждают тот факт, что, за указанными исключениями, между делами 1688 и 1692 годов было "во всем" полное сходство.

Кроме того, у нас есть свидетельство самого Коттона Мазера о том, что его "печатный отчет" о деле детей Гудвина действительно использовался судом в качестве авторитетного документа на процессе в Салеме, так что очевидно, что упомянутый "отчет" не только способствовал, распространяясь среди людей, началу судебного преследования 1692 года, но и привел его к фатальным результатам. Хейл говорит: [р. 27] "что судьи, судьи и другие заинтересованные лица" проконсультировались с прецедентами прежних времен и наставлениями, изложенными учеными писателями о колдовстве. Далее он перечисляет их, упоминая Кибла, сэра Мэтью Хейла, Гланвила, Бернарда, Бакстера и Бертон, и завершает список *"Памятными провидениями Коттона Мазера, относящимися к колдовству, напечатанными в 1689 году"*. Мазер переписал это также в *"Магналию"*. Хейл в другом месте ссылается на *"Памятные провидения"* как на содержащее дело детей Гудвина, состоящее, по сути, в основном из него" [р. 23]. [р. 23]. Мазер, имея перед собой книгу Хейла, должен, следовательно, считаться сторонником мнения, за которое рецензент призывает меня отчитаться, а именно, что "дело Гудвина имело очень важное отношение к салемским беспорядкам". То, что подтверждают в этом вопросе и Хатчинсоны, и Хейл, и сам Коттон Мазер, не может быть нарушено в своем положении, как истина истории.

Читатель, надеюсь, извинит меня за то, что я вдаюсь в столь подробные исследования и рассуждения в таких сравнительно малозначительных вопросах. Но, поскольку давно сложившиеся мнения относительно этой главы нашей истории были поставлены под сомнение в колонках журнала, справедливо пользующегося доверием общественности, необходимо пересмотреть основания, на которых они покоятся. Это я и предлагаю сделать, не считаясь с затратами труда и пространства. Я не буду опираться на общие соображения, а постараюсь в ходе этого обсуждения честно и тщательно просеять каждую тему, в которой обозреватель покусился на правду истории. В данном конкретном случае, когда речь идет о связи этих двух случаев предполагаемого колдовства в таких близких местах, как Бостон и Салем, и с таким коротким промежутком времени, общие соображения, как правило, считаются достаточными. Исходя из природы вещей, первое должно было послужить причиной второго. Связь между этими местами уже тогда была настолько постоянной, что ни одно важное событие не могло произойти в одном из них, не будучи известным в другом. По тысяче каналов разговоров и слухов, а также благодаря печатному рассказу Мазера, одобренному Бакстером и распространенному по всей стране, подробности предполагаемых страданий и необычных поступков детей Гудвина должны были стать хорошо известны в деревне Салем. Такой вывод можно было бы сделать, если бы не было конкретных доказательств в его поддержку; но когда его подтверждают оба Хатчинсона, мистер Хейл и, по сути, сам Мазер, он не может быть поколеблен.

Как уже говорилось, Коттон Мазер до своего опыта общения с этими "вредителями", как удачно называет "детей Гудвина" автор обзора, вероятно, верил в действенность молитвы, и только в нее, для борьбы со злыми духами и их адским князем; и заявление Джона Гудвина, что он обратился к закону не по его совету, само по себе заслуживает доверия. Однако затянувшийся процесс, терпеливо продолжавшийся в течение нескольких долгих месяцев, когда у него были все возможности в собственном доме молить дьявола из старшей из детей, в результате чего она становилась все более "нахальной", дерзкой и возмутительной, мог подорвать его веру до такой степени, что он, возможно, не вполне осознавал это. Завершая свой рассказ в *"Магналии"* [Книга VI, с. 75], он говорит, что, после того как все другие методы не помогли, "один конкретный министр, испытывая особое сострадание к семье, решил

служить им методами, предписанными Господом нашим Иисусом Христом. Соответственно, трижды обратившись к Господу в трехдневных молитвах и постясь по этому случаю, семья увидела свое избавление совершенным".

Стоит задуматься, не был ли исцелением девочки пост, который, как кажется, особенно тщательно соблюдался "по этому случаю" и в течение "трех дней". Подобное применение и раньше действовало как временное средство. Мазер рассказывает в своих *"Памятных событиях"* [р. 31], ссылаясь на дату, предшествующую "трехдневному" посту: "Мистер Мортон из Чарльзтауна, мистер Аллен, мистер Муди, мистер Уиллард и я из Бостона с некоторыми благочестивыми соседями провели еще один день молитвы в доме Джона Гудвина; с нами были все дети. Дети были мучительно измучены, пока мы трудились в молитвах; но наш добрый Бог был близок к нам в том, к чему мы призывали Его. С этого дня сила врага была сломлена; и дети, хотя после этого на них и нападали, все же не подвергались столь жестокому обращению, как раньше".

Должно быть, это был тяжелый день для всех. Пять священников и любое количество "добрых молящихся людей", как называет их Гудвин, вместе со всей семьей не могли не заполнить его небольшой дом. Дети в таких случаях часто доставляли много хлопот, как уже говорилось выше. Гудвин говорит, что "двое самых больших, лежавших на кровати, один из них охотно пнул бы добрых людей, пока они боролись с Богом за них, если бы я не удерживал его со всей силой и мощью". К молитвам добавился пост, который продолжался все это время, причем служители подкрепляли друг друга. Если бы пост продолжался три дня, то не исключено, что исцеление детей оказалось бы действенным и продолжительным. Рассказ, приведенный в *"Памятных записках"* и *"Магналии"*, о поведении этих детей под лечением Мазера и других служителей, поистине смехотворен; и нельзя ожидать, что кто-то посмотрит на это в ином свете. Его предупреждали, что, печатая ее, он подвергнет себя осмеянию. Он рассказывает, что озорная, но яркая и удивительно одаренная девочка, старшая из детей, завладев однажды его рукописью, притворилась, что дьявол на время лишил ее способности читать; и далее он сообщает нам: "Она вымогала у меня странные деньги за работу, которую я делал, и угрожала мне, я не знаю, какими бедами за нее. Она получила историю, которую я писал об этом колдовстве; и хотя до этого она читала ее снова и снова, теперь она не могла прочесть (я полагаю) ни одного целого предложения из нее; но она сделала из нее самую нелепую пародию в мире, с таким изяществом и избытком фантазии, чтобы придать смысл, который она вкладывала в нее, что я был поражен. И она особенно сказала мне, что я быстро впаду в немилость от этой истории".

Примечательно, что дети Гудвинов, как и их подражатели в Салем-Виллидж, "страдальцы", как их называли, старались, за исключением некоторых чрезвычайных случаев, не нарушать свой ночной сон и никогда не теряли аппетита во время обычной еды. Я не могу не думать, что если бы девочки из Виллиджа, подобно детям Гудвина, время от времени были вынуждены уходить на день или два на очень короткое довольствие, это бы быстро положило конец их "спорту".

Нет ничего более верного, чем то, что, оценивая поведение и характер людей, необходимо делать поправку на естественное и почти необходимое влияние мнений и обычаев их времени. Но это оправдание не может полностью укрыть Мазерсов. Как я уже показал, они больше, чем другие люди, отвечают за мнения своего времени. Это был, действительно, суеверный век; но он стал еще более суеверным благодаря их деятельности, влиянию и трудам, начиная с движения Инкреза Мазера на собрании министров в 1681 году и заканчивая отношениями Коттона Мазера с детьми Гудвина и рассказом о них, который он

напечатал и распространил далеко и широко. По этой причине, в первую очередь, я считаю этих двух людей ответственными за то, что называется "салемским колдовством".

Я признал и показал, что Коттон Мазер первоначально полагался только на молитву в своей борьбе с сатанинскими силами. Но пришло время, когда в этой борьбе нужно было использовать не только меч Духа, но и другое оружие.

ССЫЛКИ:

[1] Когда в этой статье я упоминаю имя "Хатчинсон" без какой-либо отличительной приставки, я имею в виду Томаса Хатчинсона, главного судью, губернатора и историка Массачусетса; так же и когда я упоминаю имя "Мазер", я имею в виду Коттона Мазера.

[2] Отрывки из дневника Коттона Мазера, использованные в этой статье, в основном взяты из *"Christian Examiner"*, xi., 249; *"Proceedings of Massachusetts Historical Society"*, i., 289, и iv., 404; и *"Life of Cotton Mather"* Уильяма Б. О. Пибоди, в *"Sparks's American Biography"*, vi., 162.

IV.

ОТНОШЕНИЕ МАТЕРОВ К АДМИНИСТРАЦИИ МАССАЧУСЕТСА В 1692 ГОДУ. НОВАЯ ХАРТИЯ. ОРГАНИЗОВАННОЕ ИМИ ПРАВИТЕЛЬСТВО. ПРИЕЗД СЭРА УИЛЬЯМА ФИПСА.

Ни один случай ответственности отдельных лиц за действия правительства в истории не является более решающим и неоспоримым, чем случай ответственности Матеров, отца и сына, за судебные процессы и казни за предполагаемое преступление колдовства в Салеме в 1692 году.

Увеличение Мазер находился в Англии в качестве одного из агентов колонии Массачусетс в течение нескольких лет, в последней части правления Якова II и начале правления Уильяма и Марии, охватывая большую часть периода между отменой первой Хартии и созданием провинции на основании второй Хартии. Обстоятельства сложились так, что он оказал огромное влияние на организацию правительства, предусмотренного новой Хартией. Его сын описывает его как "человека, который, помимо должности в Церкви Божьей, столь же значительной, как и все, что может дать его собственная страна, в течение многих лет с честью обращался к трем коронованным особам и высшей знати трех королевств".

Убедившись в невозможности восстановления старой хартии, Инглиз Мазер согласился с тем, что считал необходимостью, и приложил все усилия, чтобы добиться как можно более выгодных условий в новой. Его коллеги по агентству, Элиша Кук и Томас Оукс, выступили против его курса - первый решительно встал на позицию "старый устав или ничего". Это отстранило их от всякого общения с правительством страны по данному вопросу и дало мистеру Мазеру возможность контролировать ситуацию. Министры короны попросили его назначить офицеров нового правительства, и, по сути, он мог свободно и единолично выбирать их всех. По его просьбе губернатором был назначен сэр Уильям Фипс, а в соответствии с настоятельными рекомендациями, содержащимися в письме Коттона Мазера, Уильям Стоутон был назначен заместителем губернатора, сменив тем самым Данфорта, одного из самых способных людей в провинции. Фактически, каждый член Совета был обязан своим местом Мазерам и в политическом плане являлся их креатурой. Велико было ликование Коттона Мазера, когда до него дошли сведения, изложенные в его

Дневнике: "Наступило время благосклонности, да, наступило назначенное время. Теперь я получу ответы на многие молитвы, которые возносил о моем отсутствующем родителе, об избавлении и обустройстве моей бедной страны. У нас нет прежнего устава, но вместо него мы получили лучший; тот, что гораздо лучше соответствует нашим обстоятельствам. И, вместо того чтобы сделать меня жертвой нечестивых правителей, все советники провинции - кандидаты моего отца; среди них мой тесть, несколько родственников и несколько братьев моей собственной церкви. Губернатор провинции - не мой враг, а тот, кого я крестил, а именно сэр Уильям Фипс, один из моей паствы и один из моих самых дорогих друзей".

Всего советников было двадцать восемь, и трое из них, по крайней мере, принадлежали к церкви Мазера. Джон Филлипс был тестем Коттона Мазера. За два года до этого сэр Уильям Фипс был крещен Коттоном Мазером в присутствии прихожан и принят в Церковь.

"Установленное время", о котором так долго молились, оказалось коротким. Влияние Мазеров на политику провинции ограничилось первой частью короткого правления Фипса. На следующих же выборах, в мае 1693 года, десять членов Совета были исключены из его состава, а Элиша Кук, их главный противник, был избран в этот орган, хотя Фипс и отклонил его кандидатуру, воспользовавшись своей прерогативой, предусмотренной Хартией.

Увеличение Мазер прибыл на одном корабле с губернатором, фрегате *"Нонсуч"*. Поскольку Фипс был его прихожанином, был обязан ему своей должностью и неизбежно находился в тесной близости с ним во время долгого плавания, он, естественно, попал под его влияние, которое, учитывая все обстоятельства, не могло не быть контролирующим. Губернатор был человеком неграмотным, но щедрым, доверчивым и восприимчивым; старший Мазер как раз подходил для того, чтобы получить власть над таким человеком. Он дважды бывал за границей, в раннем детстве и в более зрелом возрасте, знал мир, общался с учеными людьми в колледжах, среди выдающихся богословов и государственных деятелей, многое видел в судах и деятельности правительств. Благодаря более обширному опыту и наблюдениям, чем у его сына, его поведение было более достойным, а его суждения - бесконечно лучшими; в то время как его таланты и приобретения не намного, если вообще, уступали ему. Поэтому, когда Фипс высадился в Бостоне, не могло быть иначе, чем чтобы он перешел под контроль Мазерсов, один из которых сопровождал, а другой встречал его на берегу. Они были его религиозными учителями и наставниками; благодаря их эффективному покровительству и усилиям он занял свой высокий пост. Они, его заместитель, Стоутон и весь класс людей, находящихся под их влиянием, сразу же собрались вокруг него, дали ему первые впечатления и направляли его движения. Благодаря своим талантам и положению Мазеры контролировали народ и держали открытым канал, по которому они могли достичь ушей королевской власти. Правительство провинции номинально принадлежало Фипсу и его Совету, но Мазеры были силой, стоящей за трон, большей, чем сам трон. Следующее письмо, никогда ранее не публиковавшееся, за которое я обязан Абнеру К. Гуделлу, эсквайру, вице-президенту Эссекского института, показывает, как они вели себя в законодательном органе и общались с правительством страны.

"Милорд:

"Мне остается только заверить Вашу светлость, что большинство подданных Их Величеств (насколько я могу понять) со всей благодарностью принимают милости, которые им дарует новая Хартия. На прошлой неделе Генеральная ассамблея (которая, как известно вашей светлости, является нашим парламентом Новой Англии) собралась в Бостоне. Тогда я увещевал их выступить с благодарственной речью к Их Величествам; что, как мне сообщили, Ассамблея единодушно согласилась сделать, как и полагается по долгу службы. Я также

ознакомил всю Ассамблею с тем, насколько не только я, но и они, и вся эта провинция в частности, обязаны вашей светлости, что они с благодарностью восприняли, как явствует из писем от них самих, которые ваша светлость получит. Если я могу хоть в чем-то послужить интересам Их Величеств здесь, я буду считать себя счастливым и всегда буду стараться одобрить себя, милорд,

"Ваш покорнейший, благодарный
и покорный слуга,
Увеличение Мазер.

"Бостон, штат Нью-Эйрленд.
23 июня 1692 года.

"Достопочтенному *графу Ноттингему*, его величеству главному государственному секретарю в Уайтхолле".

Хотя они могли обращаться к Генеральной Ассамблее и государственным министрам в Лондоне, правительство здесь было, по мнению Хатчинсона, "администрацией Мазера" [*i.*, 365; *ii.*, 69]. Оно было "коротким, резким и решительным". Оно открылось с большой силой; его ход был отмечен ужасом и разрушениями; оно закончилось с таинственной внезапностью; и его единственным памятником является Салемское колдовство - "*судебное убийство*", как называет его Рецензент, двадцати мужчин и женщин, столь же невинных в своей жизни, сколь и героических в своей смерти.

Судно "*Нонсуч*" прибыло в Бостонскую гавань к вечеру четырнадцатого мая 1692 года. В дневнике судьи Сьюолла, хранящемся сейчас в Массачусетском историческом обществе, есть такая запись, относящаяся к вышеуказанной дате. "Свечи зажжены до того, как он вошел в Таун-хаус, 8 компаний дождались его до дома, а затем мистера Мазера до его дома, не делали никаких залпов, потому что была субботняя ночь".

На следующий день губернатор, мы можем быть уверены, посетил общественное богослужение вместе с общиной, к которой он принадлежал; и это событие, несомненно, было должным образом отмечено. После столь долгого отсутствия Инглиз Мазер не мог не обратиться к своему народу, и его сын также принял участие в интересном богослужении. Присутствие в его зале человека, который за некоторое время до этого был возрожден их проповедью, а теперь вновь появился среди них с титулом и полномочиями губернатора Новой Англии, добавленными к предыдущим почестям рыцарства, сразу же навело всех на мысль, и особенно его самого, о признании политического триумфа, а также духовных достижений соратников-служителей Северо-Бостонской церкви. Судя по тому, что мы знаем о состоянии общественного сознания в то время, о чем красноречиво говорится в документе, который я сейчас представляю, не может быть никаких сомнений относительно того, к какому классу тем и увещаний относились в тот день его превосходительство и многолюдная община.

Понедельник, шестнадцатое число, был посвящен церемониям публичного вступления в должность нового правительства. Шествие направилось к зданию городской администрации, где губернатор и вице-губернатор зачитали вслух комиссии и хартии, на основании которых они были назначены. Затем последовал публичный обед, а по его окончании сэра Уильяма проводили в его резиденцию. На заседании Совета, состоявшемся на следующий день, семнадцатого числа, после принесения всеми присяги, было решено "созвать общее собрание Совета в следующий вторник, двадцать четвертого мая, в Бостоне, в два часа по постмеридиану, для выдвижения и назначения судей, присяжных и других

должностных лиц Совета и судов в пределах этой провинции Их Величеств, и немедленно направить уведомление об этом или повестку членам Совета, которые сейчас отсутствуют".

Следующее письмо сэра Уильяма Фипса правительству страны, недавно полученное из Англии мистером Гуделлом, было опубликовано в последнем томе *"Собрания Эссекского института"* - том IX, часть II. Я печатаю его целиком и прошу читателя внимательно изучить его и ссылаться на него по мере необходимости в этой дискуссии, поскольку он является ключом ко всем событиям, связанным с процессом над колдуньями. Его первое предложение показывает, какое впечатление произвели те, кто впервые встретил и окружил его, на его возбудимую натуру:

"Когда я только приехал, я обнаружил, что эта провинция страдает от ужаснейшего колдовства или одержимости дьяволами, которое ворвалось в несколько городов, несколько десятков бедных людей были подвергнуты сверхъестественным мучениям, некоторых ошпаривали серой, некоторым втыкали булавки в плоть, других бросали в огонь и воду, а некоторых вытаскивали из домов и несли по верхушкам деревьев и холмов на протяжении многих миль вместе; Мне представилось, что это очень похоже на то, что было в Швеции лет тридцать назад; и до моего приезда там многих посадили в тюрьму по подозрению в колдовстве. Громкие крики и шум друзей пострадавших людей, а также советы вице-губернатора и многих других людей убедили меня дать комиссию по проверке, чтобы выяснить, какое колдовство может быть на дне, или не является ли это владением. Главным судьей в этой комиссии был вице-губернатор, а остальные - люди наилучшего благоразумия и фигуры, каких только можно было набрать. Когда суд собрался в Салеме, в графстве Эссекс, они осудили более двадцати человек, виновных в колдовстве, некоторые из осужденных признали свою вину; суд, как я понимаю, начал свое разбирательство с обвинений страдающих людей, а затем перешел к другим гуманным доказательствам, чтобы подкрепить их. Почти все время разбирательства я находился за границей на службе у Их Величеств, в восточной части страны, и полагался на решение суда относительно способа разбирательства дел о колдовстве; но когда я вернулся домой, то застал многих людей в странном брожении недовольства, которое усилилось от некоторых горячих духов, раздувавших пламя; Но, поинтересовавшись, я обнаружил, что дьявол взял на себя имя и облик нескольких человек, которые, несомненно, были невинны и, насколько мне известно, имели хорошую репутацию; по этой причине я теперь запретил совершать любые другие обвинения без неизбежной необходимости, а тех, кто уже совершил, я бы укрыл от любого разбирательства против них, где может возникнуть хотя бы малейшее подозрение в том, что невинным будет причинен какой-либо вред. Я также буду ждать каких-либо особых указаний или повелений, если Их Величества соизволят дать мне таковые, для более полного упорядочения этого запутанного дела".

"Я также прекратил печатание любых рассуждений в ту или иную сторону, которые могут увеличить ненужные споры людей по этому поводу, потому что я видел вероятность разжигания неугасимого пламени, если я допущу любые публичные и открытые споры; и я огорчен тем, что некоторые, которые должны были бы оказать их величествам и этой провинции лучшую услугу, до такой степени взяли совет страсти, что желают поспешности в этих вопросах; Эти вещи были улучшены некоторыми, чтобы дать мне много перерывов в службе Их Величеств, [которая] была таким образом несчастно засорена, и люди, которые так плохо улучшили эти дела здесь, пытаются обратить это на меня, но я настоящим заявляю, что как только я пришел из сражения против врагов Их Величеств, и понял, какой опасности могут подвергнуться некоторые из их невинных подданных, если свидетельства только

пострадавших лиц возобладают, либо для совершения, либо для суда над кем-либо из них, я, прежде чем ко мне обратились с каким-либо заявлением по этому поводу, остановил производство суда, и оно теперь остановлено, пока не будет известно о благоволении их величеств. Сэр, я прошу прощения за то, что доставил вам столько хлопот; причина в том, что я знаю, что мои враги хотят обратить все это против меня. Сэр,

"Я
Ваш покорнейший слуга
Уильям Фипс.

"Датировано в Бостоне, Новая Англия, 14 октября 1692 года.

"Мем ^{дм}

"Чтобы милорд президент соблаговолил ознакомить Его Величество в Совете с сообщением, полученным из Новой Англии от сэра У. Фипса, тамошнего губернатора, о разбирательстве в отношении нескольких лиц за колдовство, как следует из письма губернатора по этим вопросам".

Вышеприведенный документ, повторяю, указывает на то, с какими разговорами столкнулся Фипс, сойдя на берег. Преувеличенные рассказы об удивительных происшествиях в Салем-Виллидж обрушились на него от всех, кого он мог встретить. То, как Мазеры через него получили исключительное право на управление провинцией, вероятно, не позволило ему свободно общаться с кем-либо из ведущих людей, не входящих в его Совет и представленную в нем партию. В письме, написанном в октябре следующего года, в тот момент, когда он принял решение порвать с теми, кто подтолкнул его к поспешному назначению Специального суда, его слова звучат многозначительно. "Я с горечью вижу, что некоторые, кто должен был бы оказать их величествам и провинции лучшую услугу, до такой степени поддались страсти, что желают поспешности в этих делах". Это относится к советникам, которые подтолкнули его к необдуманным мерам, принятым по прибытии, и равносильно их осуждению. Насколько опрометчивыми и поспешными были эти меры, я сейчас и покажу.

V.

ОСОБЫЙ СУД ГЛАШАТАЕВ И ТЕРМИНЕРОВ. КАК ОН БЫЛ СОЗДАН. КТО ОТВЕТСТВЕНЕН ЗА НЕГО. УПРАВЛЕНИЕ ПРОВИНЦИЕЙ СОСРЕДОТОЧИЛОСЬ В РУКАХ ЕГО ГЛАВНОГО СУДЬИ.

Так сильно давила на сэра Уильяма Фипса дикая паника, в которую впало общество, что он приказал заковать в кандалы тех, кого салемские магистраты отправили в тюрьму; но природная доброта сердца и здравый смысл заставили его смягчить неоправданную суровость. Профессор Боуэн в своей *"Жизни Фипса"*, опубликованной в *"Американской биографии"* Спаркса [vii., 81], говорит: "Сэр Уильям, похоже, не был серьезен в этом деле; ведь офицерам было позволено уклоняться от приказа, действительно надевая кандалы, но тут же снимая их снова".

Во вторник, двадцать четвертого мая, Совет собрался, чтобы рассмотреть вопрос, специально назначенный на этот день, а именно: выдвижение и назначение судебных чиновников.

Губернатор уведомил, что он издал предписания о выборах представителей для созыва общего суда, который должен состояться восьмого июня.

Он также представил Совету назначенное дело, которое "было соответствующим образом рассмотрено, и были названы различные лица в соответствующих графствах, которые были оставлены для дальнейшего рассмотрения".

Двадцать пятого мая, когда Совет снова собрался, в протоколе говорится: "Был проведен дальнейший разговор о лицах в нескольких графствах для судей и других должностных лиц, и было решено отложить рассмотрение подходящих лиц для судей, пока не будут учреждены суды правосудия".

На следующем заседании, двадцать седьмого мая, было приказано, чтобы члены Совета, каждый в отдельности, и их секретарь, были мировыми судьями и кворумом в соответствующих графствах, где они проживают: Кроме того, был принят длинный список, назначающий названных в нем лиц судьями, а также шерифами и коронерами; Кроме того, был учрежден специальный суд *Oyer and Terminer* для графств Саффолк, Эссекс и Мидлсекс, состоящий из Уильяма Стоутона, главного судьи, Джона Ричардса, Натаниэля Солтонсталла, Уэйта Уинтропа, Бартоломью Гедни, Сэмюэля Сьюолла, Джона Хаторна, Джонатана Корвина и Питера Сарджента, любые пять из них должны составлять кворум (Стоутон, Ричардс или Гедни должны быть одним из пяти).

Если учесть, что этот вопрос был специально вынесен на обсуждение семнадцатого числа, и обсуждался в течение двух дней, двадцать четвертого и двадцать пятого, в результате чего был сделан вывод, что назначение судей следует отложить, *"пока не будут учреждены суды правосудия"*, что, согласно Хартии, мог сделать только Генеральный суд, который должен был собраться, как уведомил их губернатор, менее чем через две недели, то учреждение Суда ойеров и терминаторов двадцать седьмого числа должно рассматриваться как весьма экстраординарное. Было признано, что это несанкционированная процедура; взвешенное мнение Совета было высказано против нее; и не было повода для такой спешки, поскольку Законодательное собрание должно было собраться так скоро. Должно быть, на него оказывалось сильное давление извне, чтобы вызвать такую перемену позиции. Со среды по пятницу некоторые влиятельные лица, должно быть, усердно работали. Причины, по которым Совет внезапно отменил свое обдуманное решение, указаны в протоколе: большое количество преступников, ожидающих суда, переполненность тюрем и *"это жаркое время года"* - двадцать седьмое мая! Далее говорится, что *"в стране еще не было создано ни судебной власти, ни судов"*, поэтому такой экстраординарный шаг был необходим. Действительно, примечательно, что перед лицом своих собственных зафиксированных убеждений в целесообразности и правильности и вопреки положениям Хартии, которой за несколько дней до этого они поклялись подчиняться, Совет мог дойти до того, что *"послушался страсти"* и бросился наперекор всем препятствиям к этой поспешной мере.

В дневниках нигде не упоминается о колдовстве; но суд должен был принимать решения по всем делам о фелонии и других преступлениях. Записи Совета" были получены из Англии только в 1846 году. Писатели обычно говорят о том, что суд состоял из семи судей. Отставка Солтонсталла, похоже, не привела к новому назначению; и, возможно, Хаторн, который обычно выступал в качестве магистрата и подписывал большинство приговоров заключенным, не часто, если вообще когда-либо, заседал в качестве судьи. Таким образом, состав суда мог быть сокращен до семи человек. Клерком был назначен Стивен Сьюолл, а верховным шерифом - Джордж Корвин.

Созданный таким образом и организованный двадцать седьмого мая, суд собрался второго июня для рассмотрения дела Бриджет Бишоп. Ордер на ее смертную казнь был подписан восьмого июня, в тот самый день, когда собрался законодательный орган; а десятого она была казнена. Это действительно была "поспешность". Прежде чем Генеральный суд успел, возможно, создать "учреждение судов правосудия" в рамках полномочий, предоставленных ему Хартией, этот Специальный суд, внезапно возникший в стране вопреки обдуманному первому решению самого Совета и не вызванный никакой чрезвычайной ситуацией, которую Генеральный суд, только что вышедший на сцену, не мог бы законно, конституционно и адекватно удовлетворить, окунул свои руки в кровь; а очарованный и потрясенный народ и его представители позволили колесам "джаггернаута" катиться дальше.

На вопрос, кто несет ответственность за создание в такой горячей спешке этого суда и за то, что он сразу же приступил к своей беспощадной работе, нельзя ответить полностью и конкретно, с абсолютной очевидностью, но мы можем приблизиться к его удовлетворительному решению. Мы знаем, что одно слово любого из Мазеров остановило бы дело. В то время их отношения с правительством были контролирующими. Кроме того, если бы в то время кто-то из других ведущих министров - Уиллард или Аллен - потребовал отсрочки, пришлось бы сделать паузу; но никто из них, похоже, не выступил открыто против, и все должны разделить ответственность за последующие события.

Фипс говорит, что ситуация в деревне Салем была представлена ему как "очень похожая на шведскую, произошедшую около тридцати лет назад". Этот шведский случай был особой темой Коттона Мазера. В своей книге *"Чудеса невидимого мира"* он говорит, что "другие добрые люди подвергались подобным преследованиям, но ни один из них не был в обстоятельствах, более похожих на наши, чем народ Божий в Свидланде". Он вводит в *"Чудеса"* отдельный рассказ об этом, а также воспроизводит его в своей *"Жизни Фипса"*, включенной впоследствии в *"Магналию"*. Первое, что он делает, представляя этот случай, заключается в следующем: "Жители города усердно обращались к Богу в молитвах, и все же их бедствия продолжались. После этого судьи создали специальную комиссию, чтобы найти и искоренить эту адскую шайку; и тем более, что другое графство в королевстве, которое подвергалось таким нападкам, было передано на казнь ведьмам" - *The Wonders of the Invisible World*. Edit. London, 1693, p. 48.

То значение, которое Коттон Мазер придал делу в Швеции, особенно если рассматривать его в связи с вышеприведенной выдержкой, указывает на то, что, как я предполагаю, он изменил свое мнение о том, как следует поступать с ведьмами; и что он пришел к выводу, что молитвы не помогут, и ничто, кроме виселицы, не сможет решить эту проблему. В шведском деле был найден прецедент для создания "Специальной комиссии судей и терминаторов".

Губернатор должен был осознать, насколько важно снять с себя ответственность за организацию такого суда и переложить ее на своих советников. Трибунал состоял из вице-губернатора в качестве главного судьи и еще восьми человек, все они были членами Совета, и каждый, как уже было показано, был обязан своим местом в этом Совете Матерам.

Недавняя публикация этого письма губернатора Фипса позволяет нам теперь объяснить некоторые обстоятельства, до этого едва ли понятные, и оценить масштабы бесчинств, совершенных теми, кто контролировал управление провинцией, во время суда над колдунами.

В 1767 году Эндрю Оливеру, тогдашнему секретарю провинции, было поручено изучить записи правительства, чтобы выяснить прецеденты, затрагивающие вопрос,

представлявший большой интерес в то время. Из его отчета, часть которого приведена в "Бесценной истории Бостона" Дрейка, [р. 728] следует, что вице-губернатор Стоутон по назначению губернатора в присутствии секретаря принес присягу членам Палаты представителей, созванной восьмого июня 1692 года; что в качестве вице-губернатора он заседал в Совете, как правило, в течение того года и, кроме того, ежегодно избирался в Совет до своей смерти в 1701 году. Все это время он заседал в двойном качестве - *по должности* и в качестве избранного члена; и большую часть этого времени, в отсутствие Фипса, он был исполняющим обязанности губернатора. Записи на сайте показывают, что он заседал в Совете, когда присутствовал сэр Уильям Фипс, и председательствовал в нем, когда его не было, и всегда после смерти Фипса, пока в 1699 году не пришел новый губернатор. Примечательно, что Палата представителей ежегодно избирала его одним из двадцати восьми членов Совета, в то время как он, будучи заместителем или исполняющим обязанности губернатора, имел право на место. Это придавало ему ярко выраженный законодательный характер и давало право, как избранному члену органа, голосовать и действовать напрямую во всех случаях, без ограничений и стеснений, в дебатах и в комитетах, при принятии законов, а также при их исполнении.

В рассматриваемом письме губернатор Фипс пишет: "Почти все время, пока длилось разбирательство, я находился за границей, на службе у Их Величеств в восточной части страны".

Весь тон письма оставляет впечатление, что, находясь вдали от места событий, в частых и длительных отлучках, он не был в курсе происходящего. Он полагался "на решение суда" относительно его методов работы и был удивлен, когда эти методы были доведены до его сведения. Чувствуя свою неспособность справиться с таким делом, он был готов оставить его тем, кто должен был быть более компетентным. Действительно, он передал все дела заместителю губернатора. В письме, за которое я обязан мистеру Гуделлу, от двадцатого февраля 1693 года, адресованном графу Ноттингему и передающем копии законов, принятых Генеральным судом, губернатор Фипс говорит: "Не будучи сведущ в законах, я полагался на вице-губернатора, который назначен судьей судов, чтобы они были в точности согласны с законами Англии и не противоречили им ни в одной части. Если там будет какая-нибудь ошибка, я знаю, что она не ускользнет от вашего внимания, и желаю, чтобы была дана проверка того, что может быть не так".

Заключительная фраза несколько смахивает на недоверие к юридическим способностям и суждениям Стоутона, возможно, из-за плохой работы, которую он проделал на Салемском процессе летом предыдущего года; но весь отрывок показывает, что Фипс, сознавая собственную неосведомленность в таких вопросах, полностью оставил их на усмотрение главного судьи.

Записи показывают, что он заседал в Совете до закрытия Законодательного собрания, второго июля. Но главные дела, очевидно, находились под руководством Стоутона, который был председателем большого Объединенного комитета, которому было поручено привести весь свод законов в соответствие с переходом колонии от независимого правительства по первой Хартии к состоянию подвластной провинции.

Один человек был судим и казнен, а суд проводил второе заседание, когда Законодательное собрание ушло на покой. Сразу после восьмого июля Фипс отправился на восток. И снова, первого августа, он отплыл из Бостона с отрядом в четыреста пятьдесят человек к устью Кеннебека. В архиве Массачусетса, офис секретаря, Дом штата, том LI, стр. 9, хранится подписанный Фипсом оригинал документа от первого августа 1692 года, передающий

управление Стоутону на время его отсутствия. Из книги *"Восточные экспедиции Черча"*, часть II, стр. 82, под редакцией Г. М. Декстера и изданной "Виггин и Лант", Бостон, 1867 г., следует, что значительную часть августа губернатор отсутствовал, занимаясь важными делами на побережье Мэна. Примерно в середине сентября он снова отправился на Кеннебек и вернулся только незадолго до двенадцатого октября. В течение года он также некоторое время отсутствовал в Род-Айленде. Хотя он был энергичным и деятельным человеком, у него было столько дел, связанных с вопросами о пределах его власти над Коннектикутом и Род-Айлендом и управлением делами на востоке, сколько он не мог уделить. Кроме того, согласно инструкциям, полученным от короны, его главной обязанностью было защищать восточные районы своего правительства. Положение дел там, в связи с нападениями индейцев и бесчинствами на окраинные поселения, подстрекаемых французами, было представлено как настоятельно требующее его внимания. Кроме того, требовались максимальные усилия для защиты морского побережья от буканьеров. В дополнение к общественным нуждам, призывавшим его на восток, его чувствам, несомненно, было приятнее вернуться в родные края и в дом его ранних лет, где, начав с самых скромных сфер механического труда и морских приключений, в качестве корабельного плотника и моряка, он приобрел мужественную энергию и предприимчивость, которые привели его к удаче, рыцарской чести и должности губернатора Новой Англии. Все воспоминания и лучшие привязанности его натуры побудили его встать на защиту столь любившегося ему края. Это было гораздо приятнее для его чувств, чем оставаться под церемониальными и пуританскими ограничениями правительственной резиденции и быть вовлеченным в недоумения, с которыми у него не было ни способностей, ни, вероятно, вкуса бороться. Он был рад убрать себя с дороги; а поскольку его порывистый и импульсивный характер приводил к тому, что подчиненные могли найти его проблемным, они не жалели, что его позвали в другое место.

Я упомянул об этом, чтобы оправдать впечатление, переданное в его письме, что он мало что знал о происходящем до своего возвращения в первой половине октября. Фактическое отсутствие на расстоянии, большую часть времени, и поглощающие заботы по организации экспедиций и снабжению для них, пока он был дома - особенно потому, что с самого начала он полностью передал дела двора своему заместителю, Стоутону - нетрудно предположить, что это не позволило его мыслям сильно, если вообще, обратить на это внимание. Поэтому мы можем считать, что преследования за колдовство полностью находились под контролем Стоутона и тех, кто, наделив его властью, естественно, мог влиять на ее использование.

Ставя под сомнение законность суда, Хатчинсон выражает глубокое чувство нерегулярности его работы; хотя, по его словам, это "самый важный суд для жизни субъекта, который когда-либо проводился в провинции", во многих моментах он встречает его безоговорочное порицание. Что касается случая, когда присяжные вынесли вердикт "невиновен" по делу Ребекки Нерс, а затем, под влиянием недовольства суда, были вынуждены выйти снова и вынести вердикт "виновен", он осуждает эту процедуру. Говоря о том, что жене или мужу разрешено обвинять друг друга, он восклицает: "Я содрогаюсь, когда рассказываю об этом"; и, рассказывая о результатах последнего процесса, он говорит: "Этот суд, счастливый для страны, больше не заседал". Его заседания были произвольными, суровыми и необдуманно. Обычные формы осторожности и справедливости были проигнорированы. Судьи не скрывали предрешенности решения, принятого против заключенных в коллегии адвокатов. Ни один адвокат не был допущен к ним. Судебные разбирательства проходили в упрощенном порядке, и казнь следовала сразу за приговором. В то время как он разрушал жизни мужчин и женщин, занимающих достойное положение в обществе, безупречных и выдающихся христиан, глав семейств, пожилых мужчин и почтенных матрон, все обычные

гарантии общества за пределами трибунала были сметены. В отсутствие сэра Уильяма Фипса главный судья полностью поглотил в своей персоне все правительство. Его постановления влияли на суд, в котором он выступал в роли обвинителя заключенных, и подавляли присяжных. Он выносил решения по приговорам своего собственного суда, выслушивал и отклонял прошения и мольбы о помиловании или отсрочке. В Массачусетсе на время были стерты три главные составляющие всех конституционных или хорошо организованных правительств. В отсутствие Фипса исполнительные функции выполнял Стоутон.

Председательствуя в Совете, он также занимал место избранного рядового члена, участвуя, таким образом, в его работе и руководя ею, участвуя, как лидер, в законодательстве, работая в комитетах и разрабатывая законы. В качестве главного судьи он возглавлял судебный департамент. Он был главнокомандующим военными и морскими силами и крепостями в пределах провинции. Все административные, законодательные, судебные и военные полномочия были сосредоточены в его лице и осуществлялись его рукой. В Америке никогда не было более позорной тирании или шокирующего деспотизма, чем в "темный и ужасный день", как его называли, когда Специальная комиссия судей и терминаторов сеяла по стране разрушения, разорение, ужас, несчастья и смерть. Это позор для того поколения, что оно так долго терпело; и, вместо того чтобы пытаться придумывать оправдания, всем последующим поколениям следует почувствовать, как это глубоко чувствовали просвещенные и честные люди, как только буря утихла и распростертый народ снова встал во весь рост, овладев своими чувствами, что все должны смиренной и сердечной молитвой молить о божественном прощении, как это делал до конца своих дней один из судей, полностью заблуждавшийся в то время, как и все остальные.

Поскольку все официальные полномочия провинции были сосредоточены в Стоутоне, он, похоже, вряд ли знал, в каком качестве выступает, когда возникали разные случаи. Он подписал ордер на смерть Бриджет Бишоп, не присвоив себе никакого отличительного титула, только свое имя и личную печать. Легко представить, как это сосредоточение всей власти государства в одном человеке разрушило все гарантии и закрыло все двери убежища. Когда посланник бедной молодой жены Джона Уилларда, или героическая дочь Элизабет Хоу, или представители жителей деревни всех сословий, объединившиеся в мольбе за Ребекку Нерс, спешили в Бостон, чтобы подать прошения о помиловании губернатору, то, будучи допущенными к нему, сталкивались с суровым лицом того же человека, который, будучи главным судьей, закрывал уши для милосердия и хмуро заставлял присяжных выносить приговор; Сердца их упали, и все поняли, что даже надежда покинула страну.

Такова была политическая и государственная администрация провинции Массачусетс летом 1692 года, в которой велось судебное преследование за колдовство. Оно осуществлялось людьми, которых Мазеры привели к власти и которые полностью подчинялись их советам. Если, повторяю, в истории и есть случаи, когда конкретные люди несут ответственность за действия правительства, то это один из них. Я завершаю эти общие взгляды на влияние Инкреза и Коттона Мазера на идеи народа и действия правительства, вылившиеся в трагедию с колдовством, повторением утверждения, которое при всех обстоятельствах, я думаю, не может быть оспорено, что, если бы они действительно и искренне выступали против этого процесса на любом этапе, они могли бы и остановили бы его.

Теперь я перехожу к более конкретному рассмотрению вопроса о связи Коттона Мэзера с колдовским заблуждением 1692 года.

VI.

СВЯЗЬ КОТТОНА МАЗЕРА С СУДОМ. ПРИЗРАЧНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА. ПИСЬМО ДЖОНУ РИЧАРДСУ. СОВЕТ МИНИСТРОВ.

Меня обвиняют в том, что я неверно описал роль Коттона Мазера, в частности, в этом отрывке нашей истории. Поскольку в то время почти вся община была введена в заблуждение, а всеобщее согласие способствовало забвению, трудно вернуть все части этой истории в сферу абсолютного знания. Записи - муниципальные, церковные, судебные и провинциальные - были добровольно преданы забвению; молчание, по общему согласию, пропитало переписку и разговоры. Даже в самых частных дневниках можно найти краткие упоминания об этом. Возможно, было бы хорошо, если бы память об этом дне могла быть полностью уничтожена; но этого не произошло. Напротив, поскольку во всевозможных ложных и неверных представлениях она вошла в литературу страны и мира и смешалась с постоянными представлениями человечества, будет правильно и необходимо представить всю эту операцию, насколько это возможно, в свете истины. Каждый здравомыслящий человек должен радоваться тому, что несправедливость, причиненная репутации умерших или живущих, исправлена; и я могу с уверенностью сказать, что никто не обрадовался бы больше, чем я, если бы мнение, представленное о Коттоне Мазере в *"Североамериканском обозрении"* от апреля 1869 года, оказалось верным. В этом духе я и перехожу к изложению доказательств, относящихся к данному вопросу.

Вера в существование личного дьявола в то время была практически повсеместной. Так же как и вера в существование призраков, явлений и привидений. О них думали и говорили не более неохотно, чем о том, что мы называем природными объектами и явлениями. Дьяволу приписывалась огромная власть над земными делами; но было распространено мнение, что он не может воздействовать на людей иначе, чем через посредство других людей, находящихся с ним в добровольном сговоре, и что с помощью их призраков он может творить любые беды. Пока господствовало это мнение, свидетельство очевидца о том, что он видел призрак определенного человека, поразившего его самого или кого-либо еще, считалось доказательством того, что человек, представленный таким образом, был в союзе с дьяволом, или, другими словами, ведьмой. От этой идеи отказались некоторые писатели, которые считали, что дьявол может использовать призрак невинного человека, чтобы причинить вред, и что, следовательно, это не является положительным или убедительным доказательством того, что кто-то является ведьмой, потому что его призрак видели мучающим других. Логический вывод из взглядов этих поздних авторов заключался в том, что спектральные доказательства, как их называли, свидетельствующие против обвиняемой стороны, совершенно ненадежны и должны быть полностью отброшены во всех случаях.

Рецензент утверждает, что *"Духовенство Новой Англии"* приняло взгляды только что упомянутых авторов и считало, что спектральные доказательства ненадежны и небезопасны и должны быть полностью отвергнуты; в частности, он утверждает, что такого мнения придерживался Коттон Мазер. Верно, что они исповедовали глубокое уважение к этим писателям; но верно и то, что ни Мазер, ни другие министры в 1692 году не приняли вывод, которого, по мнению обозревателя, неизбежно требует здравый смысл и разум, а именно: "Никакие спектральные доказательства не должны быть допущены". Напротив, они разрешили "принимать" спектральные свидетельства. Я предлагаю доказать это; и если мне удастся это сделать, то вся ткань статьи в *"Североамериканском обозрении"* рухнет на землю.

На этом этапе необходимо сказать несколько слов о "*Бумагах Мазера*". Они были опубликованы комитетом Массачусетского исторического общества в 1868 году. Моя работа была опубликована в 1867 году. Рецензент и некоторые журналы, взявшие на себя обязательства по его поддержке, обвиняют меня в большой небрежности, поскольку я не ознакомился с этими документами, *которые тогда еще не были напечатаны*. На мой вопрос, когда я проводил свои исследования, мне сообщили те, кто держал их в руках, готовя к печати, что они не содержат ничего существенного для моей работы; и эта информация была верной. Изучив напечатанный том, я не нашел ни одного пункта, который бы требовал изменения, добавления или опущения в моей работе. Но они вполне пригодятся в дискуссии, к которой меня вынуждает статья в "*Североамериканском обозрении*".

Вернемся к вопросу, поставленному рецензентом. Он делает некое абсолютное утверждение, повторяет его в различных формах и уверенно принимает его на веру, как в этих отрывках: "Стоутон признавал призрачные свидетельства; Мазер в своих трудах на эту тему осуждал их как незаконные, немилосердные и жестокие". "Он всегда свидетельствовал против него, как публично, так и частным образом; в частности, в своем письме к судьям он умолял их ни в коем случае не допускать его; и когда значительное собрание министров дало *совет* по этому вопросу, он не только согласился с ним, но и составил его". "*Совет* был очень конкретным, исключаящим призрачные свидетельства".

В первую очередь, и я могу сказать, главным образом, в поддержании этой позиции - а именно, что Мазер осуждал *принятие* призрачных показаний и требовал их *исключения* - он опирается на фразу из письма Коттона Мазера Джону Ричардсу, названную рецензентом "его письмом к судьям", среди *Mather Papers*, p. 891.

Хатчинсон сообщает нам, что Ричардс приехал в страну в низких обстоятельствах, но стал богатым торговцем в Бостоне. Он был членом церкви Мазера и одним из членов специального суда, который должен был судить ведьм. Его заседание должно было начаться на первой неделе, вероятно, в четверг, во второй день июня. Письмо, датированное вторником, тридцать первым мая, адресовано только Джону Ричардсу и начинается с выражения сожаления о том, что сильное недомогание не позволит ему сопровождать его на судебные заседания. "Извините меня, - говорит он, - что я жду вас, чтобы вы, приложив все свое умение и заботу, помогли благородному служению, к которому вы призваны Богом на этой неделе, - служению встречи со злыми духами на высоких местах нашего воздуха, а также обнаружения и сбивания с толку их единомышленников". Он надеется, что до того, как суд "углубится в это таинственное дело", он сможет "исполнять желания" Ричардса, которые для него "всегда являются повелениями". Он пишет это письмо "для укрепления ваших достопочтенных рук в том деле Божьем, к которому (я благодарю его) он так хорошо вас приспособил". После некоторых других комплиментов и заверений в том, что "народ Божий постился и молился перед Ним о вашем руководстве", он переходит к изложению своего любимого шведского дела, в котором "усилия судей обнаружить и искоренить авторов этого ужасного колдовства" "немедленно сопровождалась замечательной улыбкой Бога". Далее следует абзац, который рецензент демонстративно цитирует, чтобы доказать, что Коттон Мазер был согласен с ним в том, что свидетельства призраков не должны быть "допущены".

Прежде чем процитировать этот абзац, я хочу, чтобы читатель обратил внимание на то, как дело в Швеции доводится до сведения Ричардса в только что процитированных пунктах, в связи с тем, что я сказал в этой статье, страница 16. У Коттона Мазера была книга на эту тему. "Она написана на английском языке, - говорит он, - острым пером превосходного и знаменитого доктора Хорнека". Кто, как не Мазер, мог довести это дело до сведения Фипса,

стр. 14. Ричардсу оно было предъявлено примерно в то же время, что и Фипсу; и в качестве аргумента в пользу *"истребления"* ведьм, в результате действий суда *Oyer and Terminer*.

Этот пункт звучит следующим образом: "И все же я должен смиренно просить вас, чтобы при управлении делом, находящимся в ваших достойнейших руках, вы не придавали показаниям Спектра больше значения, чем они могут выдержать. Когда вы убедитесь и будете иметь веские юридические доказательства того, что демоны, досаждающие нашим бедным соседям, действительно представляют страдальцам таких-то и таких-то людей, пусть это и будет предположением, но, полагаю, вы не станете считать это убеждением, что представленные таким образом люди - ведьмы, подлежащие немедленному истреблению. Совершенно точно, что дьяволы иногда представлялись в облике людей не только невинных, но и весьма добродетельных. Хотя я верю, что справедливый Бог в таком случае, как правило, предоставляет возможность для скорейшего оправдания тех, кто подвергся такому насилию. Более того, я подозреваю, что люди, которые слишком предаются злобным, завистливым, злобным излияниям своей души, могут по несчастью подвергнуть себя осуждению за то, что их представляют дьяволы, которых они никогда не видели и с которыми они тем более не заключали никаких соглашений. Я хочу сказать следующее: если на основании предположения о том, что бедное существо представлено призраком, власть слишком сильно продвинется в уничтожении бедного соседа, представленного таким образом, может оказаться, что тем самым будет открыта дверь для дьяволов, чтобы получить от судов в невидимом мире разрешение на самые ужасные опустошения репутации и покоя тех, кто еще был удержан от великого проступка. Если человечество до сих пор соглашалось верить дьявольским представлениям, то дверь открыта! Возможно, найдутся мудрые и добрые люди, готовые назвать того, кто выступит с этим предостережением, поборником ведьм, но в конце концов эта осторожность, несомненно, будет востребована".

Этот отрывок, поразительно иллюстрирующий характерный стиль Мазера, когда беглому и невнимательному читателю кажется, что он говорит одно, а на самом деле стремится утвердить другое, в то время как это обмануло рецензента и привело его к его квикс-попытке революционизировать историю, не может быть так неправильно понят критическим интерпретатором.

В своей общей направленности она, на первый взгляд, пренебрегает спектральными доказательствами. Вопрос в другом: Запрещает ли она, осуждает или отговаривает от его введения? Ни в коем случае. Он допускает и разрешает его введение, но говорит, что *не следует делать на нем большой акцент, чем он может выдержать*. Кроме того, в нем утверждается, что оно может служить "презумпцией" вины, хотя и недостаточной для осуждения, и снимается возражение против его введения, поскольку в нем проводится мысль о том, что, если суд признает его наличие и оно будет направлено против невиновных, "справедливый Бог, как правило, обеспечивает способ их скорейшего оправдания". Совершенно очевидно, что этот пункт относится не к *признанию* "дьявольских представлений", а к тому, *как* они должны быть приняты в "управлении" судебными процессами, как это будет более подробно показано далее.

Предположение, чтобы примирить Ричардса с использованием спектральных доказательств, что что-то "обычно" провиденциально появляется, чтобы спасти невинных людей, против которых они выступают, было совершенно обманчивым. В то время бытовало мнение, что одним из самых ярких признаков прихода дьявола с властью будет свращение на службу ему самых выдающихся людей, даже, если возможно, самых избранных; и, следовательно, никакие добродетели, святость жизни или общения не могут быть использованы в защиту кого-либо из них. В летописях мира нет более ярких примеров

христианского и святого совершенства, чем те, что демонстрировали Ребекка Нерс и Элизабет Хау; но призрачным свидетельствам было позволено уничтожить их. В самом деле, суд не мог наложить никаких ограничений на такого рода доказательства, если они были получены. Если бы обвиняющие девушки воскликнули - все они в тот момент были согласны с заявлением и его деталями, - что в тот самый момент, в зале суда, перед судьями и присяжными, они видели призрак заключенного, нападающего на одну из них, и та проявляла признаки страдания, что можно было бы сделать, чтобы опровергнуть их показания? Характер обвиняемого был бесполезен. *Алиби* не могло повлиять на дело. Расстояние от заключенного до того, кто признавался в мучениях, не имело значения. Вся процедура исходила из предположения, что, как бы далеко ни находилось тело заключенного, нападение совершает его призрак. Призрачное присутствие не могло быть ограничено ни пространством, ни временем. О "хороших, простых, законных доказательствах" не могло быть и речи, если судьи, как Мазер, предполагали, что "издевательства", которым в то время подвергались жители окрестностей, были делом рук демонов, и полностью верили, что мучения и конвульсии обвинителей на их глазах, как утверждалось, были вызваны призраками обвиняемых.

Короче говоря. Соображения, которые Мэтер приводит по поводу "неудобства", как он это называет, показаний призраков, можно предположить, должны были заставить его советовать не "слишком усердствовать" в их использовании, а полностью отказаться от них. Почему же он не стал, как, по мнению рецензента, всегда следовало делать, категорически протестовать против его принятия вообще? Правда заключается в том, что ни в этом письме, ни в каком-либо другом, ни в какое-либо другое время он не рекомендовал предостерегать *от* его использования, но рекомендовал его использовать.

Можно спросить, что он имел в виду, говоря "не придавать свидетельству призрака большего значения, чем оно может выдержать", и каково общее напряжение этого параграфа? Решение этого последнего вопроса может быть найдено по мере того, как мы будем продолжать изучать его язык и действия.

В этом же письме Мазер пишет: "Я рассматриваю раны, нанесенные призракам и полученные ведьмами, как намеки, достаточно широкие, в сочетании с другими вещами, чтобы вывести на чистую воду виновных. Хотя я и не люблю утверждать, что даю такие раны, однако доказательство, когда оно дается, несет в себе то, что очень ощутимо".

Это намекает на особую форму спектральных доказательств. Одна из "страдающих детей" свидетельствовала, что видела и чувствовала призрак обвиняемого, мучившего ее, и ударила его. На теле обвиняемого обнаруживалась соответствующая рана или синяк, а на одежде - прореха. Мазер высоко оценил этот вид доказательств, написав одному из судей накануне судебных заседаний. Он не только одобряет, но и настаивает на том, что это убедительное доказательство вины. Ссылаясь на то, что составляло основную часть показаний обвиняемых девушек и было полностью призрачным по своей природе - а именно, что их "ранила" "невидимая рука", - он советует Ричардсу, если он обнаружит, что такие "раны" были нанесены обвиняемыми, "задержать их, ибо вы поймали ведьму". Он рекомендует заставлять заключенных повторять "молитву Господню" или некоторые "другие системы христианства". Он одобряет доказательства, полученные с помощью "ям", "ведьминых знаков" и даже "испытания водой". Он советует судье, только приступающему к рассмотрению дел о жизни и смерти, использовать "перекрестные и быстрые вопросы" как средство приведения обвиняемых "в замешательство, которое может привести их к признанию".

Тот, кто внимательно изучит это письмо Ричардсу, не сможет, я думаю, не прийти к выводу, что оно, вместо того чтобы оправдать Мазера, возлагает на него ответственность за худшие черты процесса над колдунами.

Следующий документ, на который опирается "Рецензент", - *возвращение министров, с которыми консультировались его превосходительство и distinguished Совет, по поводу нынешнего колдовства в деревне Салем*. Необходимо привести его полностью, а именно:

"I. Состояние наших бедных соседей, которые в настоящее время страдают от приставаний из невидимого мира, мы считаем столь плачевным, что, по нашему мнению, их состояние требует максимальной помощи со стороны всех людей в их различных качествах.

"II. Мы не можем не признать, со всей благодарностью, успех, который милосердный Бог даровал кропотливым и усердным усилиям наших distinguished правителей, чтобы победить отвратительные колдовства, которые совершались в стране, смиренно молясь, чтобы раскрытие этих таинственных и зловещих злодеяний могло быть доведено до конца].

"III. Мы считаем, что в преследовании этих и всех подобных колдовств необходима очень критическая и изысканная осторожность, чтобы из-за излишнего доверия к вещам, полученным только по уполномочию дьявола, не открылась дверь для длинного ряда несчастных последствий, и сатана не получил преимущество над нами; ибо мы не должны быть в неведении относительно его приемов.

"IV. Поскольку в жалобах на колдовство могут быть вопросы, которые не равнозначны вопросам предположения, и могут быть вопросы предположения, которые, однако, не могут считаться вопросами убеждения, необходимо, чтобы все разбирательства по этому поводу велись с особой нежностью к тем, на кого жалуются, особенно если это были люди, ранее имевшие безупречную репутацию.

"V. Когда проводится первое расследование обстоятельств тех, кто может находиться под справедливым подозрением в колдовстве, мы могли бы пожелать, чтобы было допущено как можно меньше шума, компаний и открытости, которые могут слишком поспешно разоблачить тех, кого проверяют; и чтобы ничто не использовалось в качестве испытания для суда над подозреваемыми, в законности которого могут сомневаться люди Божьи; но чтобы в этом случае можно было проконсультироваться с указаниями таких благоразумных авторов, как Перкинс и Бернард.

"VI. Презумпции, на основании которых люди могут быть преданы суду, и, более того, приговоры, на основании которых люди могут быть осуждены как виновные в колдовстве, должны быть, конечно, более значительными, чем если бы обвиняемые представлялись страдающим в виде призрака; [поскольку несомненно и общеизвестно, что Демон может, с позволения Бога, явиться, даже в дурных целях, в облике невинного, да, и добродетельного человека]. Мы также не можем считать изменения, происходящие в страданиях от взгляда или прикосновения обвиняемого, безошибочным доказательством вины, но часто можем злоупотреблять дьявольским коварством.

"VII. Мы не знаем, не нанесет ли дьяволу какого-нибудь значительного оскорбления наше неверие в эти свидетельства, вся сила и мощь которых исходит только от него, и не положит ли оно конец развитию ужасного бедствия, начавшегося для нас в обвинении стольких

людей, из которых некоторые, как мы надеемся, все еще чисты от великого проступка, возложенного на них.

["VIII. Тем не менее, мы не можем не смиренно рекомендовать правительству скорейшее и энергичное преследование тех, кто оказался несносным, в соответствии с указаниями, данными в законах Божьих и полезных статутах английской нации, для выявления колдовства"].

Я заключил в скобки *первый, второй и восьмой* разделы, а также часть *шестого*, для целей, которые будут изложены в одной из последующих частей этого обсуждения. *Совет служителям* был написан Коттоном Мазером. Как и в письме к Ричардсу, он предостерегает не *от* использования, а от применения спектральных доказательств. Ни слова не говорится о том, чтобы осудить его введение или посоветовать полностью отказаться от него. Мы тщетно ищем хоть строчку или слог, осуждающие только что проведенное судебное разбирательство и исполнение, полностью опирающиеся на спектральные доказательства: напротив, *второй* раздел аплодирует тому, что было сделано, и молится, чтобы начатое дело было доведено до совершенства. Первые пункты *четвертого* раздела санкционируют его признание, как дающее основание для "предположения", хотя "это не может быть предметом убеждения". *Шестой* раздел, хотя и выражает мысль о том, что одно лишь спектральное доказательство не должно считаться достаточным, в то же время содержит форму выражения, которая не только требует его принятия, но и ставит его утверждения на максимально возможные основания. "*Демон может, с Божьего позволения, явиться, даже в дурных целях, в облике невинного, да, впрочем, и добродетельного человека*". Достаточно шокирующе думать, что что-либо *в дурных целях* может быть сделано с Божественного позволения; но ужасно предполагать, что Дьявол может иметь такое позволение, чтобы злословить и убивать невинных людей. Если призрак появляется с Божьего позволения, то и эффект, который он производит, санкционирован им. Кошунственное предположение, что Бог позволяет дьяволу таким образом давать ложные свидетельства, чтобы уничтожить праведников, опрокидывает все чувства и инстинкты нашей моральной и религиозной природы. Используя этот язык, служители не имели рационального понимания того, что они говорили, что является единственным извинением для многих богословских фразеологизмов того времени. Эта фраза, "Божье позволение", была довольно популярна в то время; и если она не примиряла разум, то покоряла его в удивлении и благоговейном молчании. Можно заметить, что Мазер и в других случаях повторял эту мысль в различных, порой более сильных выражениях. *Третий, пятый, седьмой* и последний пункты *четвертого* раздела содержат фразы, которые станут понятны, когда мы продвинемся в изучении трудов Мазера, касающихся темы колдовства.

И здесь можно с уверенностью сказать, что если Инкрис и Коттон Мазер действительно, как утверждает автор обзора, выступали против *признания* показаний спектра, то это было самое время для того, чтобы они сказали об этом. Если бы в этот кризисный момент они "осудили его как незаконный, немилосердный и жестокий", не было бы пролито больше крови. Если бы *совет* даже рекомендовал в самых умеренных выражениях полностью исключить его из всех этапов разбирательства, оно бы закончилось. Но он допускает его введение и лишь предполагает "неверие" в него, избегая действовать в соответствии с ним в "некоторых" случаях.

Прочитав весь документ, Хатчинсон делает вывод. "Судьи, похоже, больше внимания уделили последней статье этого *Возвращения*, чем нескольким предшествующим; ибо судебные преследования велись со всей возможной энергией и без той изысканной осторожности, которая предлагается" - *История*, ii., 54.

Совет был искусно - не считайте за недоброжелательность - составлен. Он обманул обозревателя, заявив, что "очень точно исключает призрачные свидетельства". Невнимательный читатель или тот, чьи глаза ослеплены пристрастными целями, может не заметить его реального значения. Документ составлен таким образом, что может ввести в заблуждение людей, не знакомых с идеями и фразеологией того периода. Но все судьи и народ в целом сочли, что он полностью одобряет ход процесса над Бриджет Бишоп и рекомендует его скорейшее и энергичное продолжение. Именно призрачные показания ошеломили ее. Это был роковой элемент, который приводил к осуждению каждого человека, отданного под суд, от первого до последнего; что было полностью доказано через пять месяцев после этого, когда сэр Уильям Фипс, при обстоятельствах, которые я опишу, храбро и императивно запретил, как не смогли сделать министры, "судить" или даже "брать под стражу" кого-либо на основании показаний "пострадавших лиц", которые были полностью призрачными. Когда по его приказу все это было полностью отброшено, жизнь преследований сразу же угасла; и, как говорит Мазер, обвиняемые были оправданы так же быстро, как и судимы. - *Magnalia*, Book II., page 64.

Предположение о том, что при обращении с этим видом доказательств следует проявлять осторожность и принимать их как основания для "предположения", которое должно быть подтверждено или подкреплено другими доказательствами, практически не имело смысла. Если их вообще принимали, на любой стадии и под любым названием, они обязательно контролировали каждое дело. Никакое количество доказательств другого рода не могло уравновесить его или противостоять ему: ничего не требовалось, чтобы придать ему полный и фатальный эффект. Во многих случаях она внушала трепет суду, присяжным, народу, да что там, даже самим заключенным. Как уже говорилось, для этого не требовалось присутствия обвиняемого на месте, где и когда якобы было совершено преступление, или в нескольких милях или сотнях миль от него. Никакая репутация добродетели или благочестия не могла быть выдвинута против него. Доктрина, которую Коттон Мазер провозгласил в другой раз, о том, что дьявол может явиться в образе Ангела Света, довершила разрушение гарантий невиновности. Не составило труда получить "другие свидетельства", чтобы привести их в действие. При тогдашнем состоянии общественного сознания, без разбора принимавшего на веру любую клевету и легкое верие, смотревшего на каждую вещь через преломляющую и увеличивающую атмосферу самых слепых и необузданных страстей, было легко собрать материалы для добавления к призрачным свидетельствам, чтобы таким образом, согласно доктрине священников, поднять "презумпцию" до "убеждения" в виновности. Даже наш "Рецензент" находит доказательства, "подтверждающие" обвинения против Джорджа Берроуза, опираясь на призраки, в его силовых подвигах, в некоторых злобных соседских скандалах и в преувеличенных формах приходской или личной вражды.

VII.

СОВЕТЫ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ, РАССМОТРЕННЫЕ ДАЛЕЕ. ПЛАН ХЛОПКА МАЗЕРА ПО РАБОТЕ СО СПЕКТРАЛЬНЫМИ СВИДЕТЕЛЬСТВАМИ.

Совет министров - документ, занимающий видное место в нашей общественной истории, и его отношение к событиям нуждается в разъяснении.

В "*Жизни сэра Уильяма Фипса*" Коттона Мазера есть такой абзац: "И сэр Уильям Фипс, прибыв к своему правительству, после того как началась эта ужасная буря, посоветовался с соседними министрами провинции, которые представили его превосходительству и Совету

доклад (составленный, по их желанию, мистером Мазером, младшим, как мне сообщили), в котором они заявили" - "Магналия", книга II, страница 63.

Затем он приводит, не намекая на то, что какая-либо существенная или значительная часть *декларации* или *совета* была утаена, разделы, не включенные в скобки.- См. стр. 21, 22, ранее.

Следует отметить, что Фипс представлен как обратившийся к министрам за советом, а их ответ был представлен его "Превосходительству и Совету". В протоколах Совета нет никаких упоминаний об этой сделке. Фипс не упоминает о ней в своем письме от четырнадцатого октября, что примечательно, так как это должно было помочь ему в объяснении оснований его процедуры организации и введения в действие судебного трибунала в Салеме. Из всего, что я приведу, можно заключить, - сэр Уильям передал все дела своему заместителю и верховному судье, понимая, что тот уполномочен управлять ими во всех деталях, - что эта сделка с министрами, возможно, вообще не была доведена до сведения губернатора: его официальный характер и титул, возможно, были упомянуты для проформы. Совет, как таковой, не имел к этому никакого отношения; но заместитель губернатора и некоторые отдельные члены Совета, то есть те, кто вместе с ним, в качестве главного судьи, составляли Особый суд, просили и получили *совет*.

И снова: только что процитированный абзац в изложении Мазера, безусловно, оставляет у читателя впечатление, что Фипс обратился за *советом к министрам* во время или вскоре после своего прибытия. Я считаю, что доказательства неопровержимы: *совет* был испрошен только после проведения первой сессии суда. Это следует из ответа министров, который датирован тринадцатью днями после первого заседания и пятью днями после исполнения вынесенного тогда приговора. В нем говорится об *успехе*, который был *достигнут* в ходе судебного преследования. Если правительство обратилось к министрам за советом до начала судебного процесса, то необъяснимо и невероятно, а также непростительно, что министры откладывали свой ответ до тех пор, пока не закончился первый акт ужасной трагедии и не начала проливаться кровь. Хатчинсон прямо говорит: "Дальнейшие судебные разбирательства были отложены до перерыва, тридцатого июня. Губернатор и Совет сочли нужным *за это время* узнать мнение нескольких главных министров о положении дел, в котором они находились. Это была старая практика Хартии" - *История*, ii., 52.

Считается необычным обстоятельством, что после того, как были предприняты такие усилия и осуществлено такое большое расширение полномочий, суд так внезапно начал действовать для рассмотрения дел лиц, обвиняемых в колдовстве, под предлогом, также записанным в Журнале Совета, о "переполненном" состоянии тюрем в тот "жаркий сезон", и после рассмотрения дела только одного человека, он должен был прерваться на четыре недели. Возможно, сопоставив отрывки и даты, мы сможем прийти к вероятному объяснению. В своем письме к "министрам в Бостоне и его окрестностях", написанном в январе 1696 года, после краткого и убедительного рассмотрения страшных ошибок, из которых выросло Заблуждение 1692 года, и торжественного напоминания о том, что они должны были сделать, чтобы вывести свой народ из этих заблуждений, Калеф доносит до них их неспособность сделать это в таких язвительных словах: "Если вместо этого одни словом и письмом пропагандируют, а другие рекомендуют подобные доктрины и потворствуют ложным представлениям, которые так распространены в этот отступнический век, то самое время задуматься об этом. Если, когда авторитеты оказались почти бессильны в таких преследованиях и обратились к вам за советом, как им поступить, а вы затем поблагодарили их за то, что они уже сделали (и тем самым побудили их идти по тем самым окольным путям, на которые они уже вступили), то это тем более касается вас. *Иезек.*, xxxiii, 2-8" - *Калеф*, 92.

Рассматривая этот отрывок в связи с приведенной ранее цитатой из Хатчинсона, мы понимаем, что произошло нечто, что "не вызвало пыла" в суде, - какое-то серьезное затруднение, которое привело к его внезапному отложению - после осуждения Бриджет Бишоп, в то время как многие другие дела были полностью подготовлены к рассмотрению тогдашним генеральным прокурором. Ньютон и стороны, которые должны были предстать перед судом, накануне были доставлены в Салем из бостонской тюрьмы и готовы выступить в суде. В чем же заключалась трудность? Решить ее можно следующим образом.

Брэттл сообщает нам, а он мог говорить об этом с уверенностью, что "майор Н. Солтонстолл, эсквайр, который был одним из судей, покинул суд и очень недоволен его ходом" - *Исторические сборники Массачусетса, I., v., 75.*

Возникают вопросы: когда и почему он покинул суд? Записи Совета показывают, что он постоянно присутствовал в этом совете, его имя всегда появлялось во главе списка присутствующих до шестнадцатого июня, после чего он не появляется снова до середины февраля 1693 года. Законодательное собрание, осуществляя свои полномочия в соответствии с Хартией, ближе к концу 1692 года учредило регулярный Высший суд в составе Стоутона, Дэнфорта, который не одобрял решения Специального суда, Ричардса, Уэйта Уинтропа и Сьюолла. В январе 1693 года суд продолжил рассмотрение дел о колдовстве, но, поскольку призрачные доказательства были полностью отвергнуты, все обвинения были прекращены, и Стоутон, в результате, покинул суд в отвращении. После того как все было оставлено, а его собственный курс, таким образом, был оправдан, майор Солтонстолл вновь появился в совете совета и был переизбран следующей палатой представителей. Его поведение, таким образом, было очень заметным и значимым. Единственным способом, которым он, сельский житель, мог выразить свои убеждения, поскольку тогда не было таких возможностей для публичных обсуждений, как сейчас, в прессе или иным способом, он решительно заявил о них; и ему принадлежит заслуга быть единственным общественным деятелем своего времени, у которого хватило ума или смелости осудить процедуру с самого начала. Он был человеком приветливым и добродушным, а из материалов окружного суда, где показаны его действия в качестве мирового судьи в нескольких делах, видно, что он был методичен и осторожен в служебных делах, но подвержен сильным впечатлениям и убеждениям, и в прошлом проявил полное недоверие к некоторым лицам, которые, как стало ясно на первом заседании суда, должны были в значительной степени участвовать в заслушивании призрачных показаний в большинстве дел. Он не доверял этим людям и, как можно предположить, был вынужден полностью дискредитировать этот вид показаний.

Судя по его присутствию на заседаниях Совета вплоть до шестнадцатого июня, когда, вероятно, был получен *совет министров*, можно предположить, что до этого времени он также присутствовал на заседаниях Суда; и когда он отказался от участия в первых, он отказался и от участия во вторых. Дата указывает на то, что его действия при выходе были обусловлены содержанием *совета*.

Если джентльмен его положения и семьи, внук первоначального патентообладателя, сэра Ричарда Солтонсталла, и заседавший в качестве судьи на первом процессе, имел независимость и мужественный дух, чтобы без обиняков выразить свое неодобрение разбирательства, выражение Калефа объяснимо; и суд почувствовал препятствие, которое стояло на их пути. Отсюда немедленный перерыв в заседании и обращение к каким-то чрезвычайным мерам, чтобы устранить его.

Этим можно объяснить обращение к министрам. Их ответ, должно быть, вызвал большой интерес у всех, кто знал о неожиданно возникшей трудности. Документ был прекрасно

приспособлен для того, чтобы пустить пыль в глаза тем, кто выражал сомнения и недоверие; но он не обманул Солтонстола. Он видел, что другие судьи и общественность в целом расценят его как поощрение к продолжению процесса; и что под фразеологией, имеющей характер предостережения, будет найдено оправдание для введения спектральных доказательств в той степени, которая позволит контролировать процесс. На следующий день после этого он покинул свое место в Совете, вышел из состава суда и умыл руки.

Ход событий показывает, что все заинтересованные стороны восприняли этот совет как одобрение того, что было сделано на первом процессе, и настоятельную просьбу о том, чтобы начатое дело было быстро и энергично продолжено. На министрах, таким образом, лежит клеймо за все последующее.

Возможно, в то время, как и вскоре после этого, среди министров существовали некоторые разногласия; и газета могла носить характер компромисса - всегда опасного и порочного, приводящего некоторые или все стороны в ложное положение. Сэмюэл Уиллард, возможно, придерживался мнения, выраженного в приписываемом ему памфлете, опубликованном, вероятно, ближе к концу судебных разбирательств, о том, что призрачные свидетельства должны допускаться только в тех случаях, когда они касаются лиц с дурной репутацией. *Четвертый* раздел примирил его с принятием документа. Такого же мнения мог придерживаться и Инглиз Мазер, который после завершения процесса в Специальном суде высказал мнение, что следовало бы дать время на дальнейшие тщательные "поиски", прежде чем приступить к "казни самых жестоких преступников", и высказал прекрасное мнение, что "представителям его профессии подобает быть очень нежными в пролитии крови". Выражения "чрезмерная нежность" в *четвертом* разделе и "первое расследование" в *пятом* - последнее передает идею повторных расследований с промежутками времени - были хорошо приспособлены для того, чтобы заручиться его поддержкой всего документа. Если под влиянием таких побуждений они и согласились с советом, то вскоре были обмануты. "Незапятнанная репутация" не была защитой, а судебные разбирательства были быстрыми, краткими и окончательными.

На этом этапе уместно спросить, что подразумевалось под своеобразной фразеологией *третьего, пятого, седьмого* и последней части *четвертого* разделов. Трудно определить его идеи, когда он пишет в стиле, который Калеф называет "амбидекстерским", как это часто делал Коттон Мазер и обладал большим мастерством. После того как в общественном сознании наступила реакция, и он был поставлен в оборонительное положение, ему пришлось много говорить о некоторых различиях между ним и судьями. Это явно не имело никакого отношения к "допуску" призрачных доказательств; ведь именно по этому вопросу спрашивали мнение министров, и именно по нему он добровольно высказался в своем письме одному из судей, Ричардсу. Если бы он был против его "признания", ничто не было бы проще, безопаснее или более востребованным для истины и его собственной чести, чем сказать об этом. Действительно, его труды повсюду показывают, что он был почти *единомышленником* в вопросе о призраках и в той или иной форме считал их доказательства необходимыми и надежными. Очевидно, у него был какой-то излюбленный план или схема относительно того, как следует обращаться с такого рода доказательствами; и именно потому, что он не мог воплотить его в жизнь, и только по этой причине, насколько мы можем судить, он не одобрял методы, фактически использованные судом. Он так и не раскрыл свой план, но и не стал подробно объяснять его, "сочтя это слишком икарийской и самонадеянной" задачей, которую он должен был взять на себя. Давайте посмотрим, сможем ли мы понять его идеи из его трудов.

Прежде всего, я обращаю внимание на следующую фразу в его письме к Ричардсу: "Если, исходя из предположения, что бедное существо представлено призраком, власть слишком сильно продвинется в разрушении бедного соседа, представленного таким образом, может оказаться, что таким образом будет открыта дверь для дьяволов, чтобы получить от судов в невидимом мире лицензию на самые ужасные опустошения репутации и покоя тех, кто был удержан от великого проступка".

"Слишком большой прогресс" передает предположение о том, что при представлении призрачных доказательств следует отложить разбирательство в суде, чтобы предпринять некоторые промежуточные шаги, прежде чем продолжить процесс.

Другие намеки на это мы находим в других отрывках, например: "Посещая несчастных, я всегда придерживался мнения, что мы не знаем, какой силой могут обладать дьяволы, чтобы творить свои злодеяния в облике тех, кто никогда не был явно вовлечен в дьявольские конфедерации, и что поэтому, хотя многие колдовства были справедливо обнаружены в результате расследований, спровоцированных и начатых призрачными явлениями, все же мы не можем слишком ревностно относиться к ловушкам, расставленным для нас в устройстве сатаны. Мир знает, сколько страниц я составил и опубликовал, а конкретные господа в правительстве знают, сколько писем я написал, чтобы предотвратить чрезмерный кредит доверия к обвинениям со стороны спектров; поэтому я до сих пор поручаю страдальцам, чтобы они не взывали ни к кому о том, что они страдают, но чтобы, если это может принести какую-то пользу, они могли втайне рассказать о своих мыслях какому-нибудь человеку, достаточно благоразумному, чтобы не использовать их сообщения не по назначению; Соответственно, это имело такой эффект, что имя ни одного хорошего человека в мире никогда не подвергалось какому-либо позору из-за страдальцев, которые попадали под мое особое наблюдение; да, ни один мужчина, женщина или ребенок никогда не попадал в беду из-за страдальцев, после того как я однажды начал заботиться о них. Как часто мне бросали в тарелку, "что много лет назад у меня была возможность привести таких людей, на которых жаловались во время последней бури колдовства, но я все это задушил"; И после того, как в Салеме поднялась буря, я сам предложил обеспечить мясом, питьем и жильем не менее шести страждущих, дабы провести эксперимент, не сможет ли молитва с постом, по удалении страждущих, положить конец поднявшейся тогда беде, не доставляя гражданским властям хлопот по преследованию тех дел, в которые ничто, кроме совестливого отношения к воплям несчастных семей, не могло бы побороть нежелание почтенных судей вмешиваться. Короче говоря, я смиренно, но свободно утверждаю, что нет на свете человека, который бы больше, чем я, бедняга, желал укрыть своих соседей от неудобств, причиняемых призрачными криками; да, я очень завидую, что сделал так много, чтобы согрешить в том, что я сделал; таковы были трусость и боязливость, когда моя забота о недовольстве других людей побуждала меня к этому. Я знаю одного человека в мире, который думал, что смог осудить несколько таких ведьм, которые должны были умереть; но его уважение к общественному спокойствию заставило его скорее попробовать, не сможет ли он обновить их покаянием" - Калеф, 11.

Внимательный читатель заметит, что "шесть страждущих" в деревне Салем включали в себя почти весь круг обвинявших их девушек. Если бы ему позволили взять их к себе, то все дело было бы в его руках.

В своем рассказе о "страданиях Маргарет Рул", напечатанном Калефом в его книге, из которой были сделаны выдержки, говоря о "восьми проклятых призраках", которыми она была атакована осенью 1693 года, Мазер отмечает: "Она была очень осторожна с моими повторными обвинениями *и не называла их имен*, чтобы ни один хороший человек не

пострадал от взрыва репутации из-за коварной злобы великого обвинителя; тем не менее, с тех пор я частным образом называл их себе, и я осмелюсь сказать о них следующее: это род несчастных, которые в течение этих многих лет подвергались таким яростным обвинениям в колдовстве, как, возможно, все существа, еще живущие на земле; хотя я далек от мысли, что видения этой молодой женщины были достаточным доказательством, чтобы доказать их правоту." - *Калеф*, 4.

Из книги "*Чудеса невидимого мира*", 12: "Если однажды среди нас гениально исповедуется ведьма, то после этого больше ни один призрак в своем облике не будет беспокоить окрестности; если же виновные существа с такой благой целью признаются в своем преступлении любому служителю Божьему и выйдут из ловушки дьявола, то как ни один служитель не обнаружит такого чистосердечного признания, так, я думаю, никто из властей не станет добиваться его открытия, а будет радоваться душе, спасенной от смерти".

В своей "*Жизни Фипса*" он пишет: "В общем, страна находилась в страшном брожении, и мудрые люди предвидели длинный шлейф мрачных и кровавых последствий. Тогда они прежде всего посоветовали, чтобы *страждущих* держали порознь, в самом тесном уединении; и один конкретный человек (которого я имею основания знать), следуя этому совету, предложил себя одного, чтобы обеспечить жильем шестерых из них, дабы успех более чем обычной молитвы с постом, с терпением, мог быть испытан, прежде чем будут приняты другие меры" - *Magnalia*, Book II., p. 62.

Хатчинсон приводит выдержку из письма Джона Эллина, секретаря Коннектикута, датированного "Хартфордом, 18 марта 1693 года", к Инкризу Мазеру, в котором говорится следующее: "Что касается того, что вы упомянули о бедном существе в вашем городе, которое страдает, и назвали мое имя себе и сыну, я сердечно благодарю вас за ваше сообщение об этом и за вашу благотворительность, о которой там говорится; и у меня есть большой повод благословить Бога, который по своей милости до сих пор не оставил меня впасть в такое ужасное зло." - *History*, ii., 61, note.

Кроме того, я склонен думать, что именно из-за какого-то определенного плана, связанного с управлением этим описанием доказательств, он чувствовал важность присутствия на судебных процессах. По этой причине он сожалеет о болезни, которая помешала ему сопровождать Ричардса в суд на его открытии второго июня, чтобы "помочь благородной службе", как он говорит, "с максимальной отдачей моего небольшого умения и заботы".

Эта формулировка, кстати, убедительно показывает, какое огромное влияние он имел в то время на управление правительством, особенно Судом. Он не стал бы обращаться к одному из судей в таких выражениях, если бы не чувствовал, что его "мастерство и забота" будут признаны и пущены в ход. Мы можем сожалеть вместе с ним, что не смогли присутствовать на первом судебном заседании. Тогда не пришлось бы строить догадки и разбираться, в чем заключался его план; а открытая попытка заставить суд принять его могла бы придать делу другой оборот.

В его дневнике двадцать девятого апреля записано следующее: "В этот день я просил помощи у Бога, чтобы он использовал меня, как Иоанна, чтобы я был глашатаем Царства Божьего, которое сейчас приближается". "Мои молитвы были особенно настойчивы в отношении ужасных чар и одержимости, разразившихся в деревне Салем, вещей самого непомерного масштаба, хорошего исхода этих вещей, а также моего собственного руководства и защиты в них, о чем я особенно просил".

Дата этой записи очень важна. Одиннадцатого, девятнадцатого и двадцать второго апреля в деревне Салем были выставлены впечатляющие сцены. Произошли самые яркие случаи предварительных осмотров арестованных. Затем были предприняты необходимые шаги для того, чтобы впоследствии провести процедуру, которая взбудоражит страну до предела. В Бостоне были приняты и доведены до совершенства меры, скрытые в Салеме и не вызывавшие подозрений у широкой общественности. На следующий день после даты, указанной в предыдущем меморандуме, магистрат в этом месте издал соответствующий приказ об аресте преподобного Джорджа Берроуза; с этой целью в Мэн были отправлены офицеры. На тот момент это была "самая невероятная сторона дела". Все обстоятельства должны были быть известны Мазеру. Отсюда его искренняя забота о том, чтобы все происходило под его собственным "руководством и защитой". Использование этих терминов выглядит так, как будто Мазер предполагал, что предварительные экзамены будут проходить под его руководством и управлением, и это следует иметь в виду, когда мы будем рассматривать вопрос о том, присутствовал ли он на них в большей или меньшей степени.

Склоняясь к наиболее благоприятному и милосердному взгляду на те отрывки, которые были представлены сейчас, я могу заключить из них, что его ум, возможно, вернулся к его первоначальной и любимой идее, что молитва и пост были надлежащим оружием против колдовства; но если они не помогли, то следовало прибегнуть к ужасам закона. Он хотел, чтобы страдающие и обвиняемые находились под наблюдением одного человека, достаточно благоразумного, чтобы не использовать их связи во зло, которому "они могли бы наедине рассказать о своих мыслях" и который, без "шума, компании и открытости", мог бы хранить под своим контролем страшные тайны первых и изгонять вторых. Он был готов и желал сам занять эту должность и взять на себя ответственность. В знак этого он предложил обеспечить "мясом, питьем и жильем" шестерых страдающих детей; держать их "отдельно в самом тесном уединении"; быть получателем их видений; а затем присматривать за обвиняемыми, чтобы побудить их признаться и разорвать союз с сатаной; быть освобожденным, кроме случаев, когда он сочтет это нужным, от дачи показаний в суде против обвиняемых; и общаться с людьми, на которых тайно жаловались, как он и его отец впоследствии делали с министром Коннектикута, и принимать, как в том случае, если он считал нужным, простое отрицание как достаточное для "укрывательства" их, в целом, сохраняя обвинение в глубокой тайне в своей собственной груди, как он признает, что он делал в значительной степени - одновременно утверждая и признавая, что он "сделал так много, чтобы согрешить в том, что он сделал."

Выражаясь языком, свидетельствующим о переписке и знакомстве с людьми, действующими на месте, в деревне Салем, которые уполномочили его говорить от их имени, он дает нам понять, что они согласны с ним в предложенном им методе ведения дел: "Есть очень достойные люди, которые, будучи призваны Богом, когда и где это колдовство впервые появилось на сцене, столкнувшись с ним, искренне желают, чтобы оно было просеяно до основания". "Лица, настроенные таким образом, были людьми, выдающимися по мудрости и добродетели". "Они с радостью разработают и примут решение, как избежать пролития крови, вызволив ведьм, не подлежащих помилованию. И, в конце концов, они приглашают всех добрых людей, в том числе и для этой цели". "Удивляясь количеству и качеству обвиняемых в последнее время, мы не знаем, не мог ли сатана своими хитростями опутать некоторых невинных людей; и поэтому мы должны искренне и смиренно желать самого критического расследования на месте, чтобы выявить заблуждение" - *Чудеса*, 11.

Действительно, Пэррис и его соратники в деревне Салем, о которых идет речь в этих отрывках, без всяких полномочий все это время выполняли те функции, которые Мазер хотел

возложить на него с помощью власти. Они держали под контролем общение с "пострадавшими детьми"; определяли, кого и когда следует публично критиковать; обличали и пресекали поименные обращения к преподобному Сэмюэлю Уилларду и многим другим лицам обоего пола, "достойным", в Бостоне; в общем, организовывали и управляли делами.

Предположение, которое я осмелился высказать относительно плана действий Мэзера, объясняет, как читатель поймет, обратившись к "*Совету министра*" [стр. 21, 22, ранее], большую часть фразеологии этого любопытного документа. "Очень критическая и изысканная осторожность", - говорится в *третьем* разделе; "чтобы все разбирательства по этому поводу велись с особой нежностью по отношению к тем, на кого могут быть поданы жалобы", - в *четвертом*; "мы желали бы, чтобы было как можно меньше шума, компаний и открытости, которые могут слишком поспешно разоблачить тех, кого проверяют", - в *пятом*; и весь *седьмой* раздел прямо разрешает подавлять, игнорировать и *не верить некоторым* обвинениям дьявола, руководствуясь соображениями целесообразности и государственной политики.

Необходимое отсутствие Мэзера в суде во время его первого заседания не позволило воспользоваться его "мастерством и заботой" или предпринять какую-либо попытку выдвинуть его план. Разбирательство, начавшись обычным образом, продолжалось во время нескольких перерывов в работе суда, и его эксперимент так и не был осуществлен.

Ошибочность его идей и неосуществимость его плана должны были стать очевидными в первый же момент его рассмотрения. Неопытные и ослепленные, как они были, заблуждениями времени и возбуждением сцены, и расположенные, как они должны были быть, по всем соображениям, подчиниться его желаниям, судьи имели достаточно здравого смысла, чтобы понять, что он никогда не пойдет по желаемому пути. В таком случае судебное разбирательство вообще не могло продолжаться. Первым шагом было бы отказаться от своих собственных функций суда, передать обвинителей и обвиняемых в его руки и удалиться, чтобы ждать его звонка. Если бы призрачные доказательства были исключены из "шума, неразберихи и открытости" публичного зала суда, то не осталось бы ничего, на что можно было бы опереться. Если бы они были приняты на каких-либо условиях или ограничениях, просто чтобы раскрыть вопрос "предположения", то на первом же этапе расследования возникла бы фатальная трудность. На вопрос "Кто причиняет вам боль?" нельзя было бы дать никакого ответа; а "*министр*", которому свидетельница доверительно сообщила имена людей, чьи призраки мучили ее, сидевший, возможно, в это время в зале суда, должен был бы смириться с оглашением показаний и не быть вызванным на трибуну для разглашения своих знаний.

Попытка оставить обвинителей и обвиняемых на попечение выбранного для этой цели министра в надежном уединении привела бы к роспуску суда еще до его начала; и если Мэзер имел в виду именно это, когда впоследствии, в любое время, пытался сбросить с себя ответственность за ход процесса, намекая на то, что его предложения и услуги были проигнорированы, его жалоба была весьма необоснованной. Дело в том, что это предложение было совершенно неприемлемым и не могло быть реализовано.

Кроме того, оно разрушило бы всю систему организованного общества и дало бы тому, кому на время было передано управление делами, власть, слишком страшную, чтобы думать о ней, как о закрепленной за одним человеком или за каким-либо частным лицом. Если бы суд позволил ему или любому другому лицу занять такую должность и, как известно, тайно содержать под стражей обвиняемых, получая их конфиденциальные сообщения, поступать с ними по своему усмотрению, укрывая одних от преследования и возвращая других для

разбирательства в суде, что было бы равносильно осуждению и казни, - это привело бы к воцарению террора, подобного которому не было даже близко, и который не могло бы выдержать ни одно общество. Каждый мужчина и каждая женщина чувствовали бы себя в крайней опасности, завися от воли безответственного вершителя жизни и смерти.

Пэррис и его соратники, действуя без полномочий и в ограниченной сфере, попробовали провести этот эксперимент; распространили за границей ужас, хаос и разрушения; и возбудили в окрестностях безумие, на усмирение которого ушло несколько поколений.

То, что Коттон Мазер хоть на мгновение задумался о том, что желательно наделить себя такой властью "по полномочиям", показывает, насколько невежественной была человеческая природа. Каким бы невинным, праведным или благожелательным ни было ее осуществление, он был бы атакован враждебностью самого глубокого и подлого рода. Против него были бы возбуждены такие ненависть и подхалимство, с какими не сталкивался ни один священник, папа или деспот. Со всех сторон на него посыпались бы соблазны и обвинения в "утаивании денег"; и в конце концов вся страна поднялась бы против того, что рассматривалось бы как всеобщее взимание "черной почты". Кто бы в любое время и в любой стране ни взялся за такую работу, как эта, в конце концов стал бы жертвой возмущенных чувств и страстей человечества. Как долго можно было бы терпеть, где бы то ни было, если бы все люди могли получить от того, кто уполномочен и имеет право определять их судьбу, такое послание, как Мазерс, адресованное секретарю Коннектикута, и в лучшем случае быть обязанными, как он считал сам, к "милосердию", которое могло бы предотвратить их разоблачение и преследование до разрушения репутации, а то и до бесславной смерти?

Калеф, ссылаясь на притязания Мазера на то, что им двигала "чрезмерная нежность к лицам, на которых жалуются", выражает чувства, которые испытывали бы все, оказавшись в подобной зависимости от "милосердия" человека, вооруженного такой роковой властью над ними: "Таковы некоторые из пагубных представлений этого века; и как бы ни казались иногда их утверждающие, что они очень дорожат тем, что укрывают своих близких от призрачных обвинений, они могут заслужить не меньшую благодарность, чем тот тиран, который, усердно добившись непонятого обвинения против своих подданных в делах, в которых они не могли быть виновны, имея тем самым их жизнь в своей власти, все же по своей милости оставляет их в живых и будет называться милостивым Господом!" - Предисловие.

Одно лишь подозрение, что за сценой стоят некие люди, пользующиеся этой властью - указывать на одних для преследования и укрывать других от суда или ареста, - вызвало, по словам Фипса, "странное брожение недовольства", грозившее разжечь "неугасимое пламя". Брэттл горько жаловался на это: "Это вызывает много разговоров и много горячих слов, и является очень большим скандалом и камнем преткновения для многих хороших людей; конечно, справедливость должна иметь свой ход, без уважения к лицам; и, хотя упомянутая миссис Тэтчер является свекровью мистера Curwin, который является одним из судей, однако, если справедливость и совесть обязывают их задерживать других по причине их жалоб, я не вижу, как без несправедливости и насилия над совестью миссис Тэтчер может избежать наказания, когда хорошо известно, как сильно на нее жалуются" - Письмо от 8 октября 1692 года, в *Коллекциях Массачусетского исторического общества*, I., v., 69.

Хезекиал Ашер, видный гражданин Бостона, был арестован Джозефом Линдом, одним из членов Совета, но ему позволили оставаться "более двух недель" в частном доме, а затем покинуть провинцию. Брэттл "не может не восхищаться" этим и говорит: "Я думаю, что та же справедливость, которая фактически заключила в тюрьму других и отказала им в залоге на

любых условиях, не должна быть удовлетворена, фактически заключив в тюрьму мистера У. и отказав ему в залоге, когда известно, что его дело точно такое же, как и дело тех других".

Брэттл был другом Ашера и считал его невиновным, но был возмущен тем, что в судебном разбирательстве проявляется такая неприкрытая предвзятость. Создание регулярного систематизированного плана, порученного любому человеку, для укрытия одних, в то время как другие будут возвращены для наказания, было бы невыносимо.

Как бы то ни было, Мазер подверг себя одиозным нападкам, поскольку было понятно, что он под свою ответственность и в частном порядке практикует план, который он хотел, чтобы судьи приняли в качестве принципа и метода процедуры во всех судебных процессах. Он говорит: "Может быть, ни у одного человека на свете не было больше людей, при сверхъестественных и удивительных обстоятельствах брошенных Божьим провидением под его особую опеку, чем у меня".

Разумеется, наибольшую неприязнь в обществе вызывали те люди, которые, как он говорит о себе в предыдущем предложении, имели наибольшую близость с обвинителями и влияние на них. По этой причине Коттон Мазер стал особым объектом негодования. Неудивительно, что он иногда сетует, а иногда ругает бушующие вокруг него страсти. В стране царило очень горькое чувство, основанное на убеждении, что в этом деле присутствовало "уважение к личности" и попустительство в пользу некоторых лиц. Общественность была шокирована тем, что такие личности, как преподобный Сэмюэл Уиллард, миссис Хейл из Беверли и леди губернатора, подверглись нападкам со стороны "пострадавших детей"; и суматоха усилилась из-за перекрестного потока возмущенных вопросов: "Почему, раз уж этих людей обвиняют, их не арестовали и не посадили в тюрьму?"

Мазер часто упоминает об этом гневном состоянии чувств, как, например, следующее: "Своими ссорами мы портим молитвы; а если наши смиренные, ревностные и объединенные молитвы хоть раз будут затруднены! Увы, филистимляне ада срезали для нас замки; они ослепляют нас, насмеваются над нами, губят нас. По правде говоря, я не могу винить людей за то, что они немного удручены, когда видят, что на карту поставлены все мирские интересы их самих и их семей, и все же при виде этих сердечных терзаний я не могу удержаться от восклицания сладкоречивого Остина в его умиротворяющем послании к Джерому по поводу поединка с Руффином: "*O misera et miseranda conditio!*" - Чудеса, 11.

Было и другое зло, которому он подвергал себя, стремясь к столь частому, частному и конфиденциальному общению со страдающими обвинителями и исповедующимися ведьмами, которые утверждали, что так часто видели призрачные образы союзников дьявола, связывались с ними и страдали от них; а эти призрачные образы, как считалось, в конце концов, были самим дьяволом. Ему вменялось в вину то, что в Писании названо одним из самых мрачных преступлений. То же самое обвинение было выдвинуто против мистера Пэрриса, что помогло отстранить его от служения в деревне Салем. *Левит*, хх., 6. "И душу, которая обратится к духам знакомым и к волшебникам, чтобы блудить за ними, Я обращу лице Мое против той души и изглажу ее из народа своего". *1 Паралипоменон*, х., 13. "Так умер Саул за преступление свое, которое он совершил против Господа, даже против слова Господня, которое он не соблюдал; и еще за то, что он спрашивал совета у того, кто имел знакомого духа, чтобы спросить его, и не спрашивал Господа, поэтому он убил его".

За то, что Мазер так много общался с людьми, исповедующими, что они страдают от колдовства, и с другими, признающими в его совершении, он стал объектом язвительного упрека в письме Брэттла, которое я процитирую в другой связи.

Таков, насколько я могу судить, был план Коттона Мазера по ведению расследований о колдовстве; такова его невыполнимость; таковы опасные и вредные последствия для него самого, если бы он попытался воплотить его в жизнь. Он никогда не раскрывал его полностью, но в "*Совете служителям*" и различных других работах пытался проложить к нему путь. Все выражения в этом документе и в других местах, которые обманули рецензента и других людей в представлении, что он был против принятия показаний призраков на судебных процессах, были использованы в качестве аргументов, чтобы убедить "власть" не принимать этот вид доказательств в открытом суде, а передать их ему в первую очередь, чтобы он распорядился ими с изысканной осторожностью и благоразумием, и таким образом избежать неудобств и способствовать хорошим результатам; а когда он не может преодолеть трудности дела, возвращать упрямых и нераскаявшихся в своих поступках в суд, чтобы они были подвергнуты обычному судебному разбирательству. С этой точки зрения он многое говорит, что свидетельствует о нежном отношении к заключенным. Правда, эта схема, если бы она была принята, дала бы ему абсолютную власть над обществом и по этой причине, возможно, имела бы привлекательность. Но я не сомневаюсь, что он руководствовался и благожелательными чувствами. Он считал, что таким образом может принести большую пользу. Но это не удалось воплотить в жизнь. Все люди, у которых осталось хоть немного здравого смысла, сразу же поняли, что это совершенно неосуществимо, и от него пришлось отказаться. Но, решив этот вопрос, он без колебаний приступил к судебному преследованию, искренне и горячо поддерживая суд во всем, в том числе и в доказательстве призраков, что еще предстоит показать.

VIII.

ХЛОПОК МАЗЕР И СПЕКТРАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА.

Я продолжу подробно рассматривать труды Мазера, на которые прошу обратить пристальное внимание читателя. Тема, к которой они в основном относятся, представляет большой интерес, представляя взгляды на целый класс тем, которые в течение долгого времени оказывали сильное влияние на человеческий разум.

В своей "*Жизни Фипса*", написанной в 1697 году и составляющей заключительную часть второй книги "*Магналии*", он дает общий отчет о том, что происходило на предварительных экзаменах в Салеме до прибытия сэра Уильяма в Бостон. В ней он со значительной полнотой излагает то, что было представлено магистратам, состоящее в основном из показаний призраков, и рассказывает о явлениях и действиях призраков, нападавших на "страдающих детей", не просто как о предположениях, а как о фактах. Правда, он выступает в роли рассказчика, но по манере и стилю изложения его нельзя не считать, что он одобряет показания призраков. Говоря об экзаменуемых магистратах и утверждая, что "теперь", то есть в 1697 году, "принято считать, что они сбились с пути", он выражается следующим образом: "Пострадавшие люди горячо обвиняли нескольких человек в нескольких местах, что *призраки*, которые их мучили, в точности походили на *них*"; пока назойливость обвинений не побудила магистратов осмотреть их. Когда многие из обвиняемых пришли на допрос, выяснилось, что демоны, которые тогда тысячей способов издевались над бедными страдальцами, с удивительной точностью изображали их; да, выяснилось, что многие из

обвиняемых, если бросали взгляд на страдальцев, то страдальцы, хотя их лица никогда не были такими другими, падали и лежали в обмороке, в котором они пребывали, какие бы руки на них ни возлагали, пока руки обвиняемого не касались их, и тогда они немедленно оживали: И было обнаружено, что различные естественные действия, совершаемые многими обвиняемыми в их собственных телах или с ними самими, такие как наклоны, изгибы, повороты, сжатие рук и тому подобное, сопровождалось такими же сверхъестественными действиями на телах пораженных, хотя они находились так далеко друг от друга, что пораженные не могли наблюдать за обвиняемыми."-*Magnalia*, Book II, p. 61.

Действительно, на протяжении всего его рассказа о явлениях и событиях, происходивших во время допросов перед магистратами, следует признать, что он сам проявлял явное предубеждение к вере и восприятию призрачных доказательств. Он начинает этот рассказ такими словами: "Несколько десятков человек, сначала в Салеме, центре и первенце всех городов колонии, а затем в нескольких других местах, были арестованы со многими сверхъестественными нарушениями на теле и разнообразными жестокими мучениями, которые, очевидно, были нанесены демонами невидимого мира. Люди, зараженные и зараженные такими демонами, через несколько дней достигали такого очищения глаз, что могли видеть своих мучителей; они видели дьявола маленького роста и цвета тауни, сопровождаемого еще призраками, которые появлялись в более человеческих обстоятельствах."- Страница 60.

И заканчивает он следующим образом: "Вспыльчивые люди могут преувеличивать эти вещи, но когда сотни самых трезвых людей в стране, где у них столько же материнской мудрости, как и у всего остального человечества, знают, что это *правда*, ничто, кроме абсурдного и хмурого духа саддукейства, не может поставить их под сомнение. Я еще не упомянул ни одной вещи, которая не была бы оправдана, если потребуются, клятвами более внимательных людей, чем те, кто может высмеять эти странные явления" - стр. 61.

Когда он подходит к развязке дела и упоминает о всеобщем помиловании осужденных и обвиняемых, он говорит: "Произошло несколько странных событий, которые заставили дух страны так же горячо выступить за оправдание всех обвиняемых, как он по ошибке сначала выступил за их осуждение". "В общем, последние суды, рассматривавшие это сложное дело, обнаружив, что невозможно проникнуть во весь смысл происшедшего и что в завершение таинственного дела было вплетено столько непостижимых обманов, которые, возможно, не закрались в него в самом начале, оправдали обвиняемых так же быстро, как и судили их". Но даже тогда Мазер не мог полностью отрешиться от "ошибки". "Более двадцати человек, - говорит он в связи с тем, что признания были отменены, - сделали такие добровольные, гармоничные и неконтролируемые признания, что если все они были притворными, то в этом было величайшее нарушение, совершенное действительностью невидимого мира, правил понимания человеческих дел, которое когда-либо было замечено с тех пор, как Бог создал человека на земле".

В этой же работе он в сжатой форме излагает взгляды сторонников и противников спектральных свидетельств, не устанавливая между ними равновесия и не принимая открыто ни одну из сторон, хотя можно справедливо заметить, что вес, который он кладет на чашу весов первой, весьма преобладает. Из случайных выражений также можно сделать вывод, что его следует отнести к первым, поскольку он приписывает им некие "философские схемы" в объяснении феноменов колдовства, которые похожи на его представление о "пластиковом духе мира". Еще одно случайное замечание, по-видимому, указывает на то, что Инкреза Мазера следует отнести к последним, а именно: "Хотя против некоторых из них, которых судили, приводилось столько других доказательств их дьявольских связей, что некоторые из

самых рассудительных, но ярых противников тогдашних представлений публично заявляли: *если бы они сами были на скамье подсудимых, они не смогли бы их оправдать*; тем не менее, были осуждены многие, против которых главные доказательства были основаны на призрачных выставках".

В постскрипуме к книге *"Случаи совести"* Инглиз Мазер пишет: "Я рад, что в мире опубликован (моим сыном) *бревиарий о судебных процессах* над некоторыми из тех, кто был недавно казнен, и надеюсь, что мыслящая часть человечества убедится, что для осуждения осужденных было больше, чем те доказательства, которые называют *зрелищами*. Я сам не присутствовал ни на одном из судебных процессов, за исключением одного, а именно суда над Джорджем Барроузом; если бы я был одним из его судей, я бы не смог его оправдать: Ибо несколько человек под присягой засвидетельствовали, что видели, как он делал такие вещи, которые не может совершить ни один человек, у которого нет дьявола в друзьях".

Заметим, что в этом отрывке Увеличенный Мазер не высказывает и не намекает на возражения против представления спектральных доказательств. Когда мы перейдем к рассмотрению *бревиатуры* Коттона Мазера о суде над Джорджем Берроузом, мы увидим, насколько незначительным и неадекватным было то, что Инкреш Мазер мог услышать *на суде*, чтобы доказать, что Берроуз проявил силу, которую мог дать только дьявол. К призрачному свидетельству достаточно было добавить самый пустяковый и дерзкий предмет, чтобы оно приобрело роковой эффект. Между прочим, ценность утверждения Ингриза Мэзера о том, что против осужденных было представлено "больше, чем то, что называется призрачными доказательствами", несколько снижается из-за признания Коттона Мэзера, которое он цитировал чуть раньше, что "были осуждены люди", против которых это было "главным доказательством".

Излагая возражения некоторых против принятия доказательств в виде призраков на том основании, что дьявол может принять облик невинного человека, и если этот человек будет отвечать за действия этого призрака, то в его власти будет осудить и уничтожить любое количество невинных и праведных людей, и таким образом "подмять под себя правительство, распустить и разрушить человеческое общество", Коттон Мазер преодолевает эту трудность следующим образом: "И все же Бог иногда допускает такие случаи, чтобы мы знали, насколько мы обязаны ему за то, что он сдерживает адских духов, которые в противном случае превратили бы мир в хаос".

Это яркий пример того, как слова могут не только скрывать, но и трансформировать идеи. Благоговейная форма языка скрывает непочтительную концепцию. Мысль слишком шокирующая для простого высказывания, но, облаченная в одежды хитроумной фразеологии, она принимает вид, который позволяет ей выдать себя за благочестивое признание божественной тайны. Настоящий смысл, как ни абсурдно, как ни страшно это утверждать или думать, заключается в том, что Небесный Отец иногда может не просто разрешить, но и пожелать, чтобы ложь дьявола ввела в заблуждение суды правосудия и привела к пролитию крови праведников, чтобы таким образом показать, насколько мы обязаны Ему, чтобы подобное возмущение и разрушение не произошло со всеми нами. Он позволяет дьяволу с помощью ложного свидетельства совершать самые ужасные преступления. Это часть "Ректорской праведности Божьей", чтобы так было. Что, если суды все же примут свидетельство дьявола в облике призрака и, опираясь на его силу, предадут смерти невинных? Такова воля Божья, чтобы так было. Пусть эта воля будет исполнена.

Но как бы ни характеризовать это чувство, оно устраняет единственное основание, по которому в те времена возражали против призрачных доказательств, - а именно, что они

могут подвергнуть опасности невинных. Если такова была воля Божья, возражавшие были вынуждены замолчать.

Завершая рассмотрение вопроса о том, осуждал ли Коттон Мазер или попустительствовал принятию спектральных показаний, - ведь именно этот вопрос стоит перед нами, - я уверен, что все стало ясно: он возражал не против *принятия* таких показаний, а против "принципов, которые отстаивали некоторые судьи", но против того, как с ними следует *обращаться* и *распоряжаться*. Я категорически отрицаю, что можно доказать, что он выступал против их *принятия*. Ни в одной из своих публичных работ он никогда не претендовал на это. Максимум, на что он отважился, будучи вынужденным обороняться именно по этому вопросу, как и во все остальные дни своей жизни, - это сказать, что он против "чрезмерного использования". Однажды, правда, в своем частном дневнике, под влиянием того самообмана, который часто заставлял его быть слепым к значению своего языка, противореча в одной части тому, что он сказал в другой части того же предложения, очевидно, как я полагаю, без какого-либо сознательного и намеренного нарушения истины, он делает следующее заявление: "Со своей стороны, я всегда боялся приступить к осуждению и порицанию любого человека, как связанного с поражающими Демонами, на основании такого слабого доказательства, как призрачное представление. Поэтому я всегда протестовал против этого, как публично, так и частным образом; и в своем письме к судьям я особенно просил их ни в коем случае не допускать этого; и когда значительное собрание министров дало свой совет по этому вопросу, я не только согласился с ними, но и сам составил его".

Это показывает, как он потакал формам выражения, которые вводили его в заблуждение. Его письмо "судьям" означает, как я полагаю, письмо Ричардсу; и он настолько приучил свой ум к попытке придать *совету* министров такое толкование, что обманул самого себя. В этом документе нет ни слова, тем более протеста, против "признания" этих доказательств: он не был задуман, и никто в то время не понимал, что он имеет такое значение, а только призывал к осторожности в использовании и управлении ими. Милосердие к нему требует, чтобы мы принимали его заявление в Дневнике с учетом тех изменений, которые он сам с ним связывает, и подразумевали не более того, что мы находим выраженным в письме Ричардсу и в *Совете*. Но если он действительно обманывал себя, думая, что протестует против *принятия* призрачных доказательств, ему не удалось, вероятно, ввести в заблуждение других людей, кроме своего сына Сэмюэля, который повторил язык Дневника, и нашего Рецензента.

Вопрос, повторяю еще раз, заключается в том, чтобы *вообще* допускать этот вид доказательств, на любой стадии, в любой форме, в любом объеме. Коттон Мазер никогда, ни в одном публичном письме, не "осуждал принятие" его, никогда не советовал полностью исключить его; но, напротив, признавал его как основание для "предположения". Увеличение Мазер заявил, что "обвинения дьявола", которыми, по его мнению, действительно были призрачные свидетельства, "могут рассматриваться настолько, что заставляют задуматься об истинности вещей". Это исторические факты, которые не могут быть сдвинуты с их места в публичных записях того времени. Нет причин сомневаться в том, что все министры на ранних стадиях заблуждения были согласны с этими взглядами. Все они испытывали упомянутый Мазером "благоговейный трепет", который наполнял умы присяжных, судей и народа всякий раз, когда представлялись свидетельства такого рода. Неважно, как и когда, в качестве "предположения", на котором можно строить другие доказательства, или в качестве причины для дальнейшего "расследования", ничто не могло противостоять этому. Характер, разум, здравый смысл были сметены. До тех пор, пока его

допускали, как бы то ни было, или вообще принимали на веру, ужасный фанатизм и его ужасные последствия продолжались. Когда же он был полностью исключен, господство террора и смерти прекратилось.

IX.

ХЛОПОК МАЗЕР И ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЭКЗАМЕНЫ. ДЖОН ПРОКТОР. ДЖОРДЖ БЕРРОУЗ.

Призрачные свидетельства были приняты, и экспертизы и судебные процессы продолжились. Теперь возникает вопрос, как относился к ним Коттон Мазер? Выяснение значения его слов исчерпано; теперь нам предстоит истолковать его действия. Они говорят громче и яснее слов. Прежде всего, давайте проведем правильное различие между допросами, проводившимися при аресте заключенных и приведшими к их заключению, и судебными процессами. Первые ордера были выданы двадцать девятого февраля 1692 года; арестованные предстали перед магистратом на следующий день. Аресты и допросы проводились с небольшими интервалами в течение трех месяцев, когда состоялся первый суд; они продолжались время от времени и в течение долгого времени после этого, пока действовал Специальный суд. В некоторых отношениях они были более важными, чем судебные процессы. Почти все доказательства, представленные присяжным, были получены магистратами; и, будучи в основном в форме тщательно написанных показаний, они были просто воспроизведены и приведены к присяге в суде. Кроме того, поскольку заключенным не предоставлялся адвокат, судебные разбирательства проходили в довольно сжатые сроки. Хатчинсон говорит, что никаких трудностей не возникло, и результаты были достигнуты быстро во всех случаях, кроме дела Ребекки Нерс.

Эти два этапа судопроизводства смешались в общественном сознании и были перенесены традицией под общим названием "судебные процессы". Именно чередование, с небольшими интервалами, в течение длительного периода, этих экзаменов вызвало сильное волнение в стране, которое встретило Фипса по его прибытии; и которое так наглядно описано Коттоном Мазером, как "ужасное брожение". Он говорит, что не присутствовал ни на одном из испытаний. Присутствовал ли он на экзаменах? Решение этого вопроса требует следующих соображений:

Если вспомнить, что он должен был проявлять к ним особый интерес, судя по направлению его преобладающих мыслей и рассуждений, представленных во всех его сочинениях, и по склонности, которую он всегда проявлял, чтобы поставить себя в положение для наблюдения и изучения подобных вещей, то можно предположить, что он не упустил бы возможности, подобные тем, что были представлены в сценах, разыгранных перед магистратами. В то время как все остальные люди, особенно министры, стекались к ним, трудно сделать вывод, что он сдерживался. О том, что он присутствовал на некоторых из них, можно судить по характерному выражению его речи о том, что он никогда не присутствовал *на судебных заседаниях*. Описание, данное в "*Жизни Фипса*", того, что демонстрировали и заявляли "страдающие дети" на экзаменах, отличается подробностью и живостью, как будто исходило от очевидца; но в рассказе нет ни одного конкретного слова или слога, из которого можно было бы сделать вывод, присутствовал ли он на них лично или нет. Это можно заметить, повторяю, потому что он тщательно скрывал, что *не присутствовал на судебных процессах*.

Экзамены были такого характера, что привлекли всеобщее внимание, а необычность их происшествий, с точки зрения того поколения, имела притягательную силу, практически непреодолимую, поэтому неудивительно, что, как случайно выяснилось, магистраты и министры съехались на них со всех концов. Ни одно местное происшествие в истории этой страны не вызывало такого глубокого, благоговейного и изумленного интереса. Вряд ли можно сомневаться в том, что он был привлечен к ним. Можно ли сделать иной вывод из уже процитированного отрывка из его Дневника, что он чувствовал призвание, "как глашатай приближающегося Царства Господня", лично присутствовать при "ужасных чарах и одержимости, разразившихся в деревне Салем?" Там было большое скопление магистратов и священников, особенно двадцать четвертого марта, когда Деодат Лоусон произнес свою знаменитую проповедь после допроса Ребекки Нерс; одиннадцатого апреля, когда губернатор и Совет сами проводили допрос Джона Проктора и других; и девятого мая, когда Стоутон из Дорчестера и Сьюолл из Бостона заседали с местными магистратами, и преподобный Джордж Берроуз предстал перед ними. Действительно, странно, что Мазер не присутствовал, особенно в последнем случае; и может показаться, что, по мере того как мы продвигаемся вперед, это почти заслуга его репутации, чтобы предположить, что он был там, и таким образом стал квалифицированным и уполномоченным выносить приговор, который он впоследствии вынес.

Местная традиция, в некоторых отношениях менее ценная, по причинам, изложенным в моей книге, в связи с этим делом, чем большинство других, но все же имеющая большой вес, отождествляет Коттона Мазера с этими сценами. Семья, главой которой был Джон Проктор, и по сей день продолжает занимать его земли. Всегда уважаемые в своем социальном положении, они увековечили его выдающиеся черты интеллекта и характера. Они были сильными людьми, как говорят в их время, каждого поколения; они постоянно хранили память о своем благородном прародителе, который храбро встал грудью на защиту своей жены перед яростным фанатизмом своего века и пал жертвой его ярости и собственной мужественной верности и честности. Они, как ни одна другая семья, сохранили знания о великой трагедии; среди них бытует предание, что Коттон Мазер принимал активное участие в преследовании Проктора. Представитель семьи в наши дни, человек энергичных способностей, либерального образования, академического и юридического, интересующийся антикварными и генеалогическими запросами, Джон У. Проктор, председательствовавший на праздновании столетия в Дэнверсе пятнадцатого июня 1852 года; в своей речи он, несомненно, выразил передаваемые чувства - хотя, как это обычно делается, путая экзамены с судебными процессами, - заявив, что Коттон Мэтер проявил себя в судебном процессе против его предка.

Коттон Мазер был главным защитником судей. В своем дневнике он пишет: "Я видел в большинстве судей самые очаровательные примеры благоразумия и терпения; и я знаю образцовую молитву и душевные муки, с которыми они обращались к небесам, больше, чем большинство других людей; которых я обычно видел очарованными в яростном, буйном, скандальном и неразумном нраве, когда бедствие усиливалось на нас. По этой причине, *хотя я и не мог согласиться с принципами, которых придерживались некоторые из судей*, я все же не мог не отзываться об их персонах с почтением во всех случаях; и мое сострадание при виде их трудностей, вызванных *моими поездками в Салем*, главное место этих дьявольских бедствий, заставляло меня делать это еще больше".

Как, не присутствуя ни на одном из процессов, он мог дать такую высокую оценку поведению судей, основываясь, как он говорит, на том, чему он был свидетелем во время поездок в Салем? Я могу представить только один способ, которым можно согласовать его заявления.

Пятеро из восьми судей (место Солтонстолла было вакантным) - Стоутон, Сьюолл, Гедни, Корвин и Хаторн - по отдельности, в разное время, заседали в качестве магистратов на экзаменах, которые сопровождались досадами и недоумениями, требуя благоразумия и терпения гораздо больше, чем судебные процессы. Поэтому Мазеру следовало бы предположить, что он часто посещал экзамены и, таким образом, получил право говорить о поведении судей "при *виде* их трудностей".

Большая часть показаний, данных "страдающими детьми" на экзаменах, вряд ли может быть объяснена иначе, как почерпнутая из идей, высказанных Мазером на месте, чтобы дойти до их ушей. В показаниях Сюзанны Шелдон против Джона Уилларда, данных девятого мая, есть следующее необычное утверждение: "Мне явился сияющий белый человек". Она представляет его как доброго и дружелюбного ангела или духа, сопровождаемого другим "ангелом с небес", который защищал ее от призрака Джона Уилларда.

К лондонскому изданию "*Дела совести*", напечатанному в 1862 году, прилагается рассказ Деодата Лоусона о некоторых примечательных вещах, которые он видел и слышал, связанных с колдовскими операциями в деревне Салем. В нем есть следующее утверждение: "Первого апреля Мерси Льюис увидела в своем припадке белого человека и оказалась с ним в великолепном месте, где не было ни свечей, ни солнца, но было полно света и яркости; там было великое множество людей в белых сверкающих одеждах; они пели Песнь *Откровения*, ст. 9, и сто десятый псалом, и сто сорок девятый псалом; и сказала себе: "Как долго мне оставаться здесь?" "Позволь мне быть вместе с тобой! Ей не хотелось покидать это место, и она печалилась, что не может больше оставаться здесь. Этот белый человек несколько раз являлся некоторым из них и предупреждал, сколько времени должно пройти до очередного припадка, который иногда длился день, или полтора дня, или больше, или меньше. Так и вышло".

В деле Маргарет Рул в Бостоне, в год после Салемского заблуждения, которым, несомненно, руководил Мазер, фигурирует тот же "*Белый*" дух; а также в другом случае. Мазер упоминает о "славном и знаменательном избавлении этой бедной девицы", Мерси Шорт, за шесть месяцев до этого. "Действительно, - говорит он, - случай Маргарет в некоторых моментах был менее примечательным, чем случай Мерси; и в некоторых других вещах развлечения немного отличались". Маргарет, Мерси и "страждущие дети" в деревне Салем - у всех был свой "Белый ангел", как утверждает Мазер: "Не только в шведском, но и в салемском колдовстве заколдованные люди много говорили о Белом Духе, от которого они получали чудесную помощь в своих страданиях. То, что недавно случилось с Мерси Шорт от общения с таким духом, вызвало справедливое удивление у всех нас; но такой же дух посетил и Маргарет Рул. Она говорит, что никогда не видела его лица, но часто видела его яркие, сияющие и славные одежды; он постоянно стоял у ее постели, ободряя и утешая ее, и советовал ей сохранять веру и надежду на Бога и никогда не поддаваться искушениям противников" - *Калеф*, 3, 8.

Это явление "Белого и сияющего" Духа или "Белого Ангела", оказывающего доброе и дружеское влияние, полностью выходило за рамки обычных спектральных проявлений; оно было особенным в упомянутых случаях и, похоже, происходило из одного и того же источника. Итак, давайте рассмотрим, что в любимом прецеденте Коттона Мэзера, на котором настаивал сэр Уильям Фипс и который Мэзер довел до сведения Ричардса, и который он так любил цитировать в своих трудах, был "Белый ангел". В его рассказе о "самом ужасном злодеянии, совершенном в Свидланде дьяволами с помощью ведьм", мы находим следующее: "Некоторые из детей много говорили о Белом Ангеле, который запрещал им то, что дьявол велел им делать, и уверял их, что это ненадолго, но что то, что было сделано, было

разрешено за злобу людей. Этот Белый Ангел иногда спасал детей, чтобы они не пошли с ведьмами" - *Чудеса*, 50.

Мистер Хейл также отмечает эту особенность Салемского процесса - свидетели клялись "изображениями небесной красоты, белыми мужчинами".

Мазер принес историю об этом колдовстве "в Свидланде" на суд общественности в Америке; у него была книга, в которой она содержалась, и он активно в распространении этой истории. Можно не сомневаться, что именно через него эта история попала к девочкам из деревушки Салем. Очевидно, что он был в близких отношениях с Пэррисом. Насколько последний получил от него свои идеи, *пока* неизвестно. То, что они были вовлечены в одну и ту же ответственность, ясно из того факта, что Пэррис опирался на него в поисках защиты и полагался на него как на своего защитника во время своих разногласий со своим народом, вызванных колдовскими операциями.

Если должным образом взвесить эти соображения в связи с его словами в только что процитированном отрывке из дневника: "Я увидел в судьях самый очаровательный пример благоразумия и терпения": "Мое сострадание при виде их трудностей", "вызванное моими поездками в Салем, главное место этих дьявольских злоключений", - представляется необходимым заключить, что возможность *увидеть* все это в случаях его "поездок в Салем" должна была быть предоставлена ему присутствием на экзаменах, проводимых магистратами, которые также были судьями; поскольку его собственным утверждением установлено, что он никогда не видел их на скамье суда, на заседаниях с участием присяжных. Таким образом, из его собственных слов и всех фактов, относящихся к данному вопросу, становится ясно, что целью его "поездки в Салем" было посещение экзаменов. Мы действительно вынуждены прийти к такому выводу.

Экзамены продолжались с первого марта и до самого лета 1692 года. Нет ни малейшего намека на то, что кто-то из Мазеров произнес хоть слово против проводимого в них курса, ни до, ни после середины мая, когда правительство перешло в их почти исключительное владение. Все это время призрачные свидетельства принимались без сдерживания или признаков недоверия с их стороны; и, присутствуя или отсутствуя, они не могли не знать обо всем, что происходит.

Путешествия Коттона Мазера в Салем, должно быть, были частыми. Если бы он совершил их всего два или три раза, он бы так и сказал, поскольку говорит о них в апологетическом отрывке и пытается представить, что его деятельность была настолько незначительной, насколько это позволяет правда.

Рецензент утверждает, что путешествия совершались с другой целью. Он утверждает это совершенно определенно. "Он посещал Салем, как мы сейчас увидим, совсем с другой целью, нежели та, которая была заявлена". Эта формулировка удивила меня, поскольку она полностью ускользнула от моих исследований; удивление сопровождалось радостью, поскольку я предполагал, что для этого заявления должно быть какое-то основание. Я с нетерпением ожидал раскрытия, которое должно было быть сделано в каком-нибудь документе, который теперь впервые должен быть извлечен на свет из "первоисточников", таких, к которым, как он сообщает нам в последующем отрывке, имел доступ мистер Лонгфелло. Велико было мое разочарование, когда я обнаружил, что обозреватель, несмотря на свое обещание сообщить нам "другую цель" визитов Мазера в Салем, не дал нам ни единого слова *информации* на этот счет, но попытался выдать читателям "*Североамериканского обозрения*" чистую выдумку своего собственного мозга, простое

предположение, столь же необоснованное, сколь и абсурдное. Он утверждает, что Мазер посещал Салем в качестве "духовного утешителя" Джона Проктора и Джона Уилларда!

Далее в подтверждение этого утверждения он говорит, "что Проктор и Уиллард несколько месяцев находились в бостонской тюрьме и там, несомненно, познакомились с мистером Мазером, поскольку он был постоянным посетителем тюрьмы". Это вряд ли объясняет "поездки в Салем" в те месяцы. Салем находился не совсем на пути мистера Мазера от его дома в Бостоне до бостонской тюрьмы.

Поскольку между помещением Проктора в бостонскую тюрьму и его казнь прошло всего несколько дней и более четырех месяцев, за вычетом "нескольких месяцев", которые он там провел, после его перевода в Салемскую тюрьму оставалось совсем немного времени для "поездки Мазера в Салем" с целью духовного утешения. Что касается его "знакомства" в Бостонской тюрьме, то на том же основании можно утверждать, что он был духовным наставником заключенных в целом; ведь большинство страдальцев находились в Бостонской тюрьме столько же, сколько и Проктор; и он посещал их всех одинаково.

Рецензент не приводит ни крупницы доказательств, подтверждающих его абсолютное утверждение, и даже не поддерживает эту идею; но, как это в его обычае, он превращает предположение в установленный факт. На голом предположении он строит аргумент и рассматривает все это, базис и надстройку, как историю. Чтобы показать, как именно он *создает историю*, я должен проследить этот вопрос немного дальше. В книге Брэттла "*Отчет о колдовстве в графстве Эссекс*" 1692 года есть такой абзац, после которого говорится, что казненные "ушли из мира не только с такими великими заявлениями, но и с такими великими демонстрациями невинности, на какие только способны люди": "Они заявили о своей невинности, как перед лицом великого Бога, перед которым им предстояло предстать: они желали и заявили о своем желании, чтобы их кровь была последней невинной кровью, пролитой по этому поводу. С большой любовью они умоляли мистера К. М. помолиться вместе с ними: они молились, чтобы Бог открыл, какие колдовства были среди нас: они простили своих обвинителей: они без раздумий говорили о присяжных и судьях за то, что их виновными и осудили их: [они искренне молились о прощении всех *других* грехов и о том, чтобы заинтересоваться драгоценной кровью нашего дорогого Икупителя] и казались очень искренними, честными и здраво оценивающими свои обстоятельства по всем пунктам; особенно Проктор и Уиллард, чье поведение от тюрьмы до виселицы [и во время виселицы] было очень трогательным и растопило сердца некоторых значительных зрителей, которых я мог бы упомянуть вам: [но они казнены, и поэтому я их оставляю.]" - *Массачусетские исторические сборники*, I, v., 68.

Рецензент цитирует этот абзац, опуская положения, которые я заключил в скобки, без *какого-либо указания на пропуски*. Первый из опущенных пунктов - это предсмертное заявление о невинности страдальцев в совершении преступления. Второе доказывает, что они "управляли собой" как после, так и до попадания на виселицу и до самой смерти, что, по-видимому, исключает мысль о том, что их молитвенные и подготовительные упражнения проходили под руководством какого-либо духовного наставника. Последнее высказывание является ярким и естественным выражением чувств и суждений Брэттла по этому поводу.

Рецензент приводит следующую цитату: "Мистер Брэттл упоминает не кого иного, как мистера К. М., как утешителя и друга страдальцев, особенно Проктора и Уилларда". "В приведенном выше высказывании мы прослеживаем характер их духовного наставника". "Теперь мы видим цель визитов мистера Мазера в Салем". "Стали бы эти люди просить

мистера Мазера быть их духовным утешителем, если бы он, как утверждается, привел их в печальное состояние?"

В других выражениях и в других связях он говорит о присутствии мистера Мэзера на этих казнях как об "исполнении печального долга перед Проктором и Уиллардом" и представляет Брэттла, который называет его "духовным наставником осужденных". Все это он утверждает как доказанный и признанный факт; и все это опирается на вышеприведенный *искаженный* абзац Брэттла.

Пусть читатель тщательно изучит и рассмотрит этот абзац, а затем судит о претензиях этого рецензента на то, чтобы установить историю. Слово "привязанность" в то время часто использовалось для обозначения *искреннего желания*. "Они" - то есть те, кто в то время должен был умереть, а именно преподобный Джордж Берроуз, смиренный человек. Джордж Берроуз, скромный, трудолюбивый, преданный служитель Евангелия; Джон Проктор, владелец ценных ферм и глава большой семьи; Джон Уиллард, молодой женатый человек с самыми уважаемыми связями; Джордж Джейкобс, ранний поселенец, землевладелец и дед, великовозрастный, с белоснежными локонами, поддерживаемый, когда он шел, двумя посохами или костылями; и Марта Карриер, жена фермера из Андовера, с семьей детей, некоторые из них совсем маленькие - "умоляли г. К. М. помолиться с ними". Почему они должны были "умолять" его, если он проделал весь путь из Бостона ради этой цели? У них у всех были священники поблизости - у Карриера было два священника, один из которых или оба сразу бы пришли, если бы людям, страдающим за вменяемое им преступление колдовства, разрешили присутствие "духовных утешителей" на казни. Если бы Мазер молился вместе с ними, Брэттл сказал бы об этом. Его слова равносильны заявлению, что "мистер К. М." не захотел, если не отказался совсем; и единственные законные выводы из всего отрывка: страдальцы сами молились, - судя по рассказу Брэттла об их предсмертных молитвах, они делали это хорошо, - и что без "духовного утешителя", "советчика" или "друга" в последний страшный час они были предоставлены "управлять собой".

Если рассматривать этот абзац в связи с отношениями Брэттла к Мазеру, который не одобрял его курс в общественных делах, но в то же время был деликатно расположен к нему, будучи связан с ним важными общественными интересами и ведущими кругами, то вывод кажется вероятным, что он хотел косвенно отметить тот факт, что Мазер отказался молиться со страдальцами по этому случаю. На самом деле мы знаем, что Николас Нойес, который был министром Проктора, отказался молиться с ним, если тот не исповедуется. Мазер и Нойес были тесно связаны личными и профессиональными узами дружбы и общения и, вероятно, не стали бы противоречить друг другу в такое время и в присутствии такого множества служителей и людей.

То, что Нойес или Мазер не желали молиться с людьми на публичных казнях, которые были осуждены как сообщники дьявола и, отказавшись признаться, сохранили этот характер до последнего, следует рассматривать исключительно как иллюстрацию шокирующего характера всей процедуры преследования за колдовство, а не как нечто лично суровое или жестокое. Священнослужители, как и они, полагая, что осужденные - это преступники гораздо иного и более глубокого пошиба, чем тот, который может быть присущ обычному человеческому преступлению, мятежники против Бога, отступники от Христа, сыны Белиала, новобранцы армии дьявола, присягнувшие на верность его царству, крещенные в его церкви, недоступные для надежды и молитвы, вряд ли могли рассчитывать на то, что они будут молиться с ними. *Присоединиться к ним* в молитве было невозможно. Прохождение через формы совместной молитвы было бы несовместимо с поводом, и не более несовместимо с убеждениями служителей, чем противно сознательной невинности и

естественной чувствительности страдальцев. *За осужденных, не признавшихся, не раскаявшихся ведьм можно было молиться, или на них, но не с ними.*

Превосходное величие ума Берроуза и его товарищей по несчастью, истинный дух христианского прощения, возвышающий их над чувством ошибок и несправедливости, жертвами которых они стали, прекрасно и славно проявились в том, что они искренне желали и умоляли Нойеса и Мазера молиться вместе с ними. Им было жаль их заблуждений, и они желали в тот последний час считать их и всех остальных своими братьями и преклониться вместе с ними перед Отцом всех. Просьба, с которой они обратились к христианским служителям, считавшим их в тот момент в союзе с дьяволом, возможно, не совсем логична; невыполнение ее не является поводом для упреков; но тот факт, что она была повторена со всей серьезностью, "с нежностью", показывает, что последние пульсации их сердец были ускорены святой и небесной Любовью.

Рецензент спрашивает: "Были ли эти пять человек казнены в тот день без какого-либо духовного наставника?" По-моему, нет никаких доказательств того, что священник когда-либо сопровождал в таком качестве людей, осужденных за колдовство, на месте казни. Из рассказа Брэттла можно сделать вывод лишь о том, что в случае, о котором он говорит, страдальцы *сами* возносили публичные молитвы. Мы знаем, что Марта Кори на одной из последующих казней произнесла молитву, которая произвела глубокое впечатление на собравшуюся толпу. О молитве мистера Берроуза говорится особо. Так и в Англии, когда преподобного мистера Льюиса, епископального священника восьмидесяти лет от роду, который в течение пятидесяти лет был викарием Брандестона в графстве Саффолк, казнили за предполагаемое колдовство, почтенный человек прочитал свою собственную заупокойную службу в соответствии с формами своей Церкви, "предав свое тело земле в надежде на воскресение к вечной жизни".

Вся эта история о духовных отношениях между Мазером и Проктором - голый вымысел, полностью противоречащий всем традициям и всем вероятностям, не имеющий ни тени поддержки ни в одном документе, представленном рецензентом; и все же он хотел бы, чтобы ее приняли как установленный факт и включили в историю в качестве такового. Подобные вольности нельзя допускать.

В дневнике Сьюолла, датированном девятнадцатым августа 1692 года, есть такая запись: "В этот день Джордж Барроу, Джон Уиллард, Джон Проктор, Марта Кэрриер и Джордж Джейкобс были казнены в Салеме, при этом присутствовало очень много зрителей. Там были мистер Коттон Мазер, мистер Симс, Хейл, Нойес, Чивер и другие. Все они заявили, что были невиновны, Кэрриер и все остальные. Мистер Мазер говорит, что все они умерли по справедливому приговору. Мистер Барроу своей речью, молитвой, заявлением о своей невинности очень тронул несмышленных людей, что послужило причиной того, что о его казни почти не говорили".

Весьма примечательно, что Коттон Мазер должен был сразу после казни отправиться домой, в Бостон, и привлечь к себе внимание, провозгласив столь резкие настроения против всех страдальцев, если он только что оказывал им дружеские услуги в качестве "духовного наставника, советника и утешителя". Священнослужители, призванные к таким меланхоличным и волнующим функциям, обычно не выходят из них в том состоянии духа, которое демонстрирует язык, приписываемый Сьюоллом Мазеру. Это, во всяком случае, показывает, что Мазер был уверен, что Проктор ушел из мира нераскаявшимся, не признавшимся в содеянном магом, а значит, не подходящим для того, чтобы христианский служитель объединился с ним в молитве.

Кстати, еще одно замечание. Рассказ Сьюолла о впечатлении, произведенном Берроузом на зрителей, впервые опубликованный сейчас в печати, как нельзя лучше подтверждает слова Калефа по этому поводу.

Однако главная цель, с которой я привожу этот отрывок из дневника Сьюолла, заключается в следующем. Мазер не присутствовал на суде над Берроузом. Если он не присутствовал на его допросе перед магистратом, как он мог говорить о справедливости приговора? Не было никакого отчета или публикации доказательств; и он мог получить компетентное знание о них только из личного присутствия, в том или ином случае. Он не мог быть оправдан в столь уверенном и абсолютном суждении, основываясь лишь на слухах. Если бы это был источник его информации, он бы соответствующим образом изменил свои формулировки.

Есть еще один момент, который необходимо учитывать при рассмотрении вопроса о связи Мазера с экзаменами заключенных перед магистратом.

Когда Проктор ожидал суда, в течение короткого периода, предшествовавшего этому событию, когда он находился в Салемской тюрьме, он обратился с письмом к "мистеру Мазеру, мистеру Аллену, мистеру Муди, мистеру Уилларду и мистеру Бейли", всем министрам, умоляя их ходатайствовать от имени себя и других заключенных, чтобы обеспечить им лучшее обращение, особенно справедливый суд, чем они могли получить в Салеме, где против них было поднято такое сильное волнение. Судя по характеру письма, очевидно, что оно было адресовано им в надежде и уверенности, что они способны ответить на такой призыв. Назван только один из Матеров. Они были ассоциированными служителями одной и той же церкви. Хотя отец был президентом колледжа в Кембридже, он проживал в Бостоне и активно исполнял там свое служение. Возникает вопрос: кто из них имеется в виду? В своей книге я выразил мнение, что это был отец Инкрес. Рецензент утверждает, что это был Коттон, сын. Это справедливый вопрос, и каждый человек может высказать свое суждение по нему. Другие названные лица, включая остальных священнослужителей, связанных в то время с бостонскими церквями, по отдельности, в большей или меньшей степени, как показывает дошедшая до нас информация, не впадали в крайности, поддерживая преследования за колдовство.

Увеличение Мазера обычно считалось, на каких бы то ни было основаниях, не заходящим в этом направлении так далеко, как его сын. Список возглавляет имя "мистер Мазер". Его положение, как председателя колледжа и духовенства, позволило ему занять эту должность. Его возраст и стаж работы в поселении также давали ему на это право. Обычай и все общие соображения приличия требуют, чтобы мы предположили, что под "мистером Мазером" подразумевается *старший*. Коттон Мазер, будучи самым молодым из бостонских священников, вряд ли был бы первым в таком списке. Кроме того, его считали, как он сам жалуется, "исполнителем всех тяжких дел, которые были совершены в ходе преследования колдовства". Тот, кто придет к выводу, что в мыслях Проктора был именно Инкрес Мэтер, оценит тот факт, что Коттон Мэтер в списке отсутствует. Это доказывает, что Проктор считал его недостижимым для всех призывов в защиту обвиняемых; и подтверждает традицию, сложившуюся в семье, что его поведение по отношению к Проктору во время допросов в магистрате или в суде свидетельствовало об устойчивом и абсолютном предубеждении или осуждении против него. Это письмо Проктора, напечатанное в моей книге [ii., 310], полностью развеивает фантазии обозревателя о том, что Коттон Мазер был его "духовным наставником", консультировавшим его во время частых визитов в Салемскую тюрьму. В ней безоговорочно осуждаются "магистраты, министры, присяжные" как находящиеся под "заблуждением дьявола, которое мы не можем назвать иначе, поскольку знаем, по нашей собственной совести, что все мы невиновны"; она написана в смелом, откровенном и

язвительном стиле, который потряс бы и раззадорил Коттона Мэзера до наивысшей возможной степени. Совершенно точно, что если бы Коттон Мазер был "другом и советником" Проктора, то весь документ был бы выдержан в более благоразумном и осторожном тоне и стиле.

В заключение соображений, которые делают вероятным, что Коттон Мазер имел отношение к экзаменам, можно сказать, что в целом он оправдывает курс, принятый на них, в выражениях, которые, кажется, отождествляют себя с ними, и доказывают, что он не мог быть против методов, использованных в них.

Х.

ХЛОПОК МАЗЕР И СУД НАД ВЕДЬМАМИ. КАЗНИ.

Теперь я перехожу к рассмотрению связи Коттона Мэзера с процессом в Салеме. Полностью признано, что он лично не присутствовал ни на одном из них. Его утверждение на этот счет не допускает предположения, что он мог обманывать себя в этом вопросе. В своем письме Ричардсу, как мы уже видели, он выразил свое большое разочарование тем, что не был достаточно здоров, чтобы сопровождать его на первом заседании Специального суда; и смысл этого отрывка доказывает, что он полностью ожидал и намеревался присутствовать на судебных процессах в целом. Продолжалось ли то же самое телесное недомогание, запрещавшее ему присутствовать на последующих заседаниях, мы не можем получить информацию.

Первая связь между ним и судебными процессами, которую я могу обнаружить, прослеживается на встрече некоторых министров после того, как казни состоялись, а судебные процессы еще не завершились.

В книге *"Случаи совести"* Инглиз Мазер пишет следующее: "Что касается мнения старейшин в Новой Англии, то, насколько я могу судить, они в целом согласны с м-ром Перкинсом и м-ром Бернардом. Я знаю, что на собрании служителей в Кембридже 1 августа 1692 года, где присутствовали семь старейшин, кроме президента колледжа, обсуждался вопрос: не может ли дьявол иногда иметь разрешение представлять невинного человека мучителем тех, кто подвергается дьявольским издевательствам? Ответ, с которым все они согласились, был таков: "Дьявол иногда может иметь разрешение представлять невинных людей мучителями, подвергающимися дьявольским издевательствам, но такие вещи редки и необычны, особенно когда подобные дела попадают в гражданские судебные органы"; и я уверен, что некоторые из самых выдающихся министров страны, которых не было на том собрании, придерживаются того же мнения. И я также уверен, что в делах такого рода уста священника должны хранить знание, и они должны искать закон в его устах". *Мал., 2, 7*".

Что имелось в виду под цитатой из Малахии, остается только догадываться. Это похоже на идею, которую, как я предполагал, Коттон Мазер в большей или меньшей степени лелеял в разное время, - передавать такие дела под конфиденциальную опеку и управление одного или нескольких министров. Был ли Коттон Мазер, как и его отец, на этом собрании, не сообщается. Выражения "редкие и необычные" и "иногда имеют разрешение", а также общий стиль языка принадлежат ему. Во всяком случае, говоря об этом собрании в своих *"Чудесах невидимого мира"*, он отзывается о присутствовавших министрах "как о весьма благочестивых и ученых"; говорит, что они высказали преобладающее мнение других людей,

"чрезвычайно осторожных и рассудительных"; и заявляет, что у них "есть и аргументы, и история, чтобы поддержать их в этом".

Следует заметить, что это мнение министров, высказанное первого августа, если и не разрешает допускать, без оговорок и ограничений, спектральные доказательства в судебном разбирательстве, то сводит возражения против них почти к нулю.

Обратите внимание на дату. Уже шесть женщин, глав семейств, многие из которых занимали уважаемое положение в обществе, все в преклонном возрасте, одна или две совсем пожилые, и две, по крайней мере, из самых выдающихся христианских натур, пострадали от смерти, причем исключительно по призрачным показаниям, то есть против них не было приведено никаких других свидетельств, которые, как все признают, могли бы их осудить даже тогда. Прошло двенадцать дней с тех пор, как пятеро из них были казнены; еще через четыре дня должны были предстать перед судом еще шестеро, среди них преподобный Джордж Берроуз; и служители церкви под руководством и с явного одобрения Коттона Мэзера принимают решение о том, что опасность того, что невинные люди пострадают в ходе судебных разбирательств от призрачных свидетельств, очень мала.

Давайте больше не будем слушать, что духовенство Новой Англии приняло доктрины тех писателей, которые "заявляли о недопустимости спектральных свидетельств"; что "магистраты отвергли эти доктрины"; что "все зло в Салеме выросло из позиции, занятой магистратами"; и что "было бы хорошо для двадцати жертв в Салеме, если бы священники колонии, а не адвокаты, определили их судьбу".

Духовенство Новой Англии действительно с большим уважением относилось к авторитету некоторых писателей, которые, как считалось, в большей или меньшей степени дискредитировали призрачные свидетельства. Мазерс признался, что разделяет их мнение; но позиция, занятая на собрании первого августа, как уже говорилось выше, была, надо признать, несовместима с ним. Отрывки, которые я приводил и буду приводить из трудов Коттона Мэзера, продемонстрируют, с какой изощренной изобретательностью он пытался примирить уважение к упомянутым писателям с признанием этого вида доказательств в той степени, в которой они, как считалось, не допускались.

Я обязан Джорджу Х. Муру, LL.D., из Нью-Йорка, за следующий важный документ. Джон Фостер на момент составления документа был членом Совета. Хатчинсон, который был его внуком, говорит о нем [*History, ii., 21*] как о "бостонском купце первого ранга", "который принимал большое участие в управлении делами с 1689 по 1692 год". В последнем году он был возведен в Совет, будучи назван таковым в новом Уставе; и занимал свое место, ежегодно избираясь, до конца жизни, в 1710 году. По всей видимости, он принадлежал к церкви Мазеров, поскольку отец и сын проповедовали и напечатали проповедь по случаю его смерти.

Автограф письма Коттона Мэзера о колдовстве, представленного Литературно-историческому обществу достопочтенным верховным судьей Сьюэллом. [3]

17^(th) 6^(m), 1692.

"Sr:

"Вы хотели бы знать, сохраняю ли я свое мнение об ужасном колдовстве среди нас, и я признаю, что сохраняю.

"Я все еще думаю, что когда против человека нет никаких других доказательств, кроме этого, что призрак в его облике поразил соседа, этих доказательств недостаточно, чтобы обвинить его в колдовстве.

"В том, что Дивеллы обладают природной силой, ^{которая} делает их способными принимать любую форму, полагаю, никто не сомневается, и у меня нет абсолютного обещания от Бога, что они не будут принимать мою.

"По общему мнению всех протестантских писателей, Дивел может таким образом злоупотреблять своей невинностью, да, впрочем это исповедуют и некоторые паписты. И о^рдостопочтенные судьи настолько известны своей справедливостью, мудростью и добротой, что, какими бы ни были их особые чувства, они не будут капитально выступать против любого, по принципу, оспариваемому с большими шансами на другой стороне в вашем ученом и благочестивом мире.

"Тем не менее, очень полезно использовать спектральное впечатление на страдальцев. Они справедливо вводят и определяют расследование обстоятельств обвиняемого и укрепляют другие предположения".

"Когда этими вещами так много пользуются, я полагаю, ^{что} ими пользуются для того, для чего Великий Бог предназначил их. И, соответственно вы видите, что ваши преуспевающие судьи имели такое ободряющее присутствие Бога с ними, что едва ли кто-либо, если вообще кто-либо, был судим перед ними, против кого Бог странным образом не послал других, более гуманных и наиболее убедительных Свидетельств.

"Если были осуждены какие-либо лица, в отношении которых кто-либо из судей не уверен, что доказательства против них были удовлетворительными, то, несомненно, было бы во славу всего дела дать этому лицу отсрочку.

"Все было бы проще, если бы за людей, обвиненных только ^{вашими} невидимыми мучителями бедных страдальцев, хотя бы брали залог, и не было бы никаких дополнительных оснований для подозрений против них".

"Странные эффекты, производимые на страдальцев взглядом или прикосновением обвиняемых, - это то, что может так же сильно действовать на безобидных людей, как и изображение их фигур".

"Мое представление об этих делах таково. Подозреваемый и незаконный союз со знакомым духом - это то, о чем идет речь. Общение со стороны *Разводящего* может быть доказано, в то время как, насколько я могу судить, человек может быть невиновен; Разводящий может нагло навязывать свой союз тем, кто не заботится о его компании. Но если союз с вашей стороны будет доказан, то дело сделано.

"Я подозреваю, что Дивел может в тот или иной момент сослужить нам хорошую службу своим постоянством в одном и том же деле. Мы можем обнаружить, что Дивел использует один постоянный курс в девятнадцати различных действиях, и все же в конце концов он окажется слишком трудным для нас, если мы из этого сделаем правило для формирования непогрешимого суждения о двадцатом. К большому счастью, нам достались судьи, которые осознают эту опасность.

"Со своей стороны, если Святой Бог допустит, чтобы меня постигло такое ужасное несчастье, как то, что призрак в моем облике будет так беспокоить моих соседей, что они не смогут иметь покоя, хотя против меня не будет других доказательств, я должен очень терпеливо

подчиниться решению суда *транспорта*, и все разумные люди будут считать, что в таком решении должны действовать наши судьи, как они являются отцами общества. А что, если бы подобное было предписано для тех, чья вина более сомнительна и неопределенна, чье присутствие увековечивает страдания других страдальцев? Они очистили ^{бы} вашу землю от колдовства, а также предотвратили бы пролитие невинной крови, опасности которого так опасаются некоторые. Если судьи захотят получить какое-нибудь доброе дно, чтобы действовать таким образом, вы знаете, что, кроме обычной власти правительства, чтобы расслабить многие смертные приговоры, общий суд может скоро предоставить закон.

"С^р,

"Вы видите бессвязность моих мыслей, но я надеюсь, что вы также найдете в них некоторую разумность".

"В 1645 году огромное количество людей в графстве *Саффолк* были задержаны как виновные в колдовстве; некоторые признались в этом. Парламент предоставил специальную комиссию *Oyer & Terminer* для суда над этими ведьмами; в комиссии были знаменитые божества или двое, особенно *MrFariclough*. Этот выдающийся человек прочел две проповеди в суде, прежде чем впервые занял скамью подсудимых: В них он сначала доказывал существование ведьм, а потом показывал злобу стремления осудить кого-либо на основании ложных улик. Проповедь имела эффект, что никто не был осужден, кто мог бы быть спасен ^{без} явного нарушения закона; и затем, хотя 'twas возможно, что некоторые виновные сбежали, все же неприятности тех мест, я думаю, были устранены.

"О^рслучай необычный. И потому вы и другие простите мне мою необычайную вольность обратиться к вам по этому случаю. Но, в конце концов, я умоляю Вас, что бы Вы ни сделали, Вы укрепите руки ^{наших}достопочтенных судей в ^{их}великом деле, стоящем перед Вами. Это люди, к которым никто из живущих не питает большего почтения, чем

"С^р,

Ваш слуга
С. Мазер.

"Для достопочтенного Джона Фостера, эсквайра".

Это письмо, на мой взгляд, должно рассматриваться как окончательное решение вопроса. Оно было написано за два дня до казни Берроуза, Проктора и других. Оно полностью опровергает утверждения "Рецензента" о том, что Мэтер "осуждал" "принятие" показаний призраков, и доказывает истинность позиции, занятой в этой статье, согласно которой он полностью одобрял их принятие как дающих повод для расследования и оснований для предположений, достаточных, если они подкреплены другими доказательствами, для вынесения приговора. Предложения, выделенные мною курсивом, не оставляют места для дальнейших дискуссий. Язык, в котором говорится о судьях и их ведении процесса, не мог быть более сильным. Ссылка на курс, принятый в Англии в 1645 году, проливает свет на высказанные мною предположения о том, что Мазер считал, что один или несколько министров - "знаменитый бог или два" - должны были быть связаны "властью" с Судом судей и терминаторов при рассмотрении дел. Выброшенная идея о транспорте вряд ли могла не показаться здравомыслящему человеку совершенно неосуществимой. Ни один осужденный или арестованный за преступление колдовства не мог быть отправлен в любую другую часть британских владений. Судно, на борту которого находились бы люди с таким клеймом, повсюду отталкивали бы с такой же яростью и паникой, как если бы оно было нагружено желтой лихорадкой, оспой или чумой. Если бы несчастные существа, которых она несла под

своими люками, были высажены в любой другой части тогдашнего христианского или цивилизованного мира, заклеянные обвинением в колдовстве, они бы встретились с палкой или фаготом; и едва ли им было бы лучше, если бы их выбросило на какой-нибудь дикарский берег.

Мы видели, как наш обозреватель *творит* историю, а теперь давайте посмотрим, как он ее *творит*.

Роберт Калеф в своей книге "*Больше чудес невидимого мира*", часть V., под заголовком "Беспристрастное изложение наиболее памятных фактов, касающихся предполагаемого колдовства в Новой Англии" [стр. 103] пишет: "Мистера Берроуза везли в повозке вместе с другими по улицам Салема на казнь. Когда он оказался на лестнице, то произнес речь в подтверждение своей невинности с такими торжественными и серьезными выражениями, что вызвал восхищение всех присутствующих; его молитва (которую он завершил повторением молитвы Господней) была так хорошо сформулирована и произнесена с такой собранностью и таким (по крайней мере, кажущимся) пылом духа, что произвела большое впечатление и вызвала слезы у многих, так что некоторым показалось, что зрители будут препятствовать казни. По словам обвинителей, чернокожий стоял и диктовал ему. Как только его отпустили, мистер Коттон Мазер, сев на лошадь, обратился к народу, отчасти чтобы заявить, что он (Берроуз) не был рукоположенным священником, а отчасти чтобы убедить людей в его виновности, сказав, что дьявол часто превращается в ангела света; это несколько успокоило людей, и казнь продолжилась. Когда его зарубили, его потащили за недоуздок к яме, или могиле, между скалами, глубиной около двух футов; с него сняли рубашку и бриджи, а на нижние части надели старую пару брюк одного казненного; его так положили вместе с Уиллардом и Каррьером, что одна из его рук, подбородок и ступня одного из них остались непокрытыми".

Рецензент обязуется отменить это утверждение, полностью стереть его из протокола, вычеркнуть из веры и памяти человечества. Но это невозможно сделать, кроме как произвольным процессом, который сотрет все факты всей истории и оставит все прошлое совершенно пустым. Если какая-либо запись и прошла через последнее испытание, то эта. Она не поддается опровержению, и никакая сила на земле не сможет разрушить прочный фундамент, на котором она стоит. Она состоит из четких, ясно изложенных утверждений, которые в целом или по отдельности, если бы они не были правдивы и известны как истинные, могли бы быть опровергнуты или поставлены под сомнение в то время. Не оспоренное и не оспариваемое, оно никогда не может быть таковым. Если оно не соответствует действительности, насколько это касается Коттона Мазера, то сотни, а то и тысячи людей были под рукой, которые могли бы опровергнуть его. Чтобы признать его недействительным, были бы получены бесчисленные свидетельства, подобные свидетельству Джона Гудвина. Состоящий из подробных спецификаций, если бы в нем была хоть одна мельчайшая деталь, способная вызвать противоречие, она была бы схвачена и использована с величайшей готовностью, чтобы разрушить силу заявления. Она была напечатана в Лондоне в 1700 году в аккредитованном там томе и сразу же поступила в обращение здесь, за двадцать восемь лет до смерти Мазера. У него была копия этой книги, ныне хранящаяся в Массачусетском историческом обществе, и он написал на внутренней стороне обложки: "Я желаю, чтобы мой противник написал книгу" и т. д. Его отец, президент Гарвардского университета, тоже имел экземпляр; книга была сожжена на площади Колледжа. Все способствовало тому, чтобы привлечь к ней всеобщее внимание. Ее автор был известен, его имя было напечатано на титульном листе; он жил в одном городе с Мазером и был во всех отношениях ответственным человеком.

Ни в то время, ни до сих пор не было предпринято ни одной попытки опровергнуть это утверждение или опровергнуть какие-либо его характеристики.

Давайте посмотрим, как рецензент пытается его опровергнуть. Что касается того, что Мазер был верхом на лошади, то аргумент, похоже, сводится к тому, что в то время было принято путешествовать именно так!

Обращение к народу с призывом не обращать внимания на спокойное, благочестивое и всепрощающее поведение страдальцев, потому что дьявол часто предстает в образе Ангела света, странно звучит от человека, который сопровождал узников как их "духовный утешитель и друг". Это было странное завершение его услуг по утешению и пастырскому служению - провозгласить толпе, что истинно христианские высказывания подопечных были дьявольским притворством. Можно было подумать, что если бы он сопровождал их в таком качестве, то сошел бы с места, прежде чем подняться на холм, и нежно ждал бы их бок о бок, держа их за руку и поддерживая, пока они приближались к роковой лестнице; и что его последние благословения, обращенные к их отлетающим душам, были бы написаны на несколько ином языке. Впрочем, этот язык был вполне естественным, если верить, как и он, что все они виновны в непростительном грехе, причем в самой черной его краске; что, упорно отказываясь исповедоваться, они - отступники, опустившиеся гораздо ниже обычного уровня человеческих преступлений, за гранью сочувствия и молитвы, враги Бога, в союзе с дьяволом и огненное пятно ада. Во все это он верил. Конечно, он не мог молиться вместе с ними, и вряд ли можно было ожидать, что он будет молиться за них. Слова, приписываемые ему Калефом, выражали его честные убеждения; они несут на себе печать достоверности; их не опровергали и не отреклись от них тогда; их нельзя опровергнуть и сейчас.

Если эти страдальцы, в свой предсмертный час облакавшиеся в блистательный облик веры, прощения и благочестия, на самом деле были "дьяволом, явившимся в облике Ангела Света", то никто, кроме "Рецензента", не виноват в том, что Мазер был его "духовным советником и консультантом".

Рецензент утверждает, что лошадь, на которой Мазер ездил в тот раз, "уже почти два века топчет историю. Пришло время обуздать его". Не будучи обузданным Мазепой, рецензент напрасно пытается это сделать. Мазеппа на своем диком коне был не более бессилён. Человек на коне", описанный Калефом, будет топтаться на месте все грядущие века, как и "почти два века", которые прошли.

Чтобы дискредитировать другую часть утверждения Калефа, рецензент цитирует *"Описание и историю Салема"* преподобного Уильяма Бентли в шестом томе первой серии *"Массачусетских исторических сборников"*, напечатанном в 1800 году, приводя следующий отрывок: "Говорили, что тела не были похоронены должным образом; но при осмотре земли было обнаружено, что могилы имеют обычную глубину, и остатки тел и дерева, в которых они были погребены".

В то время, когда это было написано, существовала соответствующая традиция. Однако известно, что в начале этого века было проведено обследование места, указанного в предании, на которое опирался Бентли, и не было найдено ничего, что бы его подтверждало. Очевидно, что это предание было в какой-то степени неверным, поскольку совершенно точно, что три, а возможно, и большинство тел были найдены их друзьями в то время; но главным образом потому, что на достаточных основаниях считается, что место, указанное в предании, которое дошло до доктора Бентли, в 1692 году было покрыто первозданным лесом. Конечно, проход через лес к месту, даже сейчас, после полного удаления деревьев с

холма и со всех его сторон, столь труднодоступному, не представлялся бы; нельзя также предположить, что для места казни была бы тщательно подготовлена открытая площадка посреди леса, полностью закрытая от наблюдения окружающими деревьями с их густой листвой в то время года. Если бы целью было уединение, можно было бы найти лесистое место поблизости, на ровной местности, в любом районе города. Но искали не уединенное, а заметное место; не только возвышенность, но и открытый театр для благоговейного зрелища, демонстрирующего всему народу и миру - если воспользоваться языком Мазера, использованным в *"Совете министров"* и в одном из его писем Ричардсу, - "успех" суда в "уничтожении этого ужасного колдовства".

Еще одно предание, переданное через семью, с тех пор проживающую на том же месте, по соседству, и благодаря долголетию ее сменявших друг друга глав, прошедшее через немногие воспоминания и по этой причине заслуживающее доверия, гласит, что ее представитель в то время оказал помощь в переносе тел жертв ночью и тайно, через реку, в лодке. Воспоминания об этой операции сохранились в мельчайших подробностях. Судя по местности, можно с уверенностью сказать, что тела были доставлены к нему с южной оконечности Ведьмино холма. Из недавно обнаруженного письма доктора Холиока, упомянутого в моей книге [*ii.*, 377], следует, что казни должны были происходить именно там. Земля настолько тонкая, разбросанная между выступающими уступами скал, которые, действительно, покрывают большую часть поверхности, что там, вероятно, никогда не росло много деревьев; а голая, возвышенная платформа обеспечивала заметное место и пространство для проведения казней. Эти выводы, к которым привели недавние открытия и исследования, замечательно подтверждают заявления Калефа. Из *"Возвращения шерифа Корвина"* мы знаем, что первая жертва была похоронена "на том месте", где ее казнили; можно предположить, что так же поступили и все остальные. Почва здесь неглубокая, рядом с обрывом и между расщелинами скалы.

Рецензент желает знать, на каком основании я утверждаю, что земля, где был похоронен Берроуз, "была растоптана толпой". Я полагаю, что когда менее чем через пять недель после этого на этом месте были повешены еще восемь человек, принадлежавших к уважаемым семьям из нынешних Пибоди, Марблхеда, Топсфилда, Роули и Андовера, а также Салема, и вновь было представлено зрелище, на которое стекались толпы со всех сторон и к которому, должно быть, были привлечены многие особо заинтересованные лица, помимо жителей окрестностей, особенно если среди толпы были люди "на лошадях", земля должна была быть значительно истоптана. Бедняга Берроуз был внезапно оторван от своей семьи и дома на расстоянии более ста миль; здесь не было ближайших родственников, которые могли бы забрать его останки; поэтому вполне вероятно, что они были оставлены там, где их бросили, у подножия виселицы.

Есть один момент, по которому обозреватель уверен, что "разрушил" Калефа. Последний говорит о том, что жертвы были повешены одна за другой. Рецензент утверждает, что способ казни заключался в том, что их "вздергивали сразу", и далее использует такой аргумент: "Калеф сам предоставляет нам доказательства того, что такова была практика в Салеме, где восемь человек были повешены тридцать шесть дней спустя. Он говорит: "После казни мистер Нойес, повернув его к телам, сказал: "Как печально видеть восемь адских пламенников, висящих там"".

Аргумент таков: после казни восемь человек висели там вместе, следовательно, они должны были быть сброшены в один и тот же момент!

Это своего рода рассуждения, которыми, если воспользоваться выражением Мазера, описывающего дьявольские ужасы, смертные суды и приговоры к смерти, нас "развлекает" рецензент. Правда в том, что мы не имеем никакого конкретного представления о механизме или его действиях во время этих казней. Говорят о "недоуздке", "лестнице", "виселице", "палаче". Выражение, используемое для финального акта, - "выключить". Нет ни тени доказательств, которые бы противоречили Калефу. Вероятность говорит против предположения о наличии сооружения такого масштаба, чтобы в нем могли одновременно находиться восемь человек. Ветви больших деревьев на границах поляны могли служить для этой цели, а лестница, соединенная с простым каркасом, могла бы переходить от дерева к дереву.

За тридцать лет до этого в Англии казнили Регицидов тем способом, который, по мнению Калефа, использовался здесь. Хью Питерса везли на казнь вместе с судьей Куком. Последний страдал первым; и когда Питерс поднялся по лестнице, повернувшись к служителю закона, он произнес эти памятные слова, демонстрирующие состояние способностей, величие осанки, силу и красоту языка и иллюстраций, учитывая все обстоятельства, не превзойденные в истории христианского героизма или истинного красноречия: "Господин, вы убили одного из слуг Божьих на моих глазах и заставили меня видеть это, чтобы устроить и обескуражить меня; но Бог сделал это для меня указом, чтобы укрепить и ободрить меня".

Пока шли судебные процессы, Мазер использовал свою кафедру, чтобы воздействовать на общественное сознание, уже доведенное до бешенства, и довести его до еще больших высот фанатизма, изображая в своем особом стиле разгорающуюся битву между Церковью и дьяволом. За день до того, как Берроуз, которого считали главой Церкви и генералом сил Сатаны, предстал перед судом, Мазер прочитал проповедь на основе текста *Откр.*, xii, 12. "Горе жителям земли и моря, ибо дьявол сошел к вам, имея великую ярость, потому что знает, что ему осталось недолго". Она густо перемежается с такими отрывками, как: "Теперь, наконец, дьяволы, (если можно так выразиться), *лично спустились* на нас, с таким гневом, который справедливо является *большим*, и быстро станет *большим*, изумлением мира." "Мало места для надежды, что великий гнев дьявола не станет гибелью для нашей бедной Новой Англии, в частности. Я полагаю, что никогда не было бедной плантации, более преследуемой гневом дьявола, чем наша бедная Новая Англия". "Можно с уверенностью сказать: *"Это час и власть тьмы"*. Но, хотя гнев так велик, время его коротко: когда мы озадачены гневом дьявола, слово нашего Бога в то же время обращено к нам, как в *Рим*, xvi, 20. *"Бог мира сокрушит сатану под ногами вашими вскоре"*. Скоро, говоришь ты, дорогой Господь? О радостное слово! Аминь, даже так, приди, Господи! Господь Иисус, приди скорее! Мы никогда не избавимся от этого беспокойного дьявола, пока Ты не придешь, чтобы заковать его в цепи" - Чудеса и т. д.

В проповеди много говорится о грехах народа в целом, есть и намеки на трудности, связанные с дьявольскими явлениями; но колдовство в Салеме изображено в красках, которые не смог бы применить никто, кроме глубоко верующего во все, что там было изложено; Весь набор идей и увещаний рассчитан на то, чтобы разжечь воображение и страсти людей; и завершается книга "Назидательным и необходимым обращением к стране, которая сейчас необычайно ожесточена гневом дьявола". В этом обращении он подробно останавливается на ужасном колдовстве в деревне Салем. "Таков, - говорит он, - дьявол, обрушившийся на нас в наши дни, что я могу с уверенностью сказать вам: стены всего мира разрушены". Он подробно перечисляет, как несомненную правду, все, что было сказано "страдающими детьми" и "исповедующимися ведьмами". О признанных ведьмах он говорит

следующее: "У каждой из них есть свои призраки или дьяволы, заказанные ими и представляющие их, чтобы быть двигателями их злобы". По страницам книги разбросаны такие выражения, как "злые призраки", "дьявольские призраки", "владельцы призраков", "руки призрака", "спектральная книга" и т. д.

И все же рецензент утверждает, что Мазер был против спектральных доказательств и осуждал их! В течение всего периода, пока шли суды и казни, он больше, чем кто-либо другой, поддерживал их в народной вере.

Он прочел еще одну проповедь в том же духе, озаглавленную "*Обнаруженный дьявол*".

После того как закончились процессы в Специальном суде и этому органу было запрещено собираться в тот день, на который он был отложен, он направил Джону Ричардсу, одному из его членов, еще одно письмо, датированное "14 декабря 1692 года", которое можно найти в *Mather Papers*, р. 397. Это характерный документ, в некоторых отношениях заслуживающий одобрения. Его цель - склонить Ричардса к согласию на меру, которую он хотел ввести в свое пасторское управление и к которой Ричардс и еще один член его Церкви проявили неприятие. Коттон Мазер опережал свое время в либеральности взглядов на деноминационные вопросы. Он хотел открыть двери для таинств, особенно для крещения, шире, чем это было принято. Он настаивает на своих чувствах Ричардсу в серьезных и подходящих тонах, но также прибегает к льстивым и, можно сказать, уговаривающим тонам. Он называет его "мой вечно уважаемый Ричардс", "дорогой сэр", "мой дорогой майор" и напоминает ему о публичной и постоянной поддержке, которую тот оказывал его официальному поведению: "Я засвидетельствовал свое неизменное почтение перед всем миром". В этом письме он упоминает о судебном процессе по делу о колдовстве в Салеме и выражает безоговорочное одобрение и высокие похвалы участию Ричардса в этом процессе в качестве одного из судей. "Бог более чем обычно использовал вашу почтенную руку" в "уничтожении" "этого ужасного колдовства", в которое "дьяволы вовлекали стольких наших несчастных соседей". Такая формулировка вряд ли соответствует серьезному, существенному, значительному или вообще какому-либо неодобрению деятельности суда.

ССЫЛКИ:

[3] *Transactions of the Literary and Historical Society of Quebec-Octavo*, Quebec, 1831-ii., 313-316.

XI.

ПИСЬМО СТИВЕНУ СТИВАЛЛУ. "ЧУДЕСА НЕВИДИМОГО МИРА". ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЗАМЫСЛ. РАССКАЗ ХЛОПКА МАЗЕРА ОБ ИСПЫТАНИЯХ.

Теперь я перехожу к рассмотрению вопросов, представляющих интерес и важность не только как иллюстрация роли, сыгранной Мазером в деле о колдовстве, но и как относящихся к общественной истории провинции Массачусетский залив в то время.

Читателю предлагается внимательно изучить следующее письмо, адресованное Коттоном Мазером Стивену Сьюоллу, секретарю суда в Салеме.

"Бостон, 20 сентября 1692 года.

"Мой дорогой и очень любезный Стивен,

"Мне выпало счастье постоянно * * * сталкиваться со всевозможными возражениями и возражателями против работы, которая сейчас ведется в Салеме, и еще больше мне выпало счастье совершить небольшую службу для Бога и вас, в моих встречах.

"Но, дабы быть более способным оказать помощь в поднятии штандарта против адского врага, я должен возобновить мою самую настоятельную просьбу, чтобы вы поскорее исполнили то, что вы любезно обещали, дав мне описание показаний, данных на процессах полудюжины, или, если угодно, дюжины, главных ведьм, которые были осуждены. Я знаю, что это потребует от вас некоторого времени; но когда вы осознаете пользу, которая последует за этим, я знаю, что вы не будете думать об этой цене, и моя собственная готовность подвергнуть себя до предела ради защиты моих друзей с вами, заставляет меня осмелиться заявить о каких-то достоинствах, которые должны быть рассмотрены.

"Я буду доволен, если вы составите желаемое изложение в письме ко мне, или, по крайней мере, пусть оно не приходит без письма, в котором вы, если сможете, еще раз расскажете о том, что вы мне иногда говорили, о трепете, который испытывают сердца ваших присяжных по отношению * * * к достоверности призрачных доказательств.

"Прошу также * * * некоторые из ваших наблюдений об исповедниках и достоверности того, что они утверждают; или о вещах, явно сверхъестественных в колдовстве, и обо всем остальном, что вы можете счесть развлечением для любознательного человека, который всецело любит вас и Салем. Хотя я никогда не откажусь от характера, о котором говорил в последних словах, но я хочу, чтобы, когда вы будете писать, вы представляли меня таким же упрямым саддукеем и защитником ведьм, как любой из нас: обращайтесь ко мне как к тому, кто не верит ничему разумному; и когда вы свалите с меня призрак, столь на меня не похожий, вы позволите мне разбрасывать его среди моих соседей, пока он не придет, не знаю куда, наконец.

"Но уверяю вас, как я не стану умышленно делать то, что вы пишете, вредным для какого-либо достойного замысла, который могут иметь в виду эти два превосходных человека, мистер Хейл и мистер Нойес, так и вы увидите, что я буду таким,

"Сэр, ваш благодарный друг,
С. Мазер".

"P. S. Что очень усиливает очарование просьбы, с которой к вам обращается это письмо, так это то, что его превосходительство, губернатор, положительно приказал мне желать этой услуги от вас; и правда, есть некоторые его обстоятельства в отношении этого дела, о которых мне не нужно упоминать, которые требуют ускорения вашей доброты, *доброты*, я говорю, ибо таковой она будет считаться, как и у него, так и у вашего слуги, К. Матера."

Пункт, по которому рецензент выдвигает возражение против утверждения в моей книге, касающегося этого письма, - это вопрос о предшествующем слове "it" в выражении "box it about". Я высказал мнение, что оно относится к документу, который просил прислать Сьюолл. Рецензент говорит, что это относится к "призраку" в предыдущей строке, или, как он выражается, "падшему призраку саддукейства". Каждый может судить об этом сам, ознакомившись с отрывком. В конце концов, это просто спор о словах, поскольку смысл остается практически тем же. Действительно, то, что он приводит, больше соответствует моей цели. Пусть будет так: Мазер хотел получить этот документ и намеревался использовать его, чтобы сломить всех противников работы, которая велась в то время в Салеме. Всех, кто не одобрял подобные действия или высказывал сомнения относительно распространенных представлений о колдовстве, называли "саддукеями и сторонниками ведьм". Эти термины

Мазер использовал во всех случаях, как знаки порицания, чтобы заклеить и сделать одиозными таких людей. Если их удастся заставить замолчать, то демонстрации и преследования колдовства можно будет продолжать без помех и ограничений, пока они не "придут", никто не мог сказать, "куда, наконец". "Падший призрак саддукейства" должен был стать трофеем победы Мазера, а письмо Сьюолла - оружием, чтобы свалить его.

Каждый из параграфов этого письма показывает, какое положение занимал Мазер и какую роль он играл в сделках в Салеме. До этого времени мистер Хейл активно сотрудничал с Нойесом и Пэррисом; письмо показывает, что Мазер симпатизировал им и участвовал в их "замыслах". Каждый человек, обладающий благородными чувствами, может сам судить о предложении Сьюоллу стать соучастником ложного представления общественности, обращаясь к Матеру "в образе, столь не похожем на него", то есть в образе, который, как он, Сьюолл, знал, так же как и Матер, полностью противоречил истине. Как ни был слеп, активен и ревностен секретарь суда в проведении судебного преследования, отродно находить основания для вывода, что он не настолько потерял самоуважение, чтобы выполнить иезуитскую просьбу или поддаться какому-либо ложному попустительству.

Письмо было написано в самый разгар ярости заблуждения, сразу после заседания суда, на котором были осуждены все приговоренные, восемь из которых пострадали через два дня после его написания. Еще несколько человек были приговорены к смерти. Письмо было повторением "самой настойчивой просьбы".

Я привожу его здесь, на этом этапе рассмотрения темы, в частности, из-за постскриптума. Все привыкли считать, что "Его Превосходительство губернатор", который отдал Мазеру столь "решительный приказ" получить от Сьюолла нужный документ, был сэр Уильям Фипс. Заявленная цель Мазера, искавшего документ, заключалась в том, чтобы пустить его в оборот - "разложить по ящикам" - и тем самым произвести эффект, направленный на уничтожение саддукейства или всей дальнейшей оппозиции преследованиям за колдовство. Он, несомненно, намеревался включить ее в свою книгу "*Чудеса невидимого мира*", напечатанную в следующем году в Лондоне. Он всегда заявлял, что написал эту книгу в соответствии с приказами, отданными ему "Его Превосходительством, губернатором". На одном из изданий книги, размещенных на сайте, напечатано: "Издано по особому распоряжению его превосходительства, губернатора провинции Массачусетский залив в Новой Англии".

Шестнадцатого сентября сэр Уильям Фипс уведомил Совет о своем отплытии на восток, и заседание этого органа было перенесено на четырнадцатое октября. Учитывая его привычную оперативность и неотложные дела в районе Кеннебека, можно предположить, что он уехал немедленно; а поскольку ожидалось, что его отсутствие будет более длительным, чем обычно, в этом можно не сомневаться, поскольку первого августа он официально, письменным документом, передал управление Стоутону. Во всяком случае, пока он находился вдали от своей провинции, заместитель неизбежно принимал на себя исполнительные функции.

В дневнике Сьюолла мы находим следующее: "21 сентября. В город отправлено прошение от имени Доркас Хоар, которая сейчас исповедуется. Соответственно, шерифу отправлен приказ не казнить ее, несмотря на то, что она находится в ордере на завтрашнюю смерть. Это первая осужденная, которая призналась".

Предоставление этой отсрочки было исполнительным актом, который, как представляется, должен был относиться к функциям лица, занимающего должность губернатора; а поскольку Фипс отсутствовал, его мог выполнить только Стоутон, и, следовательно, это показывает, что

в то время он исполнял обязанности губернатора. По обычаю и этикету к нему обращались "Его превосходительство". На следующий день были казнены восемь человек, четверо из которых были приговорены девятого сентября, а четверо - семнадцатого, то есть в субботу. Все восемь были включены, как следует из вышеприведенной записи и известно из других источников, в один и тот же ордер, который, следовательно, не мог быть составлен ранее девятнадцатого числа. На следующий день Мазер написал письмо Сьюоллу; в постскриптуме к нему, возможно, содержатся слова, относящиеся к Стоутону; в частности, вот эта фраза: "Есть некоторые его обстоятельства, связанные с этим делом". Поскольку Фипс с самого начала оставил все разбирательства на усмотрение главного судьи, который председательствовал на всех процессах и, по всеобщему признанию, нес особую ответственность за все разбирательства и результаты, слова Мазера гораздо более применимы к Стоутону, чем к Фипсу.

Получив от Мазера эти "настоятельные просьбы", предлагающие такую форму ответа, которая должна была быть использована таким образом, Сьюолл счел за лучшее принять курс, указанный в следующей записи в дневнике его брата, судьи: "Четверг, 22 сентября 1692 года. Уильям Стоутон, эсквайр, Джон Хаторн, эсквайр, мистер Коттон Мазер и капитан Джон Хиггинсон с моим братом Сент были у нас дома, говорили о публикации некоторых процессов над ведьмами".

Оказывается, Стивен Сьюолл, вместо того чтобы ответить на письмо Мазера письменно, отправился прямо в Бостон в сопровождении Хаторна и Хиггинсона и встретился с Мазером и Стоутоном в доме судьи. Другого министра там не было, а судья Сьюолл не был прихожанином Мазера. Там все и обсудили. Проект, который обдумывал Мазер, созрел; он договорился со Стивеном Сьюоллом, у которого они находились под стражей, чтобы тот прислал Мазеру протоколы судебных заседаний; И, таким образом, он без промедления приступил к подготовке к печати книги *"Чудеса невидимого мира"*, которая должна была отправить в тень "саддукейство", искоренить "сторонников ведьм" и оставить путь для неопределенного продолжения преследований, пока, как выразился Стоутон, "земля не будет очищена" от всех ведьм.

Присутствие вице-губернатора на этой частной конференции показывает, какую заметную роль он играл в движении, и подтверждает, что, судя по датам, именно "его превосходительство, губернатор" упоминается в документах, связанных с этой сделкой. Заметим, кстати, что в документах всегда упоминается официальное лицо и титул, а не имя человека, будь то Фипс или Стоутон.

Теперь я приступаю к изучению книги, написанной и представленной в этих обстоятельствах и с этой целью. В ней содержится многое, чем я воспользуюсь, чтобы проиллюстрировать положение и взгляды Мазера в то время. Я сожалею о том, что эта статья получилась такой длинной из-за принятого мною метода полного цитирования документов; но представляется необходимым, чтобы удовлетворить интерес, пробужденный к этой теме статьей в *"Североамериканском обозрении"*, сделать исследование настолько тщательным, насколько это возможно.

Лишь часть работы посвящена главной цели, ради которой она якобы и затевалась. На ней я и остановлюсь в первую очередь. Она начинается следующим образом: "Я не стану больше отвлекать читателя от ожидаемого развлечения кратким рассказом о судебных процессах, которые прошли над некоторыми из злоумышленников, недавно казненных в Салеме за

колдовство, в котором они были осуждены. Со своей стороны, я не присутствовал ни на одном из них; я никогда не испытывал никаких личных предубеждений к тем, кого привлекли к суду; тем более к оставшимся в живых родственникам этих людей, по которым я скорбел бы так же искренне, как по любому человеку, живущему на свете: *Да утешит их Господь!* Но, получив повеление, я не могу поступить иначе, как кратко изложить главные *факты, имевшие* место в процессах над некоторыми казненными; в сокращении, собранном из *судебных документов*, по этому случаю попавших в мои руки. Вы должны принять *правду* такой, какой она была" - Чудеса невидимого мира, с. 54.

Он выделяет пять дел и заявляет: "Я сообщаю об этом не как *адвокат*, а как *историк*".

После того как в предисловии к своему рассказу он приводит *современный пример ведьм, обнаруженных и осужденных на процессе перед знаменитым судьей, сэром Мэтью Хейлом*, он переходит к процессу над Джорджем Берроузом. Он без утайки излагает призрачные доказательства, данные в этом, как и во всех других случаях, и без малейшего намека на возражения с его стороны или со стороны кого-либо еще, чтобы они были *приняты*, как "с другими вещами, чтобы сделать их достоверными", достаточными для вынесения приговора. Любой, кто прочтет его рассказ и одновременно изучит представленные документы, сможет оценить, насколько он был оправдан, говоря, что излагал его в духе историка, а не адвоката.

Давайте сначала посмотрим, что представляли собой "судебные бумаги, переданные ему в руки"; в том виде, в каком мы находим их в деле.

"Показания Саймона Уилларда, в возрасте около 42 лет, гласят: Я находился в Сако в 1689 году в составе гарнизона капитана Эд. Сарджента, говорили о большой силе мистера Джорджа Берроуза, утверждая, что он может в одиночку вытащить бочку патоки из каноэ или лодки; и что он может взять ее в руки или на руки из каноэ или лодки, нести ее и поставить на берег; и мистер. Берроуз, который был там, сказал, что он нес одну бочку патоки или сидра из каноэ, и это ему очень не понравилось; мистер Берроуз намекнул, что у него не было сил это сделать, но берег был настолько неудобен, что, поскользнувшись на песке, он хотел прячь ногу".

Уиллард не был уверен, сказал ли Берроуз, что это была патока или сидр. Джон Браун дал показания о "бочке сидра". Берроуз отрицал это заявление в отношении патоки, тем самым косвенно признавая, что он нес бочку сидра.

Сэмюэл Уэббер свидетельствовал, что за семь или восемь лет до этого Берроуз сказал ему, что, просунув пальцы в горлышко бочки с патокой, он поднял ее, "пронес вокруг себя и снова опустил".

Пэррис в своих записях об этом процессе, которых нет в деле, говорит, что "*капитан Вормвуд* дал показания о пистолете и патоке". Но в документах, хранящихся в деле, это имя указано как "*капитан Уормолл*", и говорится, что он, говоря о пистолете, "покаялся", что "видел, как Джордж Барроуз поднял его с земли". Его показания, за этим исключением, были лишь подтверждением, в общих чертах, других показаний Саймона Уилларда, о том, что Берроуз, в объяснение одного из рассказов о своей большой силе, показал ему, как он держал пистолет "со стволом около семи футов", взяв его "в руку за замком" и протянув ее; Уиллард далее заявил, что не видел, как он "держал его тогда", и что он, Уиллард, взяв пистолет обеими руками, не смог держать его достаточно долго, чтобы прицелиться. Таким образом, все показания были нечеткими и противоречивыми, почти полностью основаны на слухах и не имели никакой ценности, ни с точки зрения логики, ни с точки зрения закона.

Все, что было действительно доказано, - это то, что признал Берроуз, то есть что касается сидра.

Но в заявлении, сделанном им Уилларду в Сако и подтвержденном последним, он упомянул обстоятельство, а именно напряжение ноги, которое, если оно не соответствует действительности, можно было легко опровергнуть, что свидетельствовало о том, что усилие было сделано, а подвиг совершен в результате естественного проявления мускульной силы. Если бы ему помогала сверхъестественная сила, она была бы предоставлена в достаточном количестве, чтобы предотвратить подобный казус. Чтобы создать впечатление, что демонстрация силы, приписываемая Берроузу, была доказательством дьявольской помощи и свидетельством того, что он виновен в колдовстве, Мазер говорит, что "он был очень тщедушным человеком, но часто совершал вещи, не под силу великану". Ничто не оправдывает применения к нему слова "тщедушный", кроме того, что он был маленького роста. Такие люди часто бывают очень сильными. Еще со времен учебы в колледже Берроуз отличался гимнастическими упражнениями. Повторяю, ничто не оправдывает использование Мазером этого слова в том смысле, который он хотел передать, - о телесной слабости.

Правда в том, что его необычайная мускульная сила, проявившаяся в таких подвигах, как поднятие бочки с сидром, стала темой для разговоров соседей; и, как обычно бывает в таких случаях, мнения расходились: кто-то считал, что это бочка с сидром, а кто-то - с патокой. Среди судебных документов, *помимо письменных доказательств, имеется меморандум по делу мистера Джорджа Барроуза*. В нем есть показания Томаса Эванса о том, "что он выносил из каное бочки с патокой, мясом и т. д., в то время как его товарищ ходил в форт за рабочими руками". Здесь мы видим еще одну вариацию этой истории. Суть ее в том, что, пока приятель считал, что помощь необходима, и отправился за ней, Берроуз решил выполнить работу сам. Если бы заключенному был предоставлен адвокат или судьи проявили бы хоть немного благоразумия, все эти доказательства были бы сведены на нет, как необоснованные и легкомысленные по своему характеру; однако присутствовавший при этом Ингриз Мазер был полностью увлечен ими и заявил, что только на их основании, будь он на скамье или в зале присяжных, он бы осудил заключенного.

Однако весьма сомнительно, что приведенные выше показания Эванса были даны на суде; ведь в следующем пункте того же параграфа содержится признание Сары Уилсон, что: "В ночь перед казнью мистера Берроуза было большое собрание ведьм возле сержанта Чандлерса, и мистер Берроуз был там, и они приняли таинство, а после того, как они сделали это, он ушел, и сказал им стоять в своей вере и не владеть ничем". Марта Тайлер говорит то же самое, и Сара Уилсон, и некоторые другие".

Свидетельства этих двух ведьм, "и нескольких других", относящиеся к тому, что якобы произошло "в ночь перед казнью мистера Берроуза", не могли быть даны ни на суде, ни после его смерти. И все же, поскольку в материалах этого дела упоминаются еще три ведьмы, признавшие свою вину, Мазер должен был полагаться на этот меморандум, чтобы составить "восьмерку", которая, по его словам, дала показания "в ходе преследования по обвинению" против Берроуза. Хейл, возможно, введенный в заблуждение меморандумом, использует неопределенное выражение "семь или восемь". Мы знаем, что одна из признавшихся ведьм, давшая показания против Берроуза, отказалась от них перед судом, перед тем как его казнили; но Мазер не упоминает об этом факте.

Вернемся к бочке, которую поднял мистер Берроуз. Я изложил суть всех свидетельских показаний, относящихся к этому вопросу. Мазер так характеризует их в своем отчете о суде:

"Кроме того, были приведены доказательства, что он ничего не делал, когда поднимал целые бочки, наполненные патокой или сидром, в очень неудобных местах и переносил их через самые трудные места на каноэ на берег".

Он сделал это заявление, как следует из его сути и фразеологии, на основании показаний Уилларда, которые тогда лежали перед ним. По тому, как он использовал эту часть доказательств, в частности, и все доказательства в целом, читатель может судить, проявил ли он дух историка или адвоката; и есть ли хоть что-то, что оправдывает его выражение "ничего не сделал".

Любой, кто внимательно изучит свидетельства, которые, как ни странно, были допущены к делу о колдовстве, касающиеся якобы имевших место недоразумений между Берроузом и его двумя женами, что привело к отчуждению между ним и некоторыми родственниками последней, увидит, что они представляют собой не более чем скандалы, связанные с грязными приходскими ссорами и неизбежно порожденные в таком состоянии доверчивости и недоброжелательности, как преследования за колдовство. И все же наш "историк" в своем отчете об этом деле говорит: "Теперь Г. Б. был печально известен по всей стране за варварское обращение с двумя своими женами, сменявшими друг друга".

В своей книге, в связи с другим свидетельством в бумагах, которое, как и свидетельство только что упомянутых ведьм, было дано спустя долгое время после казни Берроуза, я выразил удивление, что нарушение правил размещения таких показаний среди документов, относящихся к процессу, ускользнуло от внимания Хатчинсона, выдающегося юриста, каким он был, а также Калефа. Рецензент представляет это замечание как одно из моих "очень серьезных и ничем не подкрепленных обвинений против честности Коттона Мазера". Я ничего не говорил о Мазере в связи с этим вопросом, но выразил резкое неодобрение поведением официальных лиц, обеспечивших дачу показаний, и тех, кто хранил бумаги. Рецензент, вообразив, что мое порицание было направлено против Мазера, и решив защищать его сквозь толщу и грязь, отрицает, что документ, о котором идет речь, был "тайно подсунут". Но он был там, когда бумаги были у Мазера, и он там сейчас, - его дата через месяц после того, как Берроуз лежал в своей каменной могиле. Рецензент утверждает, что если бы я заглянул в конец заметки Мазера об этом документе или обратил внимание на скобки, в которые он заключен, то увидел бы, что Мазер утверждает, что бумага не была использована на суде. Я прямо указал на этот факт и привел объяснение Мазера, "что этот человек был слишком убежден другими, чтобы не участвовать в суде над Джорджем Берроузом". [ii., 300, 303] Я не нашел никаких недостатков у Мазера в связи с этой газетой; и я не несу никакой ответственности за тот клубок, в котором запутался ум рецензента в его стремлении напасть на мою книгу.

Я прошу уделить этому вопросу немного больше внимания, потому что он служит иллюстрацией необычного, но характерного метода Мазера излагать вещи, часто обманывая других, а иногда, возможно, и самого себя. Я цитирую абзац из его отчета о суде над Берроузом в книге *"Чудеса невидимого мира"*, с. 64: "Было два свидетельства, что Г. Б., приложив указательный палец правой руки к дулу тяжелого ружья, фаулинг-ружья со стволом около шести или семи футов, поднял ружье и держал его за конец оружия; ружье, которое обвиняемые, хотя и были сильными людьми, не могли поднять обеими руками и держать за конец приклада, как это обычно делается. Действительно, одного из этих свидетелей некоторые люди уговаривали уйти с дороги во время суда над Г. Б.; но он пришел потом, сожалея о своем уходе, и дал свои показания; ни один из этих свидетелей не был использован в качестве доказательства на суде".

Рецензент утверждает, что Мазер заключил вышеприведенный абзац в "скобки", чтобы уведомить читателя, что свидетельства, о которых идет речь, не были даны на суде. Это правда, что скобки есть в бостонском издании: но они опущены в лондонском издании того же 1693 года. Если здесь сочли целесообразным предотвратить недоразумения или сохранить видимость справедливости, то для английского читателя эта мера предосторожности не была предусмотрена. В результате начальных слов "было два свидетельства" у него сложилось впечатление, что они были даны на суде, и ему не повезло, что это впечатление было устранено последней частью параграфа. Все изложено таким образом, что это вызывает мистику и неясность. Было "два" свидетельства; "одно", как утверждается, не было представлено; и затем, что ни одно из них не было представлено. Читатель, не зная, что из этого делать, не сможет уловить ничего внятного, кроме того, что каким-то образом "были свидетельства", выдвинутые против Берроуза; в то время как ни одно из них не было представлено суду.

Никогда не выходя из себя, чтобы критиковать Коттона Мазера, и не разрывая для этого нить своего повествования, я в своей книге не обращал внимания на этот абзац, как на его отношение к нему, но странное использование его против меня рецензентом заставляет рассмотреть его в деталях.

Какое право имел Мазер вообще вставлять этот абзац в свой отчет о суде над Джорджем Барроузом? В нем говорится о внесудебных и беспричинных заявлениях, не имеющих никакого отношения к процессу, сделанных через месяц после того, как Берроуз вышел из суда и покинул мир, оказавшись вне досягаемости всех трибуналов и всех магистратов. Неправда, что на суде "было два свидетельства" о фактах, которые утверждал Мазер и о которых он один утверждал. То, что в последнем пункте он противоречит тому, что сказал в первом, не является достаточным оправданием. Это был один из писательских приемов Мазера, позволяющий ему защитить себя от ответственности и в то же время произвести впечатление.

Мазер утверждает, что было "два" свидетеля фактов, о которых говорится в этом абзаце. При внимательном изучении документов, имеющихся в деле, выясняется, что был только *один* свидетель, подтверждающий это. Он опирается исключительно на единственное распоряжение Томаса Гринслита от пятнадцатого сентября 1692 года. Депонент упоминает еще двух человек по имени, "и некоторых других, которые умерли", которые были свидетелями этого подвига. Но они не дали никаких показаний, и история с мордобоем, согласно имеющимся документам, основывается только на показаниях Гринслитта. В этом абзаце дается понять, что Гринслитт убрался с дороги во время суда над Берроузом; но есть основания полагать, что он жил далеко на востоке страны, а впоследствии добровольно приехал в Салем из своего далекого дома, чтобы присутствовать на суде над своей матерью. Показания были получены от него в период между осуждением и казнью. Мотивы, которые могли заставить обвинителей счесть важным получить эти показания, и вероятное побуждение, побудившее его дать их, объясняются в моей книге [ii., 298]. Гринслитт утверждает, что "пистолет был с шестифутовым стволом или около того". Мазер сообщает, что он сказал "около шести или семи футов ствол". Рассказ о суде над Берроузом, на протяжении всего времени, обвиняется в крайнем предубеждении против заключенного; а характер доказательств преувеличен.

Один из свидетелей на суде над Бриджет Бишоп рассказал о множестве казусов, таких как поломка колеса его телеги, поломка шестерен и общее разрушение упряжи и транспортного средства, в одном случае; в другом он не смог поднять мешок кукурузы так легко, как обычно; и он приписал все это колдовству Узника. Мазер приводит его показания, заключая их

следующим образом: "О многих других проделках этого епископа этот свидетель готов рассказать". Он одобряет любую вещь, какой бы абсурдной она ни была, особенно если она опирается на призрачные свидетельства, как абсолютные, неоспоримые и доказанные факты.

Ничто не было доказано против морального облика Сюзанны Мартин; и ничто не было предъявлено ей, кроме самых нелепых и постыдных историй о слепом суеверии и злобном легковерии. Однако необычайная проницательность и сила ума, проявленные в ее защите, к вящему смущению магистратов и судей, вызвали их гнев и гнев всех участников обвинения. Мазер заканчивает рассказ о суде над ней такими словами: "Примечание. Эта женщина была одним из самых дерзких, сквернословящих, злобных созданий на свете; и она и сейчас, на протяжении всего процесса, показывала себя таковой. Однако когда ее спросили, что она может сказать в свое оправдание, ее главным аргументом было то, что она вела самую добродетельную и святую жизнь" - Чудеса и т. д., 126.

И он, и все, кто участвовал в доведении этой замечательной женщины до смерти, могли быть в ярости против нее. Она останется в вечной истории как человек, превосходящий их всех по интеллектуальным способностям и полностью опровергнувший всю систему спектральной доктрины, ради которой была принесена в жертву ее жизнь и жизни всех остальных. Обратившись к "страдающим детям", которые поклялись, что ее призрак мучил их, магистрат спросил: "Как получилось, что твое появление причинило им боль?" Она ответила: "Откуда мне знать? Тот, кто явился в облике Самуила, прославленного святого, может явиться в любом облике".

Поистине удивительно, что Мазер выбрал имя Элизабет Хау для того, чтобы подвергнуть ее отвращению и причислить к "злоумышленникам". Это показывает, насколько он был ослеплен и извращен ужасным заблуждением, которое "владело" им. Если ее благочестие и добродетель не заставили его повременить с поруганием ее памяти, выбрав ее случай для включения в "черный список" тех, о ком он сообщал в своих "Чудесах", можно было бы подумать, что он обратит внимание на свидетельства своих собратьев по духовенству и на чувства ее родственников, состоящих из многих самых уважаемых семей. Она была почти связана с почтенным министром Андовера Фрэнсисом Дейном и принадлежала к семейству Джексонов.

Среди бумаг было и есть множество доказательств в ее пользу, самых весомых и решающих, но Мазер не делает на них никаких ссылок; хотя он должен был знать о них, как из внешней информации, так и из документов, имевшихся в его распоряжении. Два самых уважаемых священника в стране, Филлипс и Пейсон из Роули, многие ее соседи, мужчины и женщины, и отец ее мужа, девяносто четырех лет от роду, свидетельствовали о ее выдающихся христианских достоинствах и представляли картину женской мягкости, любви и чистоты, не превзойденную в летописи ее пола. Оба священника разоблачили и осудили нечестивость средств, которые были использованы, чтобы наложить клеймо колдовства на ее доброе имя. Мазер не только утаивает все эти свидетельства, но и с особой горечью говорит об этой прекрасной женщине, снова и снова называя ее в своем рассказе "Эта как".

Есть основания предполагать, что к заключенным применялась большая жестокость, особенно для того, чтобы заставить их признаться. Заявления, сделанные Джоном Проктором в его письме министрам, заслуживают полного доверия, как с точки зрения его неподкупной честности, так и с точки зрения положения тех, кому они адресованы. Невозможно представить, что в день написания письма, двадцать третьего июля, за

двенадцать дней до суда над ним, он сделал бы им такие заявления в письменном виде, если бы они не были правдой. Он утверждает, что к его сыну было применено жестокое насилие, чтобы заставить его признаться. Он также утверждает, что двое детей Марты Кэрриер были "связаны по шее и пяткам, пока кровь не готова была пойти у них из носа". Совершаемые таким образом злодеяния, а также все устрашающие воздействия, оказанные на детей Кэрриера, взяли верх над ними. Некоторые из них были использованы в качестве свидетелей против нее. Маленькую девочку, которой не было восьми лет, заставили поклясться, что она ведьма; что ее мать, когда ей было шесть лет, сделала ее таковой, крестив ее и заставив "положить руку на книгу", и понесла ее, "в ее духе", стращать людей; что ее мать, после того как она оказалась в тюрьме, пришла к ней в виде "черной кошки"; и что кошка сказала ей, что это ее мать. Другой ее ребенок свидетельствовал, что он и еще один, брат, были ведьмами и в виде призрака присутствовали на ведьмовских таинствах, рассказывая, кто там был и где они брали вино. Все это пришлось выслушать матери.

Томас Кэрриер, ее муж, за год или два до этого был вовлечен в спор о границах своих земель, в котором не обошлось без жестких слов. Энергия характера, столь ярко проявленная его женой во время экзамена, сделала ее способной навлечь на себя вражду в ходе соседских разборок. Вся сила злобного суеверия была направлена против нее, и она стала объектом скандала в той форме, которую он тогда принял, - обвинения в том, что она ведьма. Ее министр, мистер Дейн, в сильном и смелом письме, защищая своих прихожан, многие из которых были обвинены, говорит: "Среди некоторых из нас были подозрения в отношении Гудвиф Кэрриер, прежде чем ее задержали, я знаю". Он утверждает, что прожил в Андовере более сорока лет и много общался с людьми "в их жилищах"; что, услышав, что некоторые из его людей склонны предаваться суевериям и внимать подобным сказкам, он прочитал проповедь против всего подобного; и что с тех пор он не знает ни одного человека, который бы поддерживал подобные практики; завершая свое заявление такими словами: "Насколько я понимал, что происходит среди нас, я заявляю, что, по моему мнению, эти сообщения были скандальными и несправедливыми, и они не выдержат света".

Какими бы жестокими ни были бесчинства, связанные с судебными преследованиями в 1692 году, ни одно из них, как мне кажется, не сравнится с тем, что было совершено в деле Марты Кэрриер. Судьи, которые сидели и с благоговейным трепетом слушали такие показания маленького ребенка против своей матери в присутствии этой матери, должно быть, были лишены, в силу пагубных суеверий того времени, всякой природной чувствительности. Они одобряли нарушение разума, здравого смысла и инстинктов человечности, слишком ужасное, чтобы о нем думать.

Несчастливая мать чувствовала это в глубине своей сильной натуры. Та черта женского и материнского сердца, которая, развиваясь, приобретает героический облик, проявилась с потрясающей силой. Она смотрела на магистратов, после того как обвиняющие девушки предъявили ей обвинение в том, что она "убила тринадцать человек в Андовере", с суровой храбростью, к которой эти сановники не привыкли, и упрекала их: "Это позорно, что вы обращаетесь к тем, кто не в своем уме"; а затем, повернувшись к обвинительницам, сказала: "Вы лжете, а я виновата". Эта женщина, как и все остальные, встретила свою судьбу с таким поведением, которое не оставляло места для злобы, чтобы произнести хоть одно уничижительное слово, протестуя против своей невиновности. Мазер был свидетелем ее казни и в примечании к отчету, написанном с видом историка, испытывающего большое сострадание к "выжившим родственникам", называет ее "разъяренной карга".

Судьи, вероятно, сочли, что привлечение малолетних детей для клятвенного заверения жизни их матери - слишком сильное потрясение для природных чувств, чтобы рисковать ими

еще раз, и они не были представлены на суде; но Мазер, несмотря на это, не отказался опубликовать суть их показаний, как то, в чем они поклялись бы, если бы их вызвали; и говорит, что их не вызвали, потому что доказательств было "достаточно" и без них.

Таковы были отчеты о тех судебных процессах, которые в то время проходили, отобранные Мазером для включения в "*Чудеса невидимого мира*" и, таким образом, для того, чтобы "свалить призрак саддукейства", то есть уничтожить и положить конец всем сомнениям относительно колдовства и всем попыткам остановить судебное преследование.

Эта книга была написана во время разгара процесса в Салеме, в тот самый месяц, когда шестнадцать человек были приговорены к смерти и восемь казнены, и, судя по ее содержанию и по признанию рецензента, явно для того, чтобы заставить замолчать возражающих и сомневающихся, Саддукеи и сторонники ведьм, до заседания суда, отложенного на первую неделю ноября, чтобы продолжить, как выразились министры в своем совете, свои "тщательные и усердные усилия, чтобы победить отвратительное колдовство, которое совершалось в стране".

Мало кто из заинтересованных лиц, поддерживая иллюзию и продлевая сцены в здании Салемского суда и на Ведьмином холме, предполагал, что занавес так скоро опустится над ужасной трагедией и поставит в тупик того, кто совмещал в своем лице функции губернатора, главнокомандующего, председателя Совета, законодательного лидера Генерального суда и главного судьи Специального суда, а также всех его помощников и пособников, светских и духовных лиц.

XII.

"ЧУДЕСА НЕВИДИМОГО МИРА", ПРОДОЛЖЕНИЕ. ОТРЫВКИ ИЗ НЕЕ. "ДЕЛА СОВЕСТИ". УВЕЛИЧЕНИЕ МАЗЕРА.

Помимо отчетов о судебных процессах над пятью "злоумышленниками", как называет их Мазер, "*Чудеса невидимого мира*" содержат много материалов, помогающих нам выяснить истинные взгляды автора на тот момент, и справедливость по отношению к нему и ко всем требует, чтобы я рискнул обратить на них внимание. Отрывки, которые мы процитируем, займут немного места; но они окупят чтение, поскольку прольют свет на то, как подобные темы рассматривались в наиболее авторитетной литературе и внедрялись в общественное сознание в то время. Стиль Коттона Мазера, несмотря на то, что он открыт для критики, живой и привлекательный, а благодаря изобретательности выражения и частому искусству иллюстраций, часто весьма освежающий.

Работа была написана под влиянием необходимости сохранить положение, в которое попало правительство провинции, так внезапно и необдуманно организовав Специальный суд и начав его кровавую работу в Салеме; а это можно было сделать, только возобновив и укрепив народное убеждение, что такие процессы необходимы и должны энергично преследоваться, а всякое саддукейство или противодействие им должно быть подавлено. Особенно необходимо было примирить или затушевать некоторые противоречивые теории, которые имели большую или меньшую популярность. "Я не верю, - говорит Мазер, - что прогресс колдовства среди нас - это все заговор, который дьявол затеял в колдовстве, творящемся сейчас над нами". Есть мнение, что дьявол поднял бурю, о которой мы читаем в восьмой главе Евангелия от Матфея, с целью опрокинуть маленькое судно, на котором плыли ученики Господа нашего вместе с ним. И можно опасаться, что в ужасной буре, которая сейчас

надвигается на нас, замысел дьявола состоит в том, чтобы потопить то счастливое устройство правительства, которым Всемогущий Бог милостиво склонил Их Величества благоволить к нам" - Чудеса, стр. 10.

Далее он хвалит сэра Уильяма Фипса, ссылаясь на то, что тот "постоянно рискует всем своим", то есть следит за делами и сражается с индейцами в восточных районах; аплодирует Стоутону как "замечательно подготовленному" для своего места; и продолжает следующим образом: "Наши советники - одни из самых выдающихся личностей, столь же преданные короне, сколь и горячо любящие свою страну. Наша конституция также сопровождается необыкновенными привилегиями. Все это вызывает у нас огромную зависть со стороны дьявола. И дьявол, несомненно, воспользуется этим случаем, чтобы поднять такие жалобы и крики, которые могут иметь пагубные последствия для некоторых частей нашего нынешнего поселения, если он сможет так навязать. Но больше всего в наших нынешних обстоятельствах нам угрожает непонимание, а значит, и вражда, которой околдовало нас бушующее ныне колдовство. Запутывание, во-первых, наших духов, а во-вторых, наших дел". "Уверен, мы будем хуже зверей, если набросимся друг на друга в то время, когда на нас обрушиваются потоки Белиара". "Дьявол сделал нас похожими на беспокойное море, и теперь трясина и грязь начинают стремительно вздыматься. Даже добрые и мудрые люди впадают в пароксизмы, и встряска, которую дьявол устраивает нам сейчас, поднимает грязь, которая до этого лежала на дне наших грешных сердец. Если мы позволим бешеным псам ада отравить нас, укусив, мы будем воображать, что не видим вокруг себя ничего, кроме подобных вещей, и, подобно этим вещам, налетать на все, что видим".

Отрицая вражду и шум, грозившие отстранить его самого и его друзей от власти, он обращается с настойчивым призывом продолжать преследования за колдовство.

"Мы должны объединиться в наших усилиях, чтобы избавить наших страдающих соседей от ужасных досаждений и приставаний, с которыми страшное колдовство сейчас преследует их. Прилагать руку к тому, что может помешать или воспрепятствовать регулярному обнаружению этого колдовства, - вот чего мы можем со святым страхом избегать. Их Величества добрые подданные не должны каждый день быть разорваны на куски ужасными ведьмами, а эти кровавые преступники должны оставаться совсем без преследования. Колдовство - это дело, которое не удастся обмануть, не ввергнув нас в тяжкие язвы, причем надолго. Но тогда мы должны объединиться в таких методах избавления, которые, несомненно, безопасны, чтобы последний конец не оказался хуже начала. И что же я скажу? Я рискну сказать следующее. Мы в безопасности, когда пользуемся всеми советами из невидимого мира в той мере, в какой их посылает Бог. Это надежный принцип: когда Всемогущий Бог позволяет каким-либо духам из невидимого мира посещать нас с удивительными сведениями, тогда есть повод задуматься; мы должны спросить друг у друга, какова причина таких вещей? Особое правление Бога над бестелесными Разумами является достаточным основанием для этого принципа. Когда совершается убийство, явление убитого, обвиняющего кого-либо, хотя такие явления чаще бывают правдивыми, чем ложными, не является достаточным основанием для осуждения человека как виновного в этом убийстве; но все же это достаточный повод для магистратов провести особое расследование, не давал ли этот человек оснований для такого обвинения" - стр. 13.

Далее он применяет этот принцип к призракам обвиняемых, которые видят "страждущие", как достаточное основание для возбуждения дела против обвиняемых. Изменив, по-видимому, это положение, хотя и в такой неясной форме, что его смысл остается совершенно неясным, он говорит: "Я собирался предпринять еще одну попытку, а именно предложить некоторые безопасные правила для обнаружения ведьм, которые по сей день являются

нашими проклятыми нарушителями: но эта попытка была слишком самонадеянной и икарыйской, чтобы я мог ее предпринять. Предоставляю это тем превосходным и благоразумным людям, с которыми я не достоин быть причисленным: Все, что я сделаю, - это представлю читателям краткий обзор того, что было написано по этому вопросу триумвиром выдающихся личностей, когда-либо занимавшихся им" - стр. 14.

Ни от одного из них, ни от Перкинса, ни от Гаула, ни от Бернарда, как он их цитирует, нельзя получить конкретных полномочий для принятия спектральных показаний, предлагаемых обвиняющими свидетелями, которые сами не признаются в ведьмовстве. Третье правило, приписываемое Перкинсу, и пятое правило Бернарда относятся к лицам, признавшимся в преступлении колдовства и после признания давшим показания, касающиеся другого человека: в первом случае такие показания считаются "недостаточными для осуждения, но подходящим предположением, чтобы вызвать строгий экзамен"; во втором случае они считаются достаточными для осуждения коллеги-колдуна, то есть другого человека, также обвиняемого в "союзе с дьяволом". Бернард указывает, какие доказательства, достаточные для осуждения, могут дать такие свидетели: "Если они могут подтвердить истинность своего свидетельства и привести достаточные доказательства этого; например, что они видели их с духами, или что они получали от них духов, или что они могут сказать, когда они использовали колдовские трюки, чтобы причинить вред, или что они сказали им, какой вред они причинили, или что они могут показать метку на них, или что они были вместе на этих собраниях, или тому подобное".

Мазер замечает в связи со своим описанием этих правил: "Это значительные вещи, о которых я рассказал". Тех, на которые я обратил особое внимание, было достаточно, чтобы большая часть доказательств, представленных на Салемском процессе, - во многих отношениях самая эффективная и грозная часть - поразила присяжных и суд, а также народ "благоговением", которое сделало ненужными никакие другие доказательства, чтобы ошеломить разум и обеспечить осуждение. Сами заключенные были поражены и ошеломлены этим. Мистер Хейл в своем отчете об этом процессе говорит: "Когда судили Джорджа Берроуза, семь или восемь из вызванных по отдельности исповедников заявили, что они знали этого Берроуза, видели его на собрании ведьм в деревне и слышали, как он увещевал компанию разрушить Царство Божье и установить Царство Дьявола. Он все отрицал, но сказал, что оправдывает судей и присяжных, осудивших его, потому что против него было так много свидетелей; но сказал, что он умер от лжесвидетелей". Далее мистер Хейл упоминает такой факт: "Я серьезно обратился к одной свидетельнице (его увещевания на собрании ведьм в деревне), сказав ей: "Вы одна из тех, кто доводит этого человека до смерти: если вы обвинили его в чем-то, что не соответствует действительности, отзовите это, пока не поздно, пока он жив". Она ответила мне, что ей не в чем себя обвинять".

Мазер опускает это обстоятельство при копировании рассказа мистера Хейла. Всегда оставалось загадкой, что побудило "обвиняющих девушек" кричать, как они это сделали впоследствии, против жены мистера Хейла. Возможно, эта перепалка с одной из свидетельниц пробудила их подозрения. Они всегда наносили удары по каждому, кто казался колеблющимся или хотя бы склонным усомниться в правильности происходящего. Заявление мистера Хейла показывает, насколько действенными и разрушительными были доказательства, санкционированные книгой Бернарда; оно также доказывает, насколько несправедливо обвинение судей и магистратов, выдвинутое против них рецензентом, что они пренебрегли и нарушили совет министров. Допуская вид доказательств, полностью призрачных, которые были фатальными, как никакие другие, для заключенных, они следовали правилу, установленному теми самими авторами, чьим "указаниям" министры в

своим советом, написанном "мистером Мазером-младшим", предписывали следовать. Примечательно, кстати, что в этом документе они оставили Гауля вне "триумvirата"; Мазер не находит в своей книге ничего, что могло бы оправдать принятие показаний призраков.

Он со всей возможной серьезностью настаивает на силе доказательств, полученных из признаний.

"Можно подумать, что все правила понимания человеческих дел подошли к концу, если после стольких добровольных гармоничных признаний, сделанных разумными людьми, всех возрастов, в разных городах, в разное время, мы не должны верить главным штрихам, в которых эти признания сходятся" - стр. 8.

Он продолжает настаивать на своем, говоря следующее: "Если сейчас дьяволы могут поразить умы людей ядами столь тонкого состава и действия, что десятки невинных людей объединятся в признаниях в преступлении, которое, как мы видим, было совершено на самом деле, то это чудовищно, превосходящее чудеса прежних веков; и это грозит миру не меньшим распадом. Так вот, по этим признаниям выходит, что дьявол завязал в стране страшный узел ведьм и с помощью ведьм страшно увеличил этот узел; что эти ведьмы промышляли тем, что поручали своим духам-единомышленникам делать всякие пакости соседям, после чего наступали такие пагубные последствия для тел и имений соседей, которые иначе объяснить невозможно; Да, на огромных собраниях ведьм эти несчастные дошли до того, что согласовывали и обсуждали методы искоренения христианской религии в этой стране и установления вместо нее, возможно, более грубого дьяволизма, чем когда-либо видел мир прежде. И все же будет не более чем чудом, если в таком масштабном деле, как это, дьявол не пустит в ход несколько своих хитроумных уловок, чтобы сбить с толку все остальные открытия".

В последнем предложении вышеприведенного отрывка мы видим идею, которую Мазер выразил в нескольких случаях. Она заключается в следующем. Предположим, дьявол "иногда" использует призрак невинного человека - он делает это для того, чтобы разрушить нашу веру в такого рода доказательства и заставить нас отбросить их, тем самым "сбивая с толку" те случаи, в которых, как обычно, он использует призраки своих виновных сообщников, и, по сути, укрывая "всех остальных", то есть все тело тех, кто является добровольными и заветными подданными его дьявольского царства, от обнаружения. Он говорит: "Ведьмы не только намекнули, но некоторые из них и признали, что они замыслили представления невинных людей, чтобы прикрыть и укрыть себя в своих колдовских делах".

Далее он предполагает - и, похоже, не с какой-либо другой целью, а чтобы примирить нас с использованием таких доказательств, даже если в "редких и экстраординарных" случаях они могут свидетельствовать против невинных людей, чего, однако, едва ли можно ожидать, "когда дело доходит до гражданской юрисдикции", - что, возможно, такова божественная воля, что время от времени невинный человек *может быть отсечен*: "Кто из нас может точно сказать, насколько наш Бог может, ради нашего наказания, позволить дьяволу пойти на такое злоупотребление?" Затем он упоминает о встрече министров под эгидой своего отца в Кембридже первого августа; с одобрением цитирует результаты своей "Дискурса", состоявшегося тогда; и сразу же продолжает: "Редко и необычно, чтобы честный Навоф был лишен жизни двумя сынами Белиала, и тем не менее здесь нет никакого посягательства на ректорскую праведность нашего вечного государя, чьи суды велики и не дают отчета в своих делах" - стр. 9.

Суть всего этого в том, что дьявол так редко и необычно принимает облик невинного человека, что лучше всего, "когда", как он выражается в другом месте, "общественная

безопасность становится крайней необходимостью", принимать и действовать на основании таких доказательств, даже если они приведут к осуждению невинного человека - что случается так редко и, более того, едва ли возможно. Эта процедура была бы лишь исполнением божественного "позволения" и "ректорской праведности" Того, чьи советы - великая глубина, не подлежащая отчету ни перед нами, ни от нас".

Подводя итог тому, чем занимались ведьмы в деревне Салем в течение предыдущего лета, Мазер говорит: "Дьявол, представляясь обычно в виде маленького черного человека, обманул страшный узел гордых, хмурых, невежественных, завистливых и злобных существ, чтобы они записали себя в его ужасную службу, внося свои имена в книгу, которую он им предложил". "Что у них, у каждого из них, есть свои призраки или дьяволы, уполномоченные ими и представляющие их, чтобы быть двигателями их злобы". Он перечисляет как факты все заявления "пострадавших" свидетелей и признавшихся ведьм об ужасных и чудовищных вещах, совершенных призраками обвиняемых сторон; и он аплодирует суду, свидетельствуя об успешном и благоприятном исходе его разбирательства. "Наши уважаемые судьи, как и прежде, использовали призрачные свидетельства для дальнейшего расследования жизни обвиняемых; и после этого, по чудесному Божьему промыслу, они были так подкреплены другими доказательствами, что некоторые из банды ведьм были справедливо казнены" - стр. 41, 43.

Выражение Коттона Мазера, примененное к тем, кто пострадал как ведьмы, "страшный узел гордых, хмурых, невежественных, завистливых и злобных существ - банда ведьм", - довольно жесткое, поскольку исходит от министра, который, как утверждает автор обзора, служил на сценах их смерти, был свидетелем их благочестивых и христианских выражений и поведения, был их утешителем, утешителем, советчиком и другом.

Недовольство, охватившее общественное мнение во время последней казни в Салеме, которую описывает Фипс, было настолько серьезным, что оба Матера были призваны для его устранения. Отец также по просьбе министров написал книгу под названием *"Случаи совести", посвященную злым духам, олицетворению людей, колдовству и т. д.*, в которой в целом выступает против спектральных доказательств. Он говорит: "Спектры - это дьяволы, принимающие облик людей, живых или мертвых". Говоря о заколдованных людях, он говорит: "То, что они утверждают о других, не должно приниматься за доказательство. Откуда у них это сверхъестественное зрение? Оно должно быть либо с небес, либо из ада. Если с небес (как слуга Елисея и ослица Валаама могли различать ангелов), пусть их свидетельство будет принято. Но если они получили это знание из ада, то, хотя в том, что они утверждают, возможно, и есть истина, они не являются законными свидетелями, ибо Закон Божий не допускает откровения ни от какого другого Духа, кроме как от Него Самого. *Иса.*, viii, 19. Грех против Бога - прибегать к помощи дьявола, чтобы узнать то, что нельзя узнать иначе; и я свидетельствую против этого, как против великого проступка, который может справедливо спровоцировать Святого Израилева, чтобы он выпустил дьяволов на всю землю. *Лука*, iv., 38".

После ссылки на нескольких писателей по этому вопросу, следующее предложение звучит следующим образом: "Хотя обвинения дьявола можно рассматривать как повод для выяснения истинности вещей, *Иов*, i., 11, 12, и ii., 5, 6; но не так, чтобы это было доказательством или основанием для осуждения".

Таким образом, получается, что Инкрест Мазер, хотя и писал с большой силой и видимой яростью против призрачных свидетельств, на самом деле одобрял их введение в качестве основы для "исследования истины вещей", предварительной к другим свидетельствам. В

конце концов, это означало, если воспользоваться формой мышления этих писателей, впустить дьявола в дело; и этого было достаточно, исходя из природы вещей, в тогдашнем состоянии дикого суеверия и слепых заблуждений народного разума, чтобы придать спектральным доказательствам ту контролирующую силу, которую они имели на Салемском процессе и обязательно будут иметь везде, если их вообще введут.

В постскрипуме к *"Случаям совести"* Инглиз Мазер говорит, что слышал, будто "некоторые взяли на вооружение мнение", будто между его взглядами и взглядами его сына, изложенными в *"Чудесах невидимого мира"*, есть нечто противоречивое. "Странно, что подобные фантазии могут проникнуть в умы людей". Далее он говорит, что прочитал и одобрил книгу своего сына до того, как она была напечатана; и, как они оба всегда делали, когда на них давили, опирается *на совет* министров от пятнадцатого июня, в котором, по его словам, они были согласны.

Не может быть никаких сомнений в том, что в то время и с тех пор преобладало "странное" мнение, что отец и сын испытывали совершенно разные чувства по поводу Салемского процесса. Точную форму этого различия установить нелегко. Чувства, столь естественные и правильные для обеих сторон, связанные с их отношением друг к другу, заставляли их сохранять видимость гармонии, особенно в том, что касалось прессы. К тому же взгляды, которых придерживался каждый из них, сами по себе были настолько непоследовательны, что нетрудно было убедить себя в том, что они во многом схожи. В отце было много отцовского, чтобы сын почитал его, а в сыне - много отцовского, чтобы восхищался им. Кроме того, привычный стиль, в котором они и министры того времени предавались, - говорить и не говорить на одной и той же странице, выдвигая предложение, а затем связывая с ним контраргументирующее, - заметал следы друг друга и самих себя. Это их извинение; и никто из них не нуждается в нем больше, чем Коттон Мазер. Он был необычайно слеп к логической последовательности. Обладая удивительной властью над языком, он часто, кажется, не понимал значения того, что говорит; и этому недостатку, как можно полагать, можно приписать многое, если не все, что в его трудах выглядит как недостаток справедливости и даже правдивости.

Будучи помощниками служителей одной и той же общины, Мазерсам было желательно не вступать в конфликт по любому важному вопросу. Однако Дрейк в своей *"Истории Бостона"* (стр. 545) утверждает, что при образовании Новой Северной церкви в этом месте в 1712 году между ними якобы возникла ревность. Действительно, в их культуре, опыте, манерах и образе жизни было много как несхожих, так и схожих черт; и люди, общавшиеся с ними в то время, могли заметить разницу в их суждениях и выражениях, касающихся дела о колдовстве, о которой до нас не дошло никаких сведений, кроме того факта, что в то время это понималось именно так.

Коттон Мазер использовал все свои способности при подготовке книги *"Чудеса невидимого мира"*. Она отмечена его особым гением и построена с большой изобретательностью и проработкой; но это была "вода, пролитая на землю". Что касается цели, ради которой она была задумана, то она умерла, так и не увидев света.

XIII.

СУД ОЙЕРОВ И ТЕРМИНЕРОВ, КОТОРОМУ ВНЕЗАПНО ПРИШЕЛ КОНЕЦ. СЭР УИЛЬЯМ ФИПС.

Когда сэр Уильям Фипс отправился на восток, ожидалось, что его отсутствие затянется до двенадцатого октября. Мы не можем точно сказать, когда он вернулся; вероятно, за несколько дней до двенадцатого. В письме от четырнадцатого числа он сообщает, что еще до того, как к нему обратились с соответствующей просьбой, он прекратил заседания суда. Вероятно, он неофициально дал понять судьям, что они не должны собираться в тот день, на который перенесли заседание. Брэттл, писавший восьмого числа, ничего подобного не слышал. Но преподобный Сэмюэл Торри из Уэймута, который полностью поддерживал обвинителей, узнал об этом еще седьмого числа, о чем свидетельствует следующая запись в дневнике Сьюолла: "7th октября 1692 года. Мистер Торри, похоже, считает, что Суд судей и терминаторов должен продолжать свою работу, регулируя все, что могло быть неправильным, если это, конечно, было установлено".

Сьюолл и Стоутон были одними из главных друзей Торри, и, вероятно, от них он узнал о намерении Фипса прекратить разбирательство в суде по делу о колдовстве. Суду, однако, было разрешено заседать по другим делам, так как десятого числа в Бостоне состоялся суд по обычному делу о смертной казни. Цель губернатора постепенно становилась известна. Дэнфорт в разговоре со Сьюоллом в Кембридже пятнадцатого числа выразил мнение, что процесс по делу о колдовстве не должен продолжаться.

Не исключено, что Фипс, находясь на востоке, получил какое-то сообщение, которое ускорило его возвращение. Он описывает положение вещей, каким оно ему показалось. Мы знаем, что жизни лишились двадцать человек, один из них - служитель Евангелия. Два служителя были обвинены, один из них - пастор Старой Южной церкви; имя второго неизвестно. Сто человек находились в тюрьме; еще около двухсот были под обвинением, в том числе несколько человек с большим состоянием в Бостоне, теща одного из судей, Корвина, и член семьи Инкреза Мазера, хотя, как пишет, он ни в коей мере не был с ним связан. Магистрат, который был членом Палаты собрания, бежал, спасая свою жизнь; а доверенный морской командир Фипса, человек с высоким положением в церкви и обществе, а также на службе, после заключения в тюрьму сбежал в неизвестные края. Более того, на жену губернатора обрушился плач. Мы можем легко представить его душевное состояние. Сэр Уильям Фипс отличался внезапной вспыльчивостью. Мазер говорит, что иногда он "проявлял достаточно ярости". Хатчинсон говорит, что "он был доброжелательного, дружелюбного нрава, в то же время быстрый и вспыльчивый"; в качестве иллюстрации последних качеств он рассказывает, что вступил в драку со сборщиком порта на пристани, жестоко обойдясь с ним; и что, перекинувшись словами на улице с капитаном королевского флота, "губернатор воспользовался своей тростью и разбил голову Шорту". Когда его леди рассказала ему свою историю и представила всю сцену "странного брожения" в домашних и общественных кругах Бостона и всей страны, для главного судьи, судей и, возможно, его собственных министров было хорошо, что они не были в пределах досягаемости тех "ударов", которыми, как сообщает нам Мазер в *"Жизни Фипса"*, грубый моряк был склонен, когда порывы страсти брали верх, "наказывать за оскорбления", не обращая внимания на время и место, ранг или должность.

Но, как это было в его обычае, буря гнева вскоре утихла; однако в сложившихся обстоятельствах его цель, столь же смелая, сколь мудрая и справедливая, была, как показал результат, непреложной. Он лично сообщил судьям, что они больше не должны

рассматривать дела о колдовстве ни в Салеме, ни в других местах, и что по этому обвинению больше не должны производиться аресты.

Таким образом, книга Мазера, уже готовая к печати, оказалась выброшенной на свалку. Она не только оказалась бесполезной для задуманной цели, но и серьезнейшая трудность помешала ее публикации. Фипс запретил "печатать любые рассуждения, так или иначе"; а в "*Чудеса*" были включены некоторые проповеди, пропитанные, по мнению Фипса, горючими веществами, способными разжечь неугасимое пламя.

Все, что можно было сделать, - это сохранять спокойствие в надежде, что он станет более податливым. Тем временем государственные дела заставили его уехать, возможно, на Род-Айленд или в Коннектикут, с восемнадцатого по двадцать седьмое октября. Во время его отсутствия, то ли в результате подготовленных движений, то ли исключительно из-за того, что стало известно о его взглядах, произошло обстоятельство, о котором говорится в дневнике Сьюолла - Законодательное собрание в то время находилось на сессии: "26 октября 1692 года. Прислан законопроект о созыве поста и созыве министров, чтобы их направили на верный путь в отношении колдовства. Время года и способ его проведения таковы, что суд судей и терминаторов считает себя таким образом уволенным. 29 "против" и 33 "за". Капитан Брэдстрит, лейтенант Тру, Вм. Хатчинс и несколько других заинтересованных лиц высказались утвердительно".

Поступок Натаниэля Солтонсталла из Хаверхилла и действия названных здесь лиц в Законодательном собрании дают право городам Мерримак в графстве Эссекс считать, что они оказали первое публичное и эффективное сопротивление фанатизму и гонениям 1692 года.

Прохождение этого законопроекта в Палате представителей показывает, как изменилось общественное мнение после июньской сессии. Дадли Брэдстрит был магистратом и членом от Андовера, сыном старого губернатора, и вместе с женой бегством спасся от преследования; Генри Тру, член от Солсбери, был зятем Мэри Брэдбери, осужденной на смерть; Сэмюэл Хатчинс (которого Сьюолл по ошибке назвал "Вм.") был членом от Хаверхилла и был связан браком с семьей, трое из которых были судимы за свою жизнь. Сьюолл утверждает, что было еще "несколько" членов палаты, заинтересованных подобным образом. Это показывает, в какие высокие круги попали обвинители.

Из того же дневника следует, что двадцать седьмого числа Коттон Мазер прочел четверговую лекцию из *Иакова*, i., 4. День суда настал для него и его коллег-актеров, и терпение прививалось как долг времени.

В дневнике записано, что на заседании Совета двадцать восьмого числа, во второй половине дня, Сьюолл "пожелал получить совет губернатора и Совета по поводу заседания суда надзирателей и терминаторов на следующей неделе; сказал, что не должен больше ходатайствовать об этом; воцарилось великое молчание, как будто следовало сказать: "Не ходи"".

В записи не указано, присутствовал ли Фипс; однако, поскольку время, установленное для его недавнего короткого отсутствия, истекло, вероятно, он находился на своем месте. Следующий казус, описанный Сьюоллом как произошедший в тот день, возможно, задержал вице-губернатора: "28 октября. Лейтенант-губернатор, приехав через залив, из-за прилива так промок, что готов лечь в постель, пока не пошлет за сухой одеждой в Дорчестер".

Великое молчание" свидетельствовало о неловкости, в которой они оказались, и об их страхе перед "холодностью" губернатора.

В дневнике приводится следующий отчет о заседании на следующий день, на котором (как сообщает нам Сьюолл) вице-губернатор не присутствовал: "29 октября. Мистер Рассел спросил, должен ли заседать Суд судей и терминаторов, выразив опасение, что его падение причинит неудобства. Губернатор сказал, что он должен пасть".

Так умер Суд Уполномоченного и Терминера. Его друзья до последнего лелеяли надежду, что сэра Уильяма удастся утихомирить и, возможно, снова взять под контроль; но она исчезла, когда были произнесены решительные и категоричные слова, о которых сообщил Сьюолл.

Твердость и сила характера губернатора достойны всяческих похвал. Действительно, неграмотный и импульсивный моряк поставил себя в истории далеко впереди всех заслуженных судей и ученых богословов своего времени. Ни один из них не проник в суть дела так, как он, когда его внимание было полностью обращено на него, а чувства задействованы, чтобы мужественно и справедливо решить стоящий перед ним вопрос. Он видел, что ни одна жизнь не была в безопасности, пока принимались свидетельства "страдальцев", "либо к совершению преступления, либо к суду" над кем-либо. Таким образом, он разорвал сети, связывавшие судей и министров, составителей книг и разработчиков законов, и смахнул всю ткань "призрачных свидетельств", будь то вопрос "расследования" и "предположения" или "осуждения". Корабельный плотник "Кеннебека" зарубил топором корень дерева.

Следующая выдержка из письма сэра Уильяма Фипса, только что попавшая мне в руки, за которую я обязан мистеру Гуделлу, подтверждает выводы, к которым я пришел.

"Губернатор Фипс - лордам Комитета торговли и плантаций, 3 апреля 1693 года.

"Да будет угодно вашим светлостям:

"Я попросил М^рБлатвейта представить вашим светлостям несколько писем, в которых я давал конкретный отчет о том, как я остановил предполагаемое колдовство, которое оказалось смертельно опасным для многих их величества добрых подданных, если бы не был положен быстрый конец этому; ибо остановка процесса против тех, кто был обвинен, привела к прекращению самого дела".

Это показывает, что, официально обращаясь к правительству своей страны, он взял на себя ответственность за то, что "остановил и положил скорый конец процессам"; что он не очень верил в принятые тогда доктрины о реальности колдовства; и что он был полностью убежден, что если бы он позволил процессам продолжаться, а воспалению общественного сознания поддерживаться "дискуссиями", то кровавая трагедия затянулась бы и "оказалась смертельной для многих хороших" людей.

Есть два человека - ни один из них не принадлежит к классу ученых или богословов; оба они руководствовались здравым смыслом, добрыми чувствами, мужественным и решительным духом - которые стоят особняком на фоне колдовских заблуждений. Натаниэль Солтонстолл, который покинул Совет и Суд в день получения совета министров продолжать преследование и больше не появлялся, пока этот совет не был оставлен и отвергнут; и сэр Уильям Фипс, который растоптал его под своими ногами.

Но как быть с книгой Коттона Мазера *"Чудеса невидимого мира"*? Одиннадцатого октября Стоутон и Сьюолл подписали напечатанную в книге бумагу, [р. 88] одобряющую ее

содержание, особенно в том, что касается "вопросов фактов и доказательств" и "методов убеждения, использованных в ходе суда в Салеме". Свидетельство повторяет форму слов, так часто используемую в связи с книгой, о том, что она была написана "по указанию Его Превосходительства губернатора", не уточняя, как во всех случаях, кто именно, Фипс или Стоутон, был упомянутым губернатором. Поскольку все судьи находились поблизости и свидетельство относилось к рассматриваемому ими делу, совершенно очевидно, что подписали его только двое упомянутых. Поскольку они присутствовали на частном совещании с Коттоном Мазером в доме одного из них двадцать второго сентября, когда подготовка к публикации была окончательно решена, они не могли не подписать его. Время было критическое, и остальные судьи, зная о чувствах губернатора, сочли за лучшее не появляться. Из трех других лиц, присутствовавших на этой конференции, Хаторн, правда, был судьей этого суда, но сомнительно, что он часто или вообще когда-либо занимал свое место в качестве такового; кроме того, он был слишком опытным и осторожным государственным человеком, чтобы без необходимости приложить руку к такой бумаге, когда было известно, как, вероятно, и ему самому, что сэр Уильям Фипс запретил публикации подобного рода.

В *"Чудесах"* есть еще один любопытный документ - письмо Стоутона к Мазеру, в котором он высоко оценивает книгу, признает свои особые обязательства перед ним за ее написание, как "более близкого и сильно заинтересованного", чем другие, учитывая его место при дворе, подробно выражает свое ощущение большой ценности работы "на данном этапе времени" и заканчивает таким образом: "Поэтому я обращаюсь к вам с особой и искренней просьбой, чтобы вы, как только это будет возможно, передали это в печать". Он подписан без каких-либо официальных отличительных титулов, просто "Уильям Стоутон", и *не имеет даты*.

Необычно, что если Фипс был тем человеком, который попросил написать это письмо, и тем "превосходительством", которое разрешило его публикацию, то Уильям Стоутон должен был "попросить" отдать его в печать.

Вышеизложенный анализ дат и фактов, кажется, почти вынуждает сделать вывод, который также следует из его письма, что сэр Уильям Фипс действительно не имел никакого отношения к подготовке или санкционированию публикации *"Чудес невидимого мира"*. То же самое можно сказать и о просьбе к министрам о *совете*, датированной пятнадцатым июня. Оно было "представлено судьям" и, несомненно, являлось ответом на их просьбу. Надо признать, что Стоутон, весьма неумело передавший все дела по судебному разбирательству и поглощенный другими делами, вполне вероятно, что он почти ничего не знал о происходящем до своего возвращения с востока в октябре. А его частые и длительные отлучки, когда он оставлял Стоутона на большую часть времени со всеми возложенными на него функциями и титулами губернатора, привели к тому, что о нем стали говорить как о "его превосходительстве". Нося этот титул и исполняя обязанности губернатора, главный судья и боковые судьи - все они были членами Совета, а их число соответствовало требованию Хартии о кворуме - семь человек - могли считаться, по сути, "губернатором и Советом".

Считая более чем вероятным, что таким образом была нанесена большая обида памяти честного и благородного человека, я постарался представить все в истинном свете. Недоумения, партийные переплетения, личные столкновения и заботы, поглощавшие внимание сэра Уильяма Фипса в течение короткого остатка его жизни, и малый интерес, который он испытывал к подобным вещам, не позволили ему заметить ложное положение, в которое он был поставлен неразборчивым использованием титульных фраз.

В дневнике судьи Сьюолла есть запись, которая также проливает свет на положение Мазерсов. Следует помнить, что Элиша Кук был коллегой Инклиза Мазера в качестве колониального агента в Лондоне. Кук отказался принять новую хартию и стал лидером антиматерной партии. Он считался противником преследования за колдовство, хотя в то время находился за пределами страны. "Вторник, 15 ноября 1692 года. ^{Мейзер}Кук проводит День благодарения за свое благополучное прибытие". * * * [Многие упоминаются как присутствующие, среди них мистер Уиллард]. "Мистер Аллен проповедовал, когда Джейкоб отправился в Вефиль, * * * Мистер Мазер не присутствовал, как и мистер Коттон Мазер. Добрый Господь объединил нас в своем страхе и устранил нашу вражду".

То, как Сьюолл различал двух Мазеров, подтверждает мнение, изложенное на страницах 37, 38.

Можно отметить, что до этого времени Сьюолл, похоже, полностью симпатизировал Стоутону и Мазеру. Однако он начал вести разговоры, свидетельствующие о желании прочувствовать почву, по которой он ступает. Через некоторое время он окончательно убедился в своей ошибке, и на полях его Дневника разбросаны выражения глубокой чувствительности к тому, насколько он был введен в заблуждение. Над записью о его присутствии на экзамене перед магистратами, одним из которых он был, одиннадцатого апреля 1692 года в Салеме, стоит трижды повторенное междометие: "*Vae, Vae, Vae*". В начале 1692 года он вставил в последующий период этот отрывок: "*Attonitus tamen est, ingens discrimine parvo committi potuisse Nefas*".[4]

ССЫЛКИ:

[4] За привилегию ознакомиться с дневником судьи Сьюолла и воспользоваться им я обязан любезности Массачусетского исторического общества; кроме того, я хотел бы выразить благодарность за аналогичные услуги и любезность сотрудникам архива штата Массачусетс, библиотекарю Гарвардского университета, Эссекскому институту и многим лицам, не упомянутым в тексте, особенно преданным коллекционерам и любителям нашей старой литературы Новой Англии Сэмюэлю Г. Дрейку и Джону К. Виггину.

XIV.

ТРУДЫ ХЛОПЦА МЭТРА ПОСЛЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ЗА КОЛДОВСТВО.

Теперь я предлагаю выяснить, какую позицию занимал Коттон Мэтер и какие взгляды он высказывал по этому вопросу после того, как преследования за колдовство прекратились и заблуждение было рассеяно в умах других людей.

В течение зимы 1692 и 1693 годов от одной до двух сотен заключенных, включая признавшихся ведьм, оставались в тюрьмах Салема, Ипсвича и других мест. Значительное число заключенных находилось в Бостонской тюрьме. Из письма секретарю Эллину из Коннектикута следует, что в течение всего этого времени Мазеры поддерживали с ними связь и получали от них имена людей, чьи призраки, по их словам, они видели и от которых страдали, как от занятых в дьявольской работе. После всего произошедшего и приказа сэра Уильяма Фипса, запрещающего попытки возобновить волнение, удивительно, что Мазерсы продолжали заниматься подобной практикой. Во второй половине лета 1693 года они оба были вовлечены в дело Маргарет Рул; Коттон Мазер подготовил и пустил в оборот подробный

отчет о нем, некоторые выдержки из которого уже приводились, и о котором мы еще расскажем в другой связи.

Следующее произведение, которое я буду рассматривать в порядке убывания времени, - это *"Жизнь сэра Уильяма Фипса"*, напечатанная в Лондоне в 1697 году и включенная в *"Магналию"*, также изданную в Лондоне через несколько лет после этого и составляющую последнюю часть Второй книги. *Жизнь Фипса* - это, пожалуй, самая тщательная и законченная из всех работ Мазера; она "украшена", как говорит его дядя Натаниэль Мазер в похвальном примечании, "очень благодарным разнообразием знаний". В ней сэр Уильям, умерший в Лондоне за три года до этого, изображен в сияющих красках, как один из величайших завоевателей и правителей, "сошедший, как бы, с небесной машины"; "по наружности он был высок, выше обычного для мужчин; и толст, как и высок, и силен, как и толст. Он был во всех отношениях чрезвычайно крепким и мог преодолевать такие трудности в питании и путешествиях, которые убили бы большинство мужчин заживо"; "он был хорошо сложен, и при этом у него был очень красивый, хотя и очень мужественный, лик". Его описывают как человека "несравненной щедрости", "всепрощающего духа". Его недостатки нежно тронуты; "на некоторые оскорбления он делал внезапные возвращения, которые проявляли достаточную жестокость; и он, как ударом, так и словом, наказывал невежливость".

Примечательно, что Мазер должен был выложиться до такой степени подготовки и до таких высот восхваления, как в этой работе. Она посвящена графу Белламонту, который как раз собирался стать преемником Фипса. Мазер держал в руке талисман благосклонности, влияния и власти. В элегии, завершающей *"Жизнь"*, есть такие строки:

"Фипс, наш великий друг, наше чудо и наша слава,
Ужас наших врагов, редкая история мира,
Иначе как именем Фипса, больше не выразить,
И Англия, и следующие века расскажут остальное".

Автор этого *"Жития"* наделил даром бессмертного имени одного губернатора Новой Англии, а мог бы наделить и другого.

Но при всем этом панегирике он, похоже, не был внимателен к памяти своего героя. В связи с этим читателю предлагается вернуться к страницам 23, 24 этой статьи и изучить абзац, процитированный из *"Жизни Фипса"*, в котором представлен ответ на совет министров. В этой связи я показал, насколько обманчиво выражение "прибытие к своему правительству". Сообщая о совете министров в *"Жизни Фипса"*, Мазер опускает абзацы, которые я заключил в скобки [р. 21, 22]- первый, второй и восьмой. Отсутствие этих абзацев делает документ, приведенный Мазером, абсолютно искаженным, и ставит Фипса в положение человека, который пренебрег советом министров, позволив судебному процессу проходить так, как он проходил; на его память ложится груз позора, превосходящий все яркие и экстравагантные восхваления, воздаваемые ему в *"Жизни"*: подтверждая и оправдывая опасения, высказанные им в письме от четырнадцатого октября 1692 года: "Я знаю, что мои враги стремятся обратить все это против меня".

Рецензент говорит, что "мистер Мазер не утверждал, что цитирует весь совет, а просто делал из него выписки". Он утверждал, что передает то, что "объявили" министры. Я ставлю

вопрос перед всеми уважаемыми людьми: является ли то, что напечатал Мазер, опустив *первый, второй и восьмой* разделы, честным изложением того, что "объявили" министры.

Выбранные им параграфы, на первый взгляд, призывают к осторожности и даже к задержке в разбирательстве. Они оставляют такое впечатление у широкого читателя, и так считалось с того дня и по сей день. Хитрость, с помощью которой ответственность за последующие события была переложена с министров на Фипса и суд, в значительной степени удалась. Я полагаю, что показал, что положения и слова, которые, казалось бы, указывают на осторожность, имели очень малую силу в этом направлении; но когда маскировочная завеса искусной фразеологии снята, они дают существенное подтверждение действиям суда на протяжении всего времени.

В этой связи я хочу обратить внимание читателя на то, как Мазер ссылается *на советы министров*. В своих "*Чудесах*" он цитирует *восьмую и вторую* статьи этого документа (стр. 12, 55), в одном случае приписывая совет "преподобным лицам", "людям Божиим", "милостивым людям", а в другом характеризуя его как "милостивые слова". В той же работе он цитирует *шестой* артикул, *опуская слова, которые я заключил в скобки, без какого-либо указания на пропуск*. Пишущий в 1692 году, когда заблуждение достигло своего апогея, и с целью удержать общественное мнение на работе по преследованию, он прославил главным образом *первую, вторую и восьмую* статьи, и привел их одни полностью. Остальные он обошел стороной, за исключением *шестой*, из которой вычеркнул центральное предложение - оно выглядело как одобрение взглядов тех, кто выступал против показаний призраков. Но в 1697 году, когда была написана "*Жизнь Фипса*", обстоятельства изменились. Тогда всем, даже тем, кто не желал осознавать этот факт, стало очевидно, что вся операция по преследованию ведьм в Салеме обречена на вечное осуждение; и стало целесообразно навсегда убрать из поля зрения, если это возможно, *вторую и восьмую* статьи, а *шестую* воспроизвести *полностью*.

Учитывая несправедливый взгляд на значение *советов*, изложенных в "*Жизни Фипса*" и воплощенных в "*Магналии*" - произведении, которое, со всеми его недостатками, неточностями и нелепостями, наверняка займет видное место в нашей колониальной литературе, - я сказал: "К несчастью для репутации Коттона Мазера, Хатчинсон сохранил "*Обращение министров*" в полном объеме". Рассматривая документ, опубликованный Матером, в свете исторического самозванства, я выразил удовлетворение тем, что его разоблачение было обеспечено в произведении, уверенном в тираже и сохранности, наравне, если не сказать больше, с "*Жизнью Фипса*" или "*Магналией*". Рецензент, воспользовавшись случаем, тут же объявляет меня невеждой тем факте, что "*Совет, целиком*" был опубликован Инкрезом Мэтером в конце его "*Случаев совести*"; и в своем обычном стиле - не совсем, я думаю, обычном в "*Североамериканском обозрении*" - *говорит* так - это образец того, что пронесено через всю статью: "Мистер Апхэм должен был быть достаточно знаком с первоисточниками информации по этому вопросу, чтобы найти этот совет в печати за семьдесят четыре года до появления "*Истории Хатчинсона*".

Разумеется, ни я, ни кто-либо другой не может предположить, что Хатчинсон изобрел этот документ. Он существовал до него и был под его рукой. Нет смысла говорить, где он его нашел. Удивительно, что этот обозреватель не сказал публике, что я *никогда не видел, не читал и не слышал* о Калефе; ведь, следуя его привычке рассуждать, если бы я был знаком с этим писателем, мое невежество было бы просвещено, поскольку Калеф сообщил бы мне, что "весь совет и ответ министра напечатан в "*Случаях совести*", на последних страницах".

Только то, что находит место в произведениях, достойных выдержки и имеющих общепринятую ценность, гарантированно сохранится навечно. Книга Хатчинсона "*История Массачусетса*" - произведение такого рода. Что бы ни было передано на его хранение, оно выдержит испытание временем. Этого нельзя ожидать от того класса трактатов или книг, к которому относится "*Дела совести*", экземпляры которых трудно найти и которые вряд ли оправдают отдельное переиздание. Правда, несколько лет назад она была переиздана в Англии в серии "*Старые авторы*", прикрепленной к "*Чудесам невидимого мира*". Но до нашей страны дошли лишь немногие экземпляры, и только люди со своеобразными, можно сказать, эксцентричными вкусами захотят приобрести ее. Пробудить интерес к таким произведениям у широкой читающей публики будет невозможно. Они запретны по своей сути, невразумительны по стилю, неясны по смыслу и направлению, пронизаны суевериями и нелепостями, которые счастливо ушли в прошлое и, надо надеяться, никогда больше не войдут в сферу теологии, философии или народной веры; они погибнут под рукой времени и погрузятся в забвение. Если бы не возникла нынешняя дискуссия, а Хатчинсон не дал бы "*Полный совет*", то *подавление*, совершенное Коттоном Мазером, возможно, вошло бы в историю навсегда.

Говоря о *совете министров*, обозреватель в одной части своей статьи, кажется, жалуется следующим образом: "Мистер Апхэм никогда не считал нужным печатать эту газету"; в других частях он нападает на меня с противоположной стороны, и в слишком серьезной манере, по характеру нападения, чтобы быть пропущенным. В своей книге (*ii.*, 267) я так отзываюсь о *совете министров*, ссылаясь на него в примечании к с. 367 в аналогичных выражениях: "Ответ преподобных джентльменов, в общих чертах подчеркивая важность осторожности и осмотрительности в методах экспертизы, решительно и убедительно рекомендовал энергично продолжать разбирательство".

Это краткое и общее изложение *на моем языке* всего документа, охватывающее оба набора его статей. Хатчинсон излагает его в аналогичных терминах, как и Калеф и Дуглас. Повторяю и прошу заметить, что я *не цитирую его ни полностью, ни частично*, а лишь излагаю его смысл своими словами. Я прошу читателя оценить, не передаю ли я смысл статей, напечатанных Мазером в "*Жизни Фипса*" - *тех, что призывают к осторожности*, - так же честно, как и опущенных им статей, аплодирующих суду и поощряющих его к продолжению.

Теперь этот автор "*Североамериканского обозрения*" представляет читателям этого журнала и общественности, что я процитировал *совет министров*, и, используя различные выражения, выдвигает против меня обвинение в несправедливом и ложном *цитировании*. Он использует такие выражения: "Если для Коттона Мэзера, написавшего "*Жизнь сэра Уильяма Фипса*", было таким ужасным преступлением опустить три раздела, то как мистер Апхэм будет оправдывать свои собственные упущения, когда, написав историю этих самых сделок и выдвинув самые серьезные обвинения против характеров заинтересованных лиц, он опускает семь разделов?" Я *не цитировал* ни одного раздела и не делал никаких *пропусков*; поэтому совершенно необоснованно говорить, что я что-то *упустил*. Я изложил суть разделов, которые Коттон Мазер опустил, языком, почти идентичным тому, который использовал Хатчинсон и все остальные. Точно так же я изложил суть разделов, которые опубликовал Мазер, в том самом смысле, который он всегда утверждал для них. То, что я сказал, не имело ни формы, ни характера *цитаты*.

В "*Чудесах невидимого мира*", написанных в 1692 году, когда судебные преследования были в самом разгаре и Мазер превозносил их, а также с целью их продления, единственным разделом, который он счел нужным процитировать в определенной связи, был ВТОРОЙ. Он предисловил его следующим образом: "Это были некоторые из милостивых слов,

вставленных в совет, который многие из соседних министров этим летом смиренно представили нашим достопочтенным судьям". Заметим, кстати, что, когда он так расхваливал этот документ, его авторство не было объявлено. Далее отметим, что здесь проскальзывает информация о том, что документ был *представлен судьям*, а не Фипсу, что свидетельствует о том, что это был ответ *им*, а не ему. Следует также отметить, что раздел, который он цитировал в 1692 году, является одним из тех, которые, когда наступил перелом, он оставил без внимания в 1697 году.

Рецензент, ссылаясь на цитату Мазера из второго раздела "*Совета*" в "*Чудесах*", говорит: "Он напечатал его полностью, чего никогда не делал мистер Апхам"; и, продолжая это странное искажение, он говорит: "Мистер Апхам не печатает ни одной части восьмого раздела, как его приняли министры. Он опускает существенные части, меняет слова и, интерполируя, утверждает, что министры "решительно", "серьезно" и "горячо" рекомендовали, чтобы "разбирательство" энергично продолжалось. Тому, кто приводит такие цитаты, нужны другие доказательства, кроме тех, что привел мистер Апхэм, чтобы дать ему право обвинять честность мистера Мэзера". В другом месте он говорит, преследуя обвинение в ложном цитировании, что я использовал слово "разбирательство": "Этого слова нет в "*Совете*"".

Восьмой раздел рекомендует "быстрое и энергичное преследование тех, кто проявил себя как несносный человек". В краткой ссылке на эту тему я использую слова "быстро и энергично", помечая их как цитируемые, хотя их форма была изменена структурой моего предложения, в котором они встречаются. Кроме этого, в своей книге я не *приводил* никаких *цитат* из "*Советов*" - ни один раздел, ни одно предложение, ни одно положение, ни одна строка не являются цитатой и не претендуют на нее. Не характеризуя то, что сделал рецензент, обвиняя меня в *вымарывании существенных частей, интерполяции и непечатании* полностью или правильно того, что сказали министры или кто-либо другой, я выполнил свой долг, показав, что в этом обвинении нет правды, нет основания или извинения для него".

Последняя из работ Коттона Мазера, которую я рассмотрю в этом анализе его ретроспективных мнений и позиции, касающихся преследований за колдовство, - это "*Магналии*", напечатанные в Лондоне в 1702 году. В то время он был достаточно мудр, чтобы не брать на себя больше, чем мог помочь.

Преподобный Джон Хейл из Беверли умер в мае 1700 года. Он принимал активное участие в судебном процессе в Салеме в 1692 году, и, по его словам, с юности был "воспитан в знании и вере в большинство принципов", на которых строилось судебное преследование, и придерживался их "с некой незримой верой". Ближе к концу судебного процесса его взгляды изменились, и по прошествии пяти лет он подготовил трактат на эту тему. Это откровенное, способное, научное и во всех отношениях достойное похвалы произведение, в котором он придерживается общей веры в колдовство, но указывает на ошибки в методах проведения процесса в Салеме, показывая, что принципы, которыми руководствовались там, были ошибочными. Книга не была напечатана до 1702 года. Коттон Мазер, получив доступ к рукописи мистера Хейла, якобы составил на ее основе свой рассказ о колдовских делах 1692 года, который был опубликован в "*Магналии*", книга VI, страница 79. Он использует повествовательную часть работы по существу, избегая обсуждения тем, которые изложил мистер Хейл. Он цитирует, правда, некоторые отрывки из аргументативной части, содержащие чудесные заявления, но не упоминает о том, что мистер Хейл на протяжении всей работы старался показать, что эти и другие подобные случаи, которые были представлены на суде в качестве доказательств существования призраков, легко

разрешимы как видения и капризы "обманутого воображения", "фантазии в мозгу", "фантазмы перед глазами".

Мистер Хейл ограничивает определение ведьмы следующим: "Кого следует считать настоящей ведьмой среди христиан? Тех, кто, будучи воспитан в средствах познания истинного Бога, тем не менее, находясь в здравом уме или свободно пользуясь своим разумом, сознательно и умышленно отступает от истинного Бога, чтобы посвятить себя и искать помощи у другого Бога или дьявола, как это делали дьявольские священники и пророки древности, которые были колдунами" - стр. 127.

Поскольку он опроверг и полностью отбросил всю систему доказательств, связанных с призраками живых или призраками мертвых, приведенное выше определение спасло всех, кроме откровенно оскверненных, брошенных и богоборческих людей, от преследования за колдовство. Мазер приводит в качестве цитаты то, что, похоже, является вышеприведенным определением, но формулирует его следующим образом: "Человек, который, имея свободное использование разума, сознательно и добровольно ищет и получает от дьявола или любого другого Бога, кроме истинного Бога Иеговы, способность делать или знать странные вещи, или вещи, которых он не может достичь своими человеческими способностями. Такой человек является ведьмой".

Последняя часть определения, расшифрованная таким образом, не имеет обоснования в языке Хейла, но противоречит положениям его книги. Мазер говорит, что "автор тратит целые главы, чтобы доказать, что ведьма все же существует". Он не указывает, что в два раза больше глав он тратит на то, чтобы доказать, что доказательств в Салемских делах было недостаточно для этой цели. В целом это вряд ли можно считать честным изложением рассказа мистера Хейла. Он закрывает тему, раз и навсегда, в отрывистом и почти пренебрежительном стиле: "Ну вот и все для этой рукописи".

Тот, кто проанализирует, как он избавляется от этой темы в *"Магналии"*, должен убедиться, я думаю, что он не испытывал никакого удовлетворения ни от книги мистера Хейла, ни от положения вещей, которое заставило его дать всему этому делу ход. Если бы общественное сознание сохранило свою фанатичную доверчивость, или если бы доля самого Мазера в заблуждении 1692 года была приятной в ретроспективе, не может быть сомнений в том, что это дало бы Великую Тему его великой книге. Все странные познания, страстное красноречие и экстравагантная живопись ее автора были бы направлены на нее; и мы получили бы еще одну отдельную книгу с еврейским, греческим или латинским девизом или названием, которое в переводе означало бы *"Самое чудесное из чудес"*. В 1692 году он говорил следующее: "Колдовство - это дело, которое не будет притворным". В 1700 году оно было вытеснено из памяти мистера Хейла, как дело, в которое ему, Мазеру, небезопасно больше вмешиваться. Ее отбросили, как будто она жгла ему пальцы.

XV.

ИСТОРИЯ МНЕНИЙ О СВЯЗИ ХЛОПКА МАТЕРА С САЛЕМСКИМ КОЛДОВСТВОМ. ТОМАС БРЭТТЛ. ЖИТЕЛИ ДЕРЕВНИ САЛЕМ. ДЖОН ХОЛЛ. ДЖОН ХИГГИНСОН. МАЙКЛ ВИГГЛСВОРТ.

В статье *"Североамериканского обозрения"* можно найти такие отрывки, как: "Эти взгляды, касающиеся связи мистера Мэзера с Салемским процессом, нельзя найти ни в одной публикации, датированной до 1831 года, когда были опубликованы *"Лекции* мистера

Апхэма". "Эти обвинения были опровергнуты мистером Куинси в его *"Истории Гарвардского университета"*, мистером Пибоди в его *"Жизни Коттона Мэзера"*, мистером Бэнкрофтом и почти всеми историческими писателями, начиная с этой даты". "Изучение учебников по истории, используемых в наших школах, покажет, когда возникли эти идеи".

Позиция, занятая рецензентом, как можно заметить, заключается в том, что идея о том, что Коттон Мазер принимал ведущее участие в преследовании ведьм в 1692 году, *"зародилась"* у меня, в работе, напечатанной в 1831 году; и что я дал "подсказку" всем последующим авторам на эту тему. Итак, каковы же факты?

Сам Коттон Мазер является свидетелем того, что в то время эта идея была в ходу. В своем Дневнике, пытаясь объяснить тот признанный факт, что он был восхвалителем и защитником судей, пока шел процесс, он пишет: "Просто, насколько я могу узнать, по этой причине безумцы по всей стране, находясь под действием очарования, равного тому, которое оказывали на их тела энергетические вещества, поносили меня, как будто я был исполнителем всех тех тяжелых дел, которые совершались в ходе преследования колдовства". Он повторяет эту жалобу снова и снова, в разных формах и в разных письмах. В самом деле, иначе и быть не могло, ведь именно такое впечатление и убеждение сложилось в народе.

В это время он, что особенно заметно, выносил на суд народа *вторую и восьмую* статьи *совета министров*, призывая к судебному преследованию. Его выступление и речь на Ведьмином холме во время казни Берроуза и Проктора; его уверенное и горячее одобрение приговоров суда, о котором рассказывает Сьюолл, в тот момент, когда все остальные были погружены в молчаливую торжественность при виде пяти человек, исповедующих свою невиновность, только что отправленных в вечность; Его усилия продлить судебное преследование, подготовка книги, содержащей судебные процессы над пострадавшими "злоумышленниками", и его рвение во всех случаях "оправдать суд" и похвалить судей - все это привело к тому, что весь народ был убежден, что он в первую очередь несет ответственность за "тяжелые вещи, которые были сделаны в ходе преследования колдовства".

То, что это было всеобщим мнением, как в стране, так и за рубежом, может быть убедительно доказано.

Следует помнить, как объясняется в моей книге, что сразу же и в течение нескольких лет после "судебных убийств", связанных с колдовством, преобладало общее мнение, что эта тема была слишком скромной, чтобы о ней думать или когда-либо упоминать; и поскольку почти все общество, либо действуя в пользу судебных разбирательств, либо не действуя против них, стало в большей или меньшей степени ответственным за них, существовало почти всеобщее понимание того, чтобы избежать осуждения или упреков. Кроме того, что касается Коттона Мэзера, его профессиональное и общественное положение, большие таланты, образованность и склонность к полезному труду в сочетании с благоговением, которое тогда испытывали к министрам, не позволяли ему подвергаться нападкам даже со стороны тех, кто больше всего не одобрял его курс. Увеличение Мазер был президентом колледжа и главой духовенства. Распространенное впечатление, что он в какой-то степени не одобрял происходящее, заставляло людей не желать ранить его чувства резкой критикой в адрес сына; ведь какие бы разногласия ни предполагались между ними, все здравомыслящие люди уважали их естественную и благородную чувствительность к репутации друг друга. Подобные причины не позволяли открыто выступать против них обоих.

Тем не менее, легко собрать достаточно доказательств, чтобы подтвердить мою точку зрения.

Томас Брэттл был бостонским купцом, отличавшимся большой щедростью и выдающимися талантами и достижениями. Его имя увековечено в церкви на Брэттл-стрит, главным основателем которой он был. Доктор Джон Элиот в своем *биографическом словаре* говорит о нем так, ссылаясь на его письмо о колдовстве 1692 года, датированное 8 октября того же года: "Мистер Брэттл написал отчет об этих операциях, который был слишком прост и справедлив, чтобы быть опубликованным в те несчастные времена, но был напечатан с тех пор; и его нельзя читать, не испытывая чувства уважения к человеку, который потворствовал свободе мысли, став христианином и философом. Он с самого начала выступал против предрассудков народа, судебных разбирательств и порочного рвения тех служителей Евангелия, которые своими проповедями и поведением причиняли обществу такие страдания. Те, кто называл его неверным, были вынуждены признать, что его мудрость сияла необыкновенным блеском".

Его брат, Уильям Брэттл, с которым он, кажется, был в полном согласии по всем вопросам, долгое время был заслуженным преподавателем и стипендиатом Гарвардского колледжа, а также служителем Первой церкви в Кембридже. Его прославили здесь и в Англии за его образованность, а его добродетели привлекли внимание всех людей. Он был членом Лондонского королевского общества. Иеремия Даммер, обладающий не меньшей квалификацией, чем любой человек своего времени, чтобы высказывать подобное мнение, ставит его как проповедника выше всех своих современников, как в Старой, так и в Новой Англии.

Братлы были политическими противниками Мазерсов. Но, учитывая преобладающее увлечение, а особенно то, что курс, на который решился Фипс, тогда еще не был известен, осторожность и благоразумие были сочтены необходимыми, и письмо было *конфиденциальным*. Действительно, все критические высказывания о поведении правительства должны были быть такими. Это ценный документ, оправдывающий репутацию, которую автор создал при жизни и сохранил с тех пор. Осуждая методы, использовавшиеся в Салемском процессе, он говорит: после того как он заявил, что "несколько человек, по пониманию, рассудительности и благочестию уступающих немногим, если вообще есть, полностью осуждают действия" в Салеме, "я представлю вам некоторых из них, а именно: почтенного Саймона Брэдстрита, эсквайра, нашего бывшего губернатора; почтенного Томаса Данфорта, нашего бывшего заместителя губернатора; преподобного мистера Инкреза Мазера; и преподобного мистера Сэмюэля Уилларда".

Брэдстриту было девяносто лет, но он полностью владел своими умственными способностями. В этом смысле "его взгляд не был тусклым, а природная сила не ослабевала". За тринадцать лет до этого, будучи губернатором колонии, он отказался отдать приказ о казни женщины, осужденной за колдовство, в ходе ряда процессов, прошедших через все суды, с единодушными вердиктами, подтвержденными на заседании Совета помощников - как председатель этого органа, он был обязан вынести ей окончательный смертный приговор. Присяжные, судьи, обе ветви законодательной власти и народ требовали ее казни, но храбрый старый губернатор противостоял им всем, решительно и неумолимо: невинная и добрая женщина и честь колонии в то время были спасены. Мистер Хейл сообщает нам, что Брэдстрит отказался позволить приговору вступить в силу по

следующим причинам: "призрак, творящий зло в ее облике, не должен вменяться ей в вину; и что один единственный свидетель одного факта и другой единственный свидетель другого факта" не должны рассматриваться как "два свидетеля в деле, имеющем большую важность". Ни один исполнительный судья не оставил о себе более почетного отзыва, чем Брэдстрит в этом деле. Если бы к его принципам прислушались, в 1692 году не было бы вынесено ни одного обвинительного приговора. Именно из-за его известной оппозиции двое его сыновей подверглись крикам и были вынуждены спасать свои жизни. То, что Брэттл обоснованно назвал Данфорта в этой связи, доказывает разговор этого человека со Сьюоллом, состоявшийся пятнадцатого октября. По многим признакам можно понять, что, хотя в прежние годы Уиллард был склонен к популярным в то время заблуждениям относительно колдовства, он был противником преследований; и Брэттл должен считать, что у него были возможности судить о взглядах и чувствах Инкреза Мэзера восьмого октября.

Это выделение отца, тем самым отличая его от сына, должно, я думаю, быть убедительным доказательством для каждого, кто честно рассмотрит обстоятельства дела и смысл документа, что Брэттл не считал Коттона Мэзера имеющим право быть названным в почетном списке.

Далее Брэттл пишет: "За исключением мистера Хейла, мистера Нойеса и мистера Пэрриса, преподобные старейшины, почти по всей стране, очень недовольны". Слово "почти" оставляет возможность отнести других к той же категории, что и Хейла, Нойеса и Пэрриса. Рецензент утверждает, что, поскольку Коттон Мэзер не назван ни в одном из списков, его следует причислить к первому!

Отец и сын были сослужителями одной и той же церкви; их объединяло великое имя, слава и положение; оба они были людьми высочайшей пробы, здесь и за границей, заметными на глазах, стояли рука об руку во всех ассоциациях и настроениях народа, их объединяли домашние узы, схожие занятия и все формы общественной деятельности и наблюдения - почему же Брэттл в столь заметной манере разделил их, возвысив одного с почетной точки зрения и обойдя другого, ни разу не упомянув его имени, как замечает рецензент?

Если он действительно не одобрял преследования в Салеме - если, как утверждает "Рецензент", он "осуждал" их, - то неудивительно ли, что Брэттл не назвал его вместе с отцом?

Эти вопросы с особой силой давят на рецензента при том толковании, которое он навязывает отрывку из Брэттла, который я сейчас приведу. Если такое толкование можно допустить, оно, на фоне всего, что до нас дошло, выставит Брэттла человеком самого возвышенного мнения о Коттоне Мэзере и сделает действительно необъяснимым, что он не упомянул его в почете, как своего отца и мистера Уилларда. Отрывок таков: "Я не могу не похвалить и считаю нашим долгом быть очень благодарным за усилия нескольких старейшин, чьи уста, как я думаю, должны сохранять знание, и чьи советы, как я думаю, должны были быть более учтены в деле такого рода, чем это было до сих пор: в частности, я не могу не думать очень благородно о стараниях одного преподобного из Бостона, чьи добрые слова были услышаны в ходе беседы с ним. человека в Бостоне, чьи добрые чувства к своей стране в целом и духовное отношение к трем судьям в частности сделали его очень заботливым и трудолюбивым в этом деле; и я полностью убежден, что если бы его идеи и предложения были услышаны и выполнены, когда эти беды только зарождались, обычным способом, они никогда бы не выросли до той высоты, которую они имеют сейчас. До сих пор он не встречал ничего, кроме недоброжелательности, оскорблений и упреков со стороны

многих людей; но я верю, что в последующие времена его мудрость и служение найдут более всеобщее признание; а если нет, то его награда - у Господа".

Ученый редактор пятого тома *"Массачусетских исторических сборников"*, первая серия, в примечании к этому отрывку (стр. 76) говорит: "Предполагается, что это мистер Уиллард". Такое предположение было всегда. Рецензент попытался доказать, что Коттон Мазер - это человек, о котором говорит Брэттл. Эти два человека противостояли друг другу в политике того периода. Поступок Матеров, связанный с утратой старой и установлением новой хартии, вызвал большое недовольство; партийные разногласия были весьма ожесточенными. Выражения, которые использовал Брэттл, аплодируя общественному курсу человека, о котором он говорил, были бы совершенно необъяснимы, если бы применялись к Мазеру. "Усилия, советы, идеи и предложения", на которые он ссылается, не могли относиться к планам Мазера, которые я попытался объяснить, потому что Брэттл назвал их "обычным способом". "Недоброжелательность, оскорбления и упреки" находят объяснение в том, что Уиллард был "обруган" и поставлен под угрозу репутации и жизни существами обвинения. Чудовищность предположения о том, что речь идет о Мазере, вряд ли усилится, если выяснится, что Брэттл снабжал Калефа материалами для его полемики с Мазером.

Язык, на котором написаны эти слова, соответствует политическим отношениям между Брэттлом и Уиллардом. Сторона, которую занимал последний, была поставлена под сомнение тем, что пятнадцатого ноября он появился на Дне благодарения Элиши Кука, и это была та самая сторона, которую занимал Брэттл. Но вопрос решается тем, что *трое из судей* принадлежали к общине и церкви Уилларда, в то время как к церкви Матеров принадлежал только *один*. Рецензент говорит: "Мы не утверждаем, что этот вывод не является правильным". Но, несмотря на это существенное признание, с этой странной склонностью перевернуть все выводы истории, чтобы прославить Коттона Мазера за счет других, и даже, в данном случае, вопреки собственному мнению, он пытается заставить нас поверить - в то, что он сам не осмеливается "утверждать" - что "духовные отношения", в которых Мазер находился с тремя судьями, не были тем, что в те дни и с тех пор понималось как отношения пастора со своей паствой, но не более чем интимная дружба. Если бы Брэттл имел в виду именно это, он должен был бы сказать по крайней мере о *четырех* судьях, поскольку в то время Сьюолл был в полном согласии с Мазером. Они вместе давали советы. Именно в доме Сьюолла была окончательно согласована с Мазером подготовка *"Чудес невидимого мира"*; и только он один из всех Судей объединился со Стоутоном через несколько дней после даты письма Брэттла, одоблив и высоко оценив эту работу.

Если вывести выражение "духовные отношения" из его правильного смысла и понимать под ним симпатию мнений или согласие в советах, то обозревателю не стоит пытаться утверждать, что Мазер поддерживал такие отношения с кем-либо из судей. На протяжении всей своей статьи он представляет его как враждующего с судом на шпагах. Он говорит, что "осуждал" его действия "как незаконные, немилосердные и жестокие". Действительно, нет ни тени основания для этого утверждения, касающегося отношения Мазера к суду; но оно абсолютно исключает для рецензента такую интерпретацию выражения Брэттла, какую он пытается сделать.

Рецензент говорит: "Если мистер Мэтер не упоминается в этом параграфе, то он вообще исключен из повествования, за исключением того, что он является духовным наставником осужденных".

Это пример того, как этот автор излагает историю. Без всяких доказательств и вопреки всем фактам, по воле своего воображения, он выдвинул предположение, что Мазер присутствовал

на казнях в качестве духовного утешителя и советника страдальцев. Затем, ловким движением руки, он превращает эту "фантазию" собственного мозга в неоспоримый факт.

Если мистер Мазер не упоминается в следующем отрывке из письма Брэттла, то кто же? "Я не могу не восхищаться тем, что кто-то должен отправиться с своими расстроенными друзьями и родственниками к страдающим детям, чтобы узнать, чем больны эти расстроенные друзья, не околдованы ли они, кто их мучает, и тому подобное. Правда, я не знаю причин, по которым с этими страдальцами нельзя было бы советоваться так же, как и с любыми другими, если бы речь шла только об их естественном и обычном знании; но к этим страдающим детям обращаются не по этому поводу, а потому, что они обладают сверхъестественным знанием - знанием, которое они получают в результате переписки с призраками или злыми духами - как они сами утверждают. Эти консультации с больными детьми, как уже говорилось, кажутся мне очень грубым злом, настоящей мерзостью, не подобающей известности в Новой Англии, и тем не менее их практикуют не только Том и Джон - то есть более грубые и более невежественные люди, - но и многие, кто исповедует высокую религию и выдает себя за кого-то из лучших. Именно это усугубляет зло и делает его чудовищным и ужасным; и все же это не самое худшее, ибо, как я вам сейчас пишу, даже некоторые из наших гражданских лидеров и духовных учителей, которые, как мне кажется, должны наказывать и проповедовать такое колдовство и нечестие, все же допускают, поощряют, да, и практикуют эту самую мерзость.

"Я знаю, что в Салеме есть несколько достойных джентльменов, которые считают эту практику мерзостью; с трепетом наблюдали за методами такого рода, которые использовали другие; и заявляли, что считают эту практику очень злой и порочной; но все это мало помогает пособникам этой практики".

Разве это суровое осуждение не падает на голову "духовного учителя", который постоянно получал сообщения из призрачного мира, возлагая обвинение в дьявольской конфедерации на других людей, в конфиденциальных беседах с признавшимися ведьмами - не говоря уже о девочках Гудвин; и чьим хвастовством было то, что "возможно, ни у одного человека на свете не было больше людей, при сверхъестественных и удивительных обстоятельствах брошенных Провидением Божиим на его более особое попечение, чем у меня;" и что он держал при себе полученную таким образом информацию, которая, если бы он ее не скрыл, привела бы к осуждению "таких ведьм, которые должны были умереть"; который стремился получить исключительное право на получение таких сообщений, переданное ему "властью"; который в то время поддерживал такие отношения с лицами, претендующими на призрачные видения, а в следующем году поддерживал такие отношения с Маргарет Рул?

Следующее доказательство в поддержку мнения о том, что Коттон Мазер в то время считался причастным к процессу в Салеме в 1692 году, хотя и косвенное, не может, как мне кажется, не рассматриваться как вполне убедительное.

Сразу же после прекращения судебного преследования начали разрабатываться меры по отстранению мистера Пэрриса от служения. Реакция рано начала действовать там, где бесчинства заблуждения были наиболее вопиющими; и уязвленные чувства друзей тех, кто был так жестоко отрезан, и всех, кто пострадал в своих характерах и состоянии, нашли свое выражение. Вследствие того, что Пэррис играл заметную роль в судебном преследовании, против него было предпринято прямое и личное движение; сначала оно проявилось в виде тяжб в судах по вопросам заработной платы и урегулирования счетов. Вскоре она вспыхнула в Церкви, и обиженные братья потребовали удовлетворения, используя методы, подходящие для церковных действий. Обвинения, выдвинутые против него, касались исключительно его

поведения на экзаменах и испытаниях в 1692 году. Начавшийся таким образом конфликт - один из самых памятных в нашей церковной истории. Пэррис и его приверженцы долгое время сопротивлялись законным и упорядоченным требованиям его оппонентов о созыве общего совета. В конце концов многие служители, сочувствовавшие обиженным братьям, сочли своим долгом вмешаться и направили мистеру Пэррису письмо, в котором дали ему понять, что, по их мнению, он должен подчиниться требованию о созыве Совета. Это письмо, датированное четырнадцатым июня 1694 года, было подписано несколькими соседними служителями, а также Джеймсом Алленом из Первой и Сэмюэлем Уиллардом из Старой Южной церквей в Бостоне, *но не Матерами*. Десятого сентября ему было написано аналогичное письмо, также подписанное соседними служителями, мистером Алленом и мистером Уиллардом, *но не Матерсом*.

Не смея больше отказываться, Паррис, якобы уступая требованию, согласился на взаимный совет, но избежал его таким образом. Каждая сторона должна была выбрать три Церкви, чтобы поддерживать свои интересы и дружески защищать свои права и чувства. Оскорбленные братья выбрали церкви Роули, Солсбери и Ипсвича. Пэррис взял на себя обязательство возражать против церкви Ипсвича и отказался от участия в конференции, если бы она была приглашена. Разумеется, обиженные братья упорно отстаивали свое право называть церкви на своей стороне. Зная, что они имеют на это право, и что общественное мнение поддержит их в этом, Пэррис избежал дилеммы, созвав совет *ex parte*; на него были приглашены церкви Северного Бостона, Уэймута, Малдена и Роули. Первой была церковь Мазерс. То, что Пэррис был прав, полагаясь на преподобного Сэмюэля Торри из Уэймута, становится вероятным благодаря тому обстоятельству, что среди четырнадцати имен священников, включая всех тех, кто, как известно, выступал против разбирательства в Салеме, приложенных к рекомендации "*Дела совести*", его нет; и можно считать определенным тот факт, записанный Сьюоллом, что он был против прекращения судебного разбирательства. Пастором церкви в Малдене был почтенный Майкл Вигглсворт, джентльмен высочайшей репутации; он отказался от президентства в Гарвардском колледже; его сын и внук стали профессорами этого учебного заведения, и его потомки до сих пор поддерживают честь своего имени и рода. Судя по тону его записей, вполне вероятно, что вначале он поддерживал процесс о колдовстве; но перемена мнения, впоследствии сильно выраженная, возможно, уже наступила, поскольку он не откликнулся на призыв, и его имя не фигурирует в протоколах Совета. Тот факт, что Пэррис в основном полагался на церковь в Северном Бостоне, пастором которой был Коттон Мэзер, в поддержке своего дела в Совете, чьей задачей было обсудить его поведение во время преследования за колдовство, является довольно решающим. Эта церковь была названа им с первого до последнего раза, и ни одна из других бостонских церквей. Это показывает, что он обращался к Коттону Мазеру, как ни к какому другому министру, чтобы быть его защитником.

О том, что реакция среди священнослужителей стала сильной, убедительно свидетельствуют необычные шаги, предпринятые ими для того, чтобы не допустить, чтобы Совет оказался под властью таких людей, как Коттон Мэзер и Торри, и тем самым продлить беду. Было проведено собрание "Преподобных старейшин залива", и мистеру Пэррису дали понять, что, по их мнению, церкви господ Аллена и Уилларда также должны быть приглашены. Он горько возмущался этим и видел, что это предрешает его судьбу, но чувствовал необходимость уступить. Добавление этих двух церквей с их пасторами определило характер и результат Совета и придало новые силы обиженным братьям, которые вскоре добились того, что Пэррис и его друзья согласились передать все дело на

рассмотрение трех человек, выбранных по взаимному согласию, чье решение должно быть окончательным.

Третьим судьей, выбранным от имени противников Пэрриса, стал не кто иной, как Элиша Кук, глава партии, выступавшей против Мэзера. Уэйт Уинтроп, судя по всему, был выбран Пэррисом; а Сэмюэл Сьюолл был выбран по взаимному согласию. Двое из этих троих, вынесших окончательный приговор по делу о Салемском процессе, заседали на скамье Специального суда над присяжными и терминаторами. Дело пострадавших братьев было представлено арбитрам в документе, подписанном четырьмя мужчинами как "адвокатами жителей деревни", каждый из которых подвергся ударам во время судебного преследования. В нем говорится *исключительно* о поведении мистера Пэрриса во время преследования за колдовство, о том, что он "поверил обвинениям дьявола", и о том, что он ходил к обвиняемым девушкам, чтобы узнать, "кто их поразил". По этим и только по этим причинам они "передают все дело" на решение арбитров, заключая его следующим образом: "чтобы определить, обязаны ли мы каким-либо образом почитать, уважать и поддерживать такое орудие наших страданий". Арбитры решили, что *не обязаны*; установили сумму, которая должна быть выплачена Пэррису в качестве окончательного расчета, и объявили, что министерские отношения между ним и жителями деревни расторгнуты.

Имея перед глазами это официальное заявление о причинах, по которым его отставка была потребована и получена, напечатанное Калефом (стр. 63), этот обозреватель утверждает, что Пэррис оставался министром деревни Салем пять лет "после колдовских волнений"; и далее говорит, что "непосредственной причиной его ухода была его ссора с приходом по поводу тридцати шнуров дров и платы за пасторский дом". Таким образом, он думает одним росчерком пера вычеркнуть из протокола тот факт, что главным, по сути, единственным основанием для увольнения Пэрриса была его роль в преследовании за колдовство. Вопрос о зарплате рассматривался в судах, но он был полностью упущен из виду стороной, требовавшей его увольнения. Он не имел никакого отношения к *увольнению*; это был вопрос *контракта и долга*; он был поглощен "волнением", которое *никогда не прекращалось*, в связи с преследованием за колдовство. Арбитры не решали эти вопросы, касающиеся зарплаты и остатка на счетах, иначе как в связи с другим вопросом - об *отстранении от должности*.

О том, что жители Салемской деревни считали, что Коттон Мазер был солидарен с мистером Пэррисом во время преследования за колдовство, свидетельствуют приведенные мною факты, связанные с разногласиями между ними и последним, а также выбор Элиши Кука в качестве третьего судьи с их стороны. Несомненно, никто из людей того времени не разбирался в этом вопросе лучше, чем они. Действительно, они не могли ошибаться в этом вопросе. Это осталось неизменным убеждением той общины.

Когда исцеляющее служение преемника Пэрриса, Джозефа Грина, завершилось ранней смертью этого доброго человека в 1715 году, и весь приход, все еще ощущая тяжелые последствия великого бедствия 1692 года, оплакивал свою утрату, выражаясь их собственным языком: "самый прекрасный цветок и самое зеленое оливковое дерево в саду нашего Бога, срубленное в самом расцвете сил", они провели голосование, убедительно прося преподобного Уильяма Брэттла из Кембриджа посетить их. Он всегда был известным противником Коттона Мэзера. То, что именно его выбрали для визита к ним, в их бедственном положении и нужде, говорит о взглядах, преобладавших в то время в деревне. Он приходил к ним и направлял их своими советами, пока они не обрели нового министра.

Упоминание мистером Хейлом того факта, о котором уже говорилось, что книга Коттона Мэзера "*Памятные провидения*" использовалась судьями на Салемском процессе в качестве авторитетного источника, показывает, что автор этой работы рассматривался Хейлом как, по крайней мере, в такой степени ответственный связанный с судебным преследованием.

На этом я заканчиваю рассмотрение дел и трудов Роберта Калефа.

По прошествии нескольких лет в народе медленно, но неуклонно росло чувство, что все участники процесса 1692 года, и особенно власти, должны признать совершенные в тот мрачный день злодеяния, и это чувство стало слишком сильным, чтобы им можно было спокойно пренебречь. Семнадцатого декабря 1696 года Стоутон, исполнявший в то время обязанности губернатора, издал прокламацию, в которой от своего имени и от имени Совета и Ассамблеи объявил общественный пост, который должен был продолжаться четырнадцатого января, чтобы молить о том, чтобы гнев Божий был отвращен, а Его рука, простертая над народом в многообразных судах, была снята. После упоминания о конкретных бедствиях, от которых они страдали, и о многих днях, проведенных в торжественных обращениях к престолу милосердия, в нем выражается опасение, что их мольбы все еще чем-то не сопровождаются, и далее говорится, в частности, о трагедии с колдовством. Именно по случаю этого поста судья Сьюолл сыграл ту роль в общественном собрании старой Южной церкви, благодаря которой его имя навсегда останется в дорогой и почтенной памяти.

Общественное мнение, несомненно, было удовлетворено и значительно облегчено, но не удовлетворено этой демонстрацией. Прокламация, в конце концов, не отвечала его требованиям. При внимательном рассмотрении и обдуманном размышлении она скорее усугубила преобладающее чувство. Написанная, как и следовало ожидать, Стоутоном, она не могла представлять реакцию, в которой он не принимал никакого участия. В нем говорилось об "ошибках с обеих сторон" и использовались общие формы: "Если мы совершили ошибку, то больше так не поступать". В новом изречении он одобрил заблуждение, укрыв виновников зла, приписав все это "сатане и его орудиям, через ужасный суд Божий"; не было предложено никакого искупления ущерба, нанесенного доброму имени и имуществу пострадавших, не говоря уже об оборванных жизнях. Все добрые умы лишь укрепились в убеждении, что необходимо сделать что-то большее. Мистер Хейл из Беверли ответил на обязательство, давящее на его чувство справедливости и взывающее к нему с особой силой, написав свою книгу, из которой мы приводим следующие отрывки: "Я хотел бы еще ближе подойти к нашим временам и оплакать ошибки и заблуждения, которые были допущены в 1692 году, следуя традициям наших отцов, нормам общего права, прецедентам и принципам, которые теперь, как мы видим, взвешенные на весах святилища, оказались слишком легкими - такова была тьма того дня, мучения и причитания страдальцев, а также сила прежних прецедентов, что мы ходили в облаках и не могли видеть свой путь, я бы смиренно предложил, не целесообразно ли публично сделать нечто большее, чем сейчас, для очищения доброго имени и репутации некоторых, пострадавших по этому поводу."

Преподобный Джон Хиггинсон, старший пастор Первой церкви в Салеме, которому тогда было восемьдесят два года, в рекомендательном *послании к читателю*, приложенном к книге г-на Хейла, датированном двадцать третьим марта 1698 года, заявив, что "в силу недугов дряхлой старости он мало двигался за границей и был сильно лишен возможности (как телом, так и умом) знать и судить о событиях и сделках того времени", продолжает говорить, что он "с большей готовностью" сопровождает мистера Хейла "в печать", поскольку считает его "трактат нужным и полезным по разным причинам"; среди прочих, указанных им,

есть и следующая: "Чтобы ошибки и заблуждения, в которые мы впали в темный час искушения, настигшего нас, могли быть (при большем свете) так обнаружены, признаны и отринуты нами, чтобы это послужило предостережением и предостережением для тех, кто придет после нас, чтобы они не впали в то же самое.-1 Кор., х., 11. *Felix quem faciunt aliena pericula cautum*. Я также предлагаю и оставляю на рассмотрение нашим уважаемым магистратам и преподобным служителям, не будет ли справедливость закона, изложенного в книге *Левит*, гл. iv, о жертве за грех для правителей и общины в случае грехов невежества, когда они становятся известными, обязательной и наставляющей нас на евангельский путь". В заключение почтенный человек говорит, что "молитвой того, кто ежедневно ожидает своего изменения и ищет милости Господа Иисуса Христа для вечной жизни", будет "благословение Небес, чтобы этот небольшой трактат достиг благих целей".

Судья Сьюолл, а также присяжные, вынесшие вердикты на судебном процессе в 1692 году, публично и решительно признали, что заблуждались.

Все это служит решающим и убедительным доказательством распространенного убеждения в том, что было совершено великое зло. Голосование, принятое церковью в деревне Салем четырнадцатого февраля 1703 года: "Мы, благодаря милости Бога к нам, убеждены, что в тот мрачный день мы находились под властью тех заблуждений, которые тогда преобладали в стране". "Мы желаем, чтобы это было записано в нашей церковной книге", "чтобы таким образом Бог мог простить наш грех и искупить его для земли; и мы смиренно молимся, чтобы Бог больше не оставлял нас в таких заблуждениях и грехах" - служит ярким доказательством того, что правое чувство охватило всю общину. Восьмого июля того же года почти все духовенство графства Эссекс обратилось к Генеральному суду с мемориалом, в котором говорилось: "Есть большие основания опасаться, что тогда пострадали невинные люди, и что Бог может поспорить с землей по этому поводу".

Однако ничего подобного не было слышно от священников Бостона и окрестностей. Почему же они не присоединили свои голоса к этой молитве, обращенной ко всем заинтересованным сторонам, о божественном прощении? Мы знаем, что большинство из них считали себя правыми. Так поступили Сэмюэл Уиллард и Джеймс Аллен; так же поступил и Уильям Брэттл из Кембриджа. Их молчание, как мне кажется, можно объяснить только тем, что их смущало отношение Матерса к этому делу. Один отважный старик выступил с протестом против их неспособности выполнить долг времени и направил свой протест в нужное русло. Преподобный Майкл Вигглсворт, стипендиат Гарвардского колледжа, уважаемый во всех церквях, написал письмо Инкризу Мазеру, датированное 22 июля 1704 года [*Mather Papers*, 647], составленное в сильных и смелых выражениях и начинающееся следующим образом:

"Преподобный и дорогой С^р. Я совершенно уверен, что и вы, и ваш сын, и остальные наши братья, живущие с вами в Бостоне, глубоко ощущают ужасные симптомы Божественного недовольства, под которым мы находимся в настоящее время". Кратко перечислив общественные бедствия того времени, он продолжает: "Я не сомневаюсь, что вы все стараетесь выяснить и открыть людям причины Божьих разногласий и способы их устранения; чтобы помочь продвижению этой трудной и необходимой работы, позвольте мне высказать некоторые из моих серьезных и торжественных мыслей. Я боюсь (помимо многих других провокаций), что Бог спорит с нами о том, что было сделано во времена колдовства. Я боюсь, что была пролита невинная кровь и что *многие осквернили ею свои руки*". Выразив уверенность в том, что судьи действовали добросовестно, а заинтересованные лица были обмануты, он продолжает: "Значит, это было сделано по невежеству. Павел, фарисей, преследовал Церковь Божью, проливал кровь Святых Божьих и все же получил милость,

потому что делал это по неведению; но как же он потом сокрушался и стыдился за это перед Богом и людьми! [Я думаю и искренне убежден, что Бог ожидает, что мы сделаем то же самое, чтобы получить Его помилование: я имею в виду публичное и торжественное признание этого и унижение за это; и чем более конкретно и лично это будет сделано всеми действующими лицами, тем более это будет приятно Богу и более эффективно, чтобы отвратить Его суды от этой земли и предотвратить Его гнев от падения на людей и семьи тех, кто был наиболее причастен.

"Я знаю, что это *Noli Me tangere*, но что же нам делать? Должны ли мы унывать в своих беззакониях, вместо того чтобы смело заявить о Совете Божьем, который говорит нам: "Когда вы будете много молиться, Я не услышу вас, руки ваши полны крови"."

Далее он говорит, что, по его мнению, "вся страна находится под проклятием по сей день и будет находиться до тех пор, пока наш достопочтенный губернатор и Генеральный суд не примут эффективные меры для возмещения ущерба и компенсации" семьям тех, кто был осужден "за предполагаемое колдовство" или "был разорен путем отъема и опустошения их имений". Продолжив аргументацию, избавившись от оправдания, что страна слишком бедна, чтобы предпринимать что-либо в этом направлении, он поручает своему корреспонденту донести его мысли до "преподобного Сэмюэля Уилларда и остальных наших братьев по служению", чтобы меры были приняты без промедления. Он заканчивает свое простое и серьезное обращение и напоминание такими словами: "Слабым телом и дрожащей рукой я старался оставить свое свидетельство до того, как покину этот мир; и, оставив его вам (моим преподобным братьям), я надеюсь, что оставлю эту жизнь с большим спокойствием, когда Бог сочтет нужным призвать меня".

Он умер через год. При внимательном рассмотрении тона этого письма и напора его убедительных и смелых доводов, равносильных увещанию, вряд ли можно сомневаться в том, что оно было адресовано тем, кто больше всего нуждался в обращении. Но, судя по всему, оно не произвело никакого эффекта.

Предваряя свой отчет о судебных процессах, содержащийся в книге "*Чудеса невидимого мира*", Коттон Мазер, обращаясь к "оставшимся в живых родственникам" казненных, говорит: "Господь утешит их". Это было слабое утешение, которое он дал им в этой книге, представляя их родителей, жен и мужей как "злоумышленников". Ни он, ни его отец никогда не выражали чувств, созвучных тем, что произносили Хейл, Хиггинсон или Вигглсворт, - напротив, Коттон Мазер, писавший через год после Салемской трагедии, почти смеется над этим: "В целом дьявол не получил ничего, но Бог получил хвалу. Христос получил подданных, Святой Дух - храмы, церковь - пополнение, а души людей - вечные блага" - *Калеф*, 12.

Почти все время, вплоть до своей смерти в мае 1702 года, Стоутон оставался хозяином положения. Благодаря его влиянию на правительство и влиянию Матерса на духовенство, ничего не было сделано для того, чтобы снять мрачное клеймо с чести провинции, и никогда не было сделано своевременного или адекватного возмещения за великую ошибку.

Я также обязан любезности доктора Мура за следующие выдержки из проповеди, произнесенной Коттоном Мазером на Генеральной Ассамблее в 1709 году, под названием "*Американский Теополис*. Чистое золото на рынке".

"В два или три слишком памятных *дня искушений*, которые выпали на нашу долю, были совершены *ошибки*. Вы всегда готовы объявить всему миру, что не одобряете эти ошибки. Вы готовы оповестить все человечество своими *заявлениями*.

"Чтобы никто не подвергался гонениям за то, что он сознательно не придерживается тех же религиозных взглядов, что и те, кто стоит на первом месте".

"И; что люди не должны считаться сообщниками злых духов, только потому, что злые духи заставляют одержимых людей кричать на них.

"Если бы было предложено что-либо еще в качестве возмещения [помимо общего Дня смирения, который был назначен и отмечался по всей провинции, чтобы исправить ошибки нашего темного времени, несколько лет назад]. Вы охотно прислушаетесь к этому".

Сделанное таким образом предложение, высказанное, надо признать, не в очень настоятельных выражениях, не произвело, вероятно, особого впечатления. Похоже, проповедник опирался на прокламацию, изданную Стоутоном за одиннадцать лет до этого. Соединение двух указанных ошибок вместе не способствовало выполнению рекомендации. Общественное мнение тогда не было готово поддержать столь просвещенные взгляды на религиозную свободу.

Очень заметно, что Мазер здесь признает, что "в темное время" людей считали "конфедератами со злыми духами" "всего лишь" на основании спектральных доказательств.

Все, что было сказано по этому поводу, не является выражением *личного* мнения или чувства, относящегося к вопросам, по которым Хейл и Хиггинсон высказали свои глубокие чувства, а Вигглсворт обратился к Матерам и другим министрам со своим торжественным и глубоким призывом. Обязанность возмещения великого зла была переложена на других, а не на тех, кто нес за него особую и значительную ответственность.

Ничто не заставило меня предположить, что Коттон Мазер был жестоким или бессердечным по своей природе или привычке. У него никогда не хватало мудрости или достоинства признать как личность или *как один из представителей духовенства* или предложить конкретное возмещение страшных бед, страданий и ужасов, вызванных преследованиями за колдовство. То, что в то время он был и, вероятно, всегда оставался жертвой пагубных суеверий, является его единственным извинением, и мы должны признать его справедливость.

Ярким примером того, как иногда верх брали его лучшие чувства, а также необычных методов, которыми он привык действовать, является следующая выдержка из его Дневника в поздний период его жизни. Мы можем принять его как свидетельство того, что он не был бесчувственным к своей обязанности делать добро там, где при его участии было совершено столько зла: "В этой стране есть город, а именно Салем, в котором живет много бедных и плохих людей, и такие особенно скандальны тем, что остаются дома в день Господень. Я завернул семь разных посылок с деньгами и приложил к ним семь маленьких книжек о покаянии и семь денежных писем против нечистого отсутствия в доме Божьем. Вместе с безымянным письмом я отправил эти вещи министру того города, желая и уполномочивая его раздавать милостыню от своего имени, надеясь тем самым еще больше расположить к себе людей. Кто может сказать, насколько добрые Ангелы Небес сотрудничают в этих делах?"

XVI.

ИСТОРИЯ МНЕНИЙ О ХЛОПКЕ МАЗЕРЕ, ПРОДОЛЖЕНИЕ. ФРАНСИС ХАТЧИНСОН. ДАНИЭЛЬ НИЛ. ИСААК УОТС. ТОМАС ХАТЧИНСОН. УИЛЬЯМ БЕНТЛИ. ДЖОН ЭЛИОТ. ДЖОСАЙЯ КУИНСИ.

В Англии было распространено мнение, что Мазеры, особенно младший, несут главную ответственность за события в Салеме в 1692 году. Фрэнсис Хатчинсон в работе, из которой я привел цитату, говорит о всей системе доктрины колдовства как о "фантастических представлениях", которые "так далеки от того, чтобы возвести свои тошнотворные видения в ранг юридических доказательств, что они основаны на самых отбросах языческих и попских суеверий и оставляют жизни невинных людей голыми, без защиты от них"; и, приводя список книг, написанных для их поддержки, упоминает: "М-р. Инкрейз и несколько трактатов мистера Коттона Мазера"; а в главе о колдовстве в Массачусетсе в 1692 году он хвалит книгу "мистера Калефа, торговца в этой плантации".

Примерно в то же время преподобный Дэниел Нил, знаменитый автор "*Истории пуритан*", написал "*Историю Новой Англии*", в которой уделил место краткому, беспристрастному и справедливому рассказу о процессе по делу о колдовстве в 1692 году. Он воздерживается от личной критики, но выражает следующее общее мнение: "Странными были ошибки, которые некоторые из самых мудрых и лучших людей страны совершили по этому случаю; они должны были стать роковыми для всей провинции, если бы Бог, в своем Провидении, не вмешался милосердно". Единственное предложение, в котором содержится строгое замечание в адрес Коттона Мазера, это то, в котором он ссылается на свое заявление о том, что некое признание было сделано *свободно*. Нил спокойно замечает: "Можно ли назвать свободным поступок человека, находящегося в тюрьме под страхом смерти, я предоставляю судить другим". Доктор Исаак Уоттс, прочитав книгу Нила, счел нужным написать письмо Коттону Мазеру, датированное 10 февраля 1720 года (*Massachusetts Historical Collections, I., v, 200*) и, описывая разговор, который он только что вел с Нилом, говорит: "Есть еще одна вещь, в которой мой брат беспокоится, чтобы не вызвать у вас недовольства, а именно глава о колдовстве, но, поскольку он изложил факты, сравнив нескольких авторов, он надеется, что вы простите, что он не совсем соответствует вашим настроениям". Беспокойство, которое испытывали Нил и Уоттс, чтобы не ранить чувства Мэтра, показывает, что они думали о его причастности к этому делу. Этот вывод становится неизбежным, когда мы изучаем книгу Нила и обнаруживаем, что он цитирует или ссылается на Калефа, причем все это время без малейших сомнений в его достоверности, принимая его заявления и полностью признавая его авторитет. Действительно, его ссылки на Калефа примерно в десять раз чаще, чем на Мазера. Попытка Нила и Уоттса сгладить ситуацию, заявив, что первый пришел к своим выводам в результате "сравнения нескольких авторов", не могла доставить Матеру особого удовольствия, поскольку авторы, на которых он в основном ссылается, это Калеф и Матер; и, сравнивая их друг с другом, он следовал Калефу.

Впечатление, которое сложилось в Англии даже у друзей и корреспондентов Мазера, что он был неприятно связан с колдовством 1692 года, было неизменным по обе стороны воды, пока этот рецензент не попытался стереть его из памяти людей.

Томас Хатчинсон родился в 1711 году и воспитывался по соседству с Мазерами; он закончил обучение в колледже и получил степень бакалавра в Гарвардском колледже в 1727 году, за год до смерти Коттона Мазера. У него было больше возможностей составить правильное суждение о салемском колдовстве и главном действующем лице этого процесса, чем у кого-

либо из людей его времени; но его тесная семейная связь с Мазерами накладывала определенную сдержанность на его высказывания; однако не настолько, чтобы оправдать утверждение рецензента, что он не упоминает "агентство" Коттона Мазера в этой сделке. В рассказе Хатчинсона о сделках, связанных с салемиским колдовством, есть несколько очень отчетливых ссылок на "агентство" Мазера, некоторые из которых я уже приводил. Я спрашиваю, к кому относится следующий отрывок -ii., 63: "Один из министров, который в то время был полностью убежден, что жалующиеся не были самозванцами, и который оправдывал свое собственное поведение и поведение суда в опубликованном им рассказе, отмечает вскоре после этого в своем Дневнике, что многие были убеждены, что была пролита невинная кровь".

Это показывает, что Хатчинсон рассматривал деятельность Коттона Мазера в том свете, в котором я ее представил; что он считал его полностью приверженным распространенному в то время заблуждению; что он играл роль, которая отождествляла его с преследованием; и что опубликованный им рассказ был совместным оправданием его самого и суда. Хатчинсон прикрепляет этот отрывок к Мазеру, ссылаясь на Дневник; и хотя он говорит, что в нем содержится утверждение, что многие считали пострадавших невинными, он избегает утверждать, что таково было мнение автора Дневника.

Наконец, то, что он особенно старается это сделать, давая примечание с целью выразить свое доверие Калефу, называя его "честным обвинителем" -ii., 56, - *доказывает*, что губернатор Хатчинсон придерживался мнения об "агентстве Мазера", которое до сих пор всегда приписывалось ему.

Уильям Бентли, доктор философии, родился в Бостоне и большую часть первой половины своей жизни прожил, как и его семья в течение долгого времени, в северной части этого города. По складу ума он собирал все местные традиции и все свои дни посвятил антикварным занятиям. Никто в его период не уделял больше внимания теме колдовских заблуждений. За большую часть информации о нем мы обязаны его *"Истории и описанию Салема"*, напечатанной в 1800 году - *"Исторические сборники Массачусетса"*, I., vi.- После описания многих происшествий он раздражается осуждением тех, кто, не одобряя в то время происходящее, не вышел и не осудил его. Придерживаясь мнения, которое сложилось с самого начала, что Инкрес Мазер не одобрял эту сделку, он с негодованием отвергает мысль о том, чтобы поставить ему это в заслугу. "Инкрес Мэтер не противостоял Коттону Мэтеру" - так звучит принятое и, по его мнению, неоспоримое мнение о том, что Коттон Мэтер одобрял и был ведущим агентом в преследованиях.

Мнение доктора Джона Элиота, как будет показано далее, свободно изложено в его *Биографическом словаре*.

Покойный Джозайя Куинси изучал летописи Массачусетса с той тщательностью, с какой он брался за любую тему, к которой обращал свои мысли. Его родовые связи охватывали весь период его истории, и все каналы местных традиций Бостона были открыты для его пытливого и серьезного ума. Его *"История Гарвардского университета"* - памятник, который будет стоять вечно. В этой работе он говорит о совпадении взглядов Стоутона и Мазеров, а в связи с заблуждением о колдовстве утверждает, что оба они "сыграли эффективную роль в создании и продлении этого волнения". "Поведение Инкреса Мазера в связи с этим было отмечено осторожностью и политическим мастерством; но поведение его сына, Коттона Мазера, было стремительным, ревностным и бесстрашным, как по характеру, так и по последствиям. В ее начале и развитии его деятельность везде бросается в глаза".

Рецензент представляет мистера Куинси как просто повторяющего то, что я говорил в своих лекциях. Он делает такое же безрассудное утверждение в отношении Бэнкрофта, покойного Уильяма Б. О. Пибоди, доктора философии, и всех остальных, кто писал на эту тему с 1831 года. Мысль о том, что Джозайя Куинси "взял пример" с меня, просто абсурдна. Он не ссылается на меня и не дает никаких указаний на то, что он когда-либо видел мои "*Лекции*", но снова и снова цитирует Калефа как свой авторитет. Доктор Пибоди ссылается на Калефа на протяжении всего времени и использует его свободно и с доверием, как, вероятно, делал и каждый другой, кто писал об этой сделке.

Можно с уверенностью сказать, что ни один исторический факт никогда не был признан более уверенно, чем действия и, в значительной степени, контроль Коттона Мазера в поддержке и продвижении процесса о колдовстве в 1692 году. То, что все это время он был убежденным представителем общественности, доказывает хронологический ряд имен, которые я привел. Томас Хатчинсон, Джон Элиот, Уильям Бентли и Джосайя Куинси охватывают весь период со времен Коттона Мазера до наших дней. Они, как никто другой, знали текущие мнения, передаваемые настроения, местные и личные истории Бостона. Они с уверенностью отражали уверенность, идущую непрерывным чередом на протяжении полутора веков. Их семейные связи, общественное положение, осведомленность о событиях и знание того, что люди думали, во что верили и о чем говорили, придают их одновременным и непрерывным свидетельствам силу и вес авторитета, которые являются решающими; и показывают, что вместо того, чтобы изобретать и создавать мнение о причастности Коттона Мазера к рассматриваемому вопросу, я сделал не более чем повторил то, во что верили и говорили с самого начала.

Писатель из *North American* пишет: "За последние сорок лет среди наших исторических писателей появилась мода порочить его характер и недооценивать его труды. В качестве примера таких нападков читатель может ознакомиться с *предполагаемым письмом преподобного Коттона Мазера, доктора философии, с комментариями Джеймса Сэвиджа*". Упомянутая статья состоит из "предполагаемого письма" и очень ценного сообщения покойного преподобного Сэмюэля Сьюолла с некоторыми комментариями мистера Сэвиджа - [*Massachusetts Historical Collections, IV., ii., 122.*] Ни от одного из этих просвещенных, верных и неутомимых ученых не стоит избавляться в таком стиле. Они не следовали "моды", и их почтенные имена почитаются всеми истинными учениками антикварного и генеалогического образования. Автор таких работ в этом отделе, как созданная мистером Сэвиджем, не может быть отброшен в сторону магическим и высокомерным взмахом руки этого рецензента.

XVII.

ВЛИЯНИЕ НА ВЛАСТЬ МАТЕРОВ В ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЛАХ ПРОВИНЦИИ ИХ СВЯЗИ С КОЛДОВСТВОМ.

Рецензент не согласен с моим утверждением, что связь Матеров с колдовским бизнесом "разрушила" их влияние в общественных делах. Каковы же факты? Было показано, что администрация сэра Уильяма Фипса с момента ее открытия находилась под их контролем в такой степени, которая никогда не сравнится с властью частных лиц над правительством. Молитвы Коттона Мазера были полностью услышаны; и если бы были даны мудрые и

осторожные советы, то то, чего так желали отец и сын в политическом управлении провинцией, было бы осуществлено навсегда. Но, стремясь вооружиться страшной и непреодолимой силой, призвав к сотрудничеству силы из духовного, невидимого и дьявольского мира, они с необдуманной "поспешностью" поспешили с преследованием колдовства. Следствием этого стало то, что через шесть месяцев весь механизм, на который они возлагали свои надежды, был разрушен. На следующих же выборах в Совет был избран Элиша Кук, а Натаниэль Солтонстолл был переизбран; и с тех пор Мазерсы были прижаты к стене в отчаянной и безуспешной самозащите.

Ни одна партия или фракция не могла претендовать на графа Белламонта во время его краткого правления, длившегося всего четырнадцать месяцев. Хотя он был единственным дворянином, когда-либо отправленным на пост губернатора Массачусетса, он больше, чем все остальные, примирил общую добрую волю. Его короткий срок правления и мудрая политика не позволили Матерам извлечь особую выгоду из посвящения ему *"Жизни Фипса"*. В течение всего периода, с 1692 года и до прихода Дадли к власти, противники Матеров неуклонно наращивали свои силы. Оппозиция против увеличения Мазера вскоре вылилась в попытки сместить его с поста президента Гарвардского колледжа. В 1701 году Генеральный суд принял постановление, согласно которому "ни один человек не должен исполнять обязанности президента колледжа, если он не проживает в Кембридже". Это решило вопрос. Увеличение Мазер подал в отставку шестого сентября следующего года; в тот же день преподобный Сэмюэл Уиллард возглавил колледж под именем вице-президента и исполнял обязанности президента, к одобрению народа и при поддержке правительства провинции, до своей смерти в 1707 году - при этом ему было позволено сохранять пастырскую связь со своей церковью в Бостоне.

Джозеф Дадли прибыл из Англии одиннадцатого июня 1702 года со своей комиссией в качестве генерал-капитана и губернатора провинции. Шестнадцатого числа он посетил Коттона Мэзера, который описал эту беседу в своем дневнике. Судя по всему, Мазер произнес перед новым губернатором речь, призывая его "держать руку на пульсе всех сторон" и объясняя свой смысл следующим образом: "Ни в коем случае не позволяйте никому говорить, что все свои меры вы принимаете от двух мистеров Мазеров". Затем он добавил: "По тому же правилу, могу сказать без обиняков, ни в коем случае не позволяйте никому говорить, что в своем поведении вы не придерживаетесь никаких мер, кроме мер мистера Байфилда и мистера Леверетта. Это я говорю не из личного предубеждения против джентльменов, а из должного соображения о нравах народа и в качестве услуги вашему превосходительству".

Дадли - правильно ли он рассудил или нет, можно определить, принимая во внимание его положение, тогдашнее состояние партий и принципы человеческой природы, - очевидно, расценил это как ловушку. Если бы он последовал совету и держался в стороне от Байфилда и Леверетта, они оказались бы на расстоянии от него, и он обязательно попал бы в руки Мазерсов. Возможно, он решил, что единственный способ избежать такого исхода - объяснить этим джентльменам, что он избегает их, упомянув о том, что сказал ему Мазер, и тем самым дать им понять, что, с точки зрения политики, он считает лучшим принять это предложение и держаться в стороне от обеих сторон. Действуя то ли из этих соображений, то ли от обиды, он сообщил им об этом, после чего Мазер записал в своем дневнике следующее: "Негодяй пошел к этим людям и сказал им, что я посоветовал ему ни в коем случае не направляться к ним, чем привел их в непримиримую ярость против меня".

После этого отношения между Дадли и Матерами, должно быть, стали достаточно неловкими и неприятными; но, похоже, в течение некоторого времени ни одна из сторон не предпринимала никаких особых публичных демонстраций.

Мистер Уиллард умер двенадцатого сентября 1707 года, и снова встал большой вопрос о том, кого следует назначить главой колледжа. Необычайная образованность Коттона Мазера, несомненно, давала ему весомые и выдающиеся притязания в общественной оценке; и у него были основания думать, что любимый объект его честолюбия вот-вот будет достигнут. Но он был обречен на горькое разочарование. Двадцать восьмого октября корпорация через своего старшего члена, преподобного Джеймса Аллена из Бостона, сообщила губернатору о голосовании этого органа, назначившего "достопочтенного Джона Леверетта" на пост президента; а четырнадцатого января 1708 года он был публично введен в должность. Мазеры больше не могли этого терпеть, и через шесть дней после этого каждый из них написал Дадли письмо, облеченное в самые горькие и оскорбительные выражения [*Massachusetts Historical Society's Collections, I., iii., 126*]. Они показывают, как глубоко были уязвлены их авторы. Они обрушивают на губернатора шквал злословия, без всяких ограничений вежливости и приличий. Они обвиняют его во всех видах должностных злоупотреблений, взяточничестве, казнокрадстве, вымогательстве, фальши, лицемерии и даже убийстве; вменяют ему "вину за невинную кровь", поскольку за много лет до этого он, будучи главным судьей Нью-Йорка, председательствовал на суде над Лейслером и Милберном; и утверждают, что "эти люди были не просто убиты, а варварски убиты".

Примечательно, что некоторые из отвратительных преступлений, в которых обвиняют Дадли, произошли до его прибытия на пост губернатора Массачусетса в 1702 году; и что в этих самых письмах они напоминают ему, что отчасти благодаря их влиянию он был тогда назначен, и что письмо Коттона Мазера в пользу его назначения было зачитано перед "покойным королем Уильямом". Оба Мазера отличались отсутствием проницательности в отношении логического смысла того, что они говорили. Им и в голову не приходило, что тот факт, что они добивались его назначения, закрывал им рот от обвинений в публичных деяниях, хорошо известных им в то время.

Дадли говорит, что по прибытии Мазеры заверили его, что он пользуется благосклонностью всех хороших людей; а Коттон Мазер в своем письме напоминает ему, что он засвидетельствовал свои дружеские чувства, дав публике по этому случаю "портрет хорошего человека". Таким образом, свидетельства обеих сторон доказывают, что, прекрасно зная о деле Лейслера и других преступлениях, вменяемых ему в вину, они были готовы и очень хотели заручиться его благосклонностью и дружбой, а также отождествить себя с его администрацией.

Ссылаясь на эти письма, Хатчинсон (*History, ii., 194*) говорит: "Во времена, когда преобладает дух партии, во что только не поверят враги губернатора, каким бы вредным и абсурдным оно ни было? В такое время его обвиняли в том, что он выдал Лейслеру *summum jus* и понес вину за кровь, превышающую вину обычного убийцы. Другая сторона, несомненно, обвинила бы его в нарушении правосудия, если бы Лейслер был оправдан".

Дадли ответил на оба этих необычных послания в письме от третьего февраля 1708 года. Суровым и достойным языком осудив тон и стиль их писем, напомнив им с помощью метких цитат из Писания о "законах мудрого и христианского обличения", которые они нарушили, и показав, на каких ложных основаниях покоились их обвинения, он говорит: "Можете ли вы считать самым подходящим временем, чтобы сделать мне добро своими наставлениями, когда вы позаботились дать понять всему миру, что вы не в духе и полны последних

предубеждений против моей персоны и правительства?" "Каждый может понять, чем вызвано это притворство, и объяснить, откуда взялись эти письма, и как их можно было бы предотвратить, не ослабляя ни одной обиды, на которую вы жалуетесь". Он делает следующее предложение: "В конце концов, хотя у меня есть основания жаловаться до небес и земли на вашу нехристианскую опрометчивость, гнев и несправедливость, я все же сохранил бы христианский нрав по отношению к вам. Поэтому я заверяю вас, что готов дать вам все удовлетворение, которого требует христианство, в тех вопросах, в которых вам подобает стремиться получить его, когда вы, с должным настроением и духом, своевременно уведомив меня, сочтете нужным нанести мне визит с этой целью; и я ожидаю такого же удовлетворения от вас". Он предлагает следующее важное предложение: "Я желаю, чтобы вы сохранили свою должность и позволили пятидесяти или шестидесяти хорошим министрам, равным вам в провинции, иметь долю в управлении Колледжем и советоваться с ним, так же как и вы сами, и я надеюсь, что все будет хорошо". В заключение он утверждает, что его поддерживает благосклонность "министров Новой Англии", и характеризует проблему между ним и ними следующим образом: "Коллегия должна быть настроена против мнения всех министров Новой Англии, кроме вас, или губернатор будет разорван на куски. Таково мое мнение о вашей склонности".

Дадли продолжал руководить правительством еще восемь лет, пока возрастные недуги не вынудили его уйти в отставку. И Хатчинсон, и доктор Джон Элиот дают нам понять, что он вел государственные дела с большим умением и успехом, при общем одобрении всех классов, и особенно духовенства. Его заявление о том, что он пользовался поддержкой всех священнослужителей Новой Англии, кроме Матерса, несомненно, верно. Это, безусловно, относится и к министрам Бостона. В своем дневнике под 1709 годом Коттон Мазер пишет: "Другие служители города сегодня пируют с нашим нечестивым губернатором. Я же своей провокационной прямоотой и свободой, говоря этому Ахаву о его нечестии, добился того, что меня не пригласили. Я радовался своей свободе от соблазнов, которыми они были обременены". Он выделил этот день для поста и молитвы, особой целью которых, по его словам, было "получить избавление и защиту" от своих "врагов", имена которых, как он сообщает нам, он "назвал Господу, обещавшему быть моим щитом".

Горечь, с которой Мазер переживал отстранение от власти, ярко иллюстрирует письмо, адресованное им Стивену Сьюоллу, опубликованное мной в приложении к изданию моих *"Лекций"*, вышедшему в 1831 году. Привожу несколько выдержек: "Некоторое время назад несколько злобных парней, набросившись на меня в лавке книготорговца, среди прочего сказали: "А его друг Нойес его прогнал", на что разразились хохотом". "Без сомнения, вы понимаете, как нелепо обстояли дела в нашей последней Генеральной Ассамблее; голосование и неголосование в один и тот же день; и, наконец, белки постоянно бегут в открытый для них рот, хотя они прекрасно кричали против этого. А ваш сосед, Соугелдер, после своих неустанных трудов по кастрации всякой честности, был вознагражден, перед тем как суд распался, тем, что стал одним из ваших братьев-судей; и вся палата, как и сам отступник, все это время имела в виду как ожидаемую расплату за его беззаконие". "Если все будет продолжаться при нынешней администрации, то вскоре в стране не останется и тени правосудия. Взятничество, ставшее столицей преступлений у язычников, уже стало у нас причудой. Все офицеры учатся этому. И если я скажу, что судьи найдут к этому путь, некоторые скажут, что в этом деле не нужно будущего времени". "Все предано, и чтобы мы, на вершине нашего дома, могли завершить все, сама наша религия со всеми церквями, наконец, предана - предательство, осуществляемое с помощью лжи и ложных представлений, и завершено необдуманными руками нашего духовенства".

То, что Коттон Мазер всю свою последующую жизнь продолжал испытывать неудовлетворенность и поддаваться чувствам разочарованного человека, видно из его Дневника. Я процитировал из него несколько отрывков. Рецензент говорит, что он "полон покаянных признаний", и, похоже, уподобляет его в этом отношении апостолу язычников. Говоря о том, что я цитировал Дневник в качестве исторического свидетельства, он говорит: "Такое использование исповеди, как мы полагаем, не характерно для исторических писателей". Я не помню ничего похожего на "покаянные исповеди" в отрывках из Дневника, приведенных в моей книге. Читатель отсылается к ним в томе II, стр. 503. Они относятся к 1724 году и снабжены таким предисловием:

"Мрачные диспенсации, но свет, возникающий во тьме".

"Возможно, мне будет полезно обратить внимание на некоторые весьма мрачные обстоятельства, когда воздаяние за мои скудные труды в этой жизни выглядит несколько удручающе; а затем выразить торжество моей веры над такими и всеми удручающими обстоятельствами". "Из того, что выглядит мрачным, я могу коснуться дважды семи случаев".

Писатель в *"Христианском экзаменаторе"* за ноябрь 1831 года, у которого я их взял, опустил два, "по причине их слишком личного или домашнего характера".

Я не могу найти ни малейшего следа покаянной слезы в тех, которые я процитировал, и привожу сейчас только один из них, как относящийся к тому, что я говорю: "Что милостивый Господь дал мне сделать для блага страны? Бесчисленное количество заявлений в ее пользу, во всех ее интересах, кроме того, публикации полезных для нее и для нее вещей. И все же нет человека, которого бы страна так осыпала неуважением, клеветой и разнообразными выражениями неприязни".

Вот образец всех этих писем: одна половина рассказывает о том, что он сделал, другая жалуется, иногда почти ругает, на то, как плохо его вознаградили.

Президент Леверетт умер третьего мая 1724 года. Его смерть оплакивала вся страна, а самые выдающиеся люди наперебой старались почтить его память. Преподобный Бенджамин Колман назвал его "нашим господином" и назвал его жизнь "великой и доброй". "Молодые люди, увидев его, спрятались, а пожилые встали и поднялись". Доктор Эпплтон заявил, что он был "почетным украшением своей страны". Воистину, брешь так велика, что никто, кроме всемогущего Бога (с Которым пребывает остаток Духа), не может ее исправить или залечить". Покойный Бенджамин Пирс в своей *"Истории Гарвардского университета"* говорит, что "его президентство было успешным и блестящим". Его чествовали как за границей, так и на родине; его имя занесено в списки Лондонского королевского общества. Мистер Пирс говорит: "У него была большая и щедрая душа". Его природные способности были очень высокого порядка. Его достижения были глубокими и обширными. Он хорошо знал языки, искусства и "науки, историю, философию, право, богословие, политику". В его речи, поведении и самом облике было столько "величия и признаков величия", что студенты колледжа прониклись к нему благоговением и привязанностью. В своей ранней и более поздней жизни он был связан с колледжем в качестве наставника и президента; а в промежуточный период он занимал высшие законодательные и судебные должности, и ему были доверены самые важные функции, связанные с военной службой. Я склонен думать, что с учетом всех обстоятельств он может претендовать на то, чтобы от его имени отличился Коттон Мазер, как "несомненно, самый выдающийся человек своего времени в Новой Англии".

Президент Леверетт был похоронен шестого мая. Коттон Мазер выступил в качестве одного из носильщиков, а затем отправился домой и сделал следующую запись в своем дневнике, датированную седьмым числом: "Внезапная смерть этого несчастного человека, который занимал место президента в нашем колледже, откроет мне возможность оказать необычные услуги в лучших интересах. Я не знаю, будет ли теперь забота о Колледже возложена на меня; хотя мне сказали, что этого больше всего желают. Если это случится, я буду в изобилии страдать по этому поводу; но если нет, я смогу сделать много вещей на благо Колледжа более спокойно и с большей надеждой, чем раньше".

По мере того как время шло, а выбор президента не был сделан, он все больше и больше чувствовал, что враждебное ему влияние находится на подъеме; и первого июля он записывает в своем Дневнике следующее: "В этот день, когда мы отмечаем нашу несерьезную, плохо продуманную годовщину, которую мы называем началом учебы, я решил провести его дома в молитвах, отчасти за Колледж, чтобы он не был глупо выброшен на ветер, но чтобы Бог даровал ему такого президента, который станет богатым благословением для него и для всех наших церквей".

Тем временем он возобновил свое посещение собраний попечителей; за все время президентства Леверетта он ни разу не занимал своего места в этом органе, за исключением одной сессии. На собрании, на котором он присутствовал, шестого августа 1724 года, Совет проголосовал за скорейшее избрание президента. Одиннадцатого числа корпорация выбрала преподобного Джозефа Сьюолла из Старой Южной церкви, и Мазер записал это событие в своем дневнике следующим образом: "Мне сообщили, что вчера шесть человек, называющих себя корпорацией колледжа, собрались и, вопреки эпидемическим ожиданиям всей страны, выбрали скромного молодого человека, Сьюолла, чье благочестие (и мало ли что еще) все оценивают с похвалой".

"Я всегда предсказывал корпорации две вещи: Во-первых, что, если им удастся избежать меня, они это сделают. Во-вторых, если им удастся поступить глупо, они это сделают. Вечная зависть, с которой они относятся к моим сочинениям о служении Царству Божьему, и страх, который испытывает сатана перед тем, что я отбиваю у него каморку в колледже, привели меня к первому мнению; чудесная неосмотрительность, с которой управляются дела колледжа, привела меня ко второму".

Мистер Сьюолл отказался от назначения. Восемнадцатого ноября был избран преподобный Бенджамин Колман из церкви на Брэттл-стрит. Он также отказался, и в июне 1725 года был избран преподобный Бенджамин Уодсворт из Первой церкви, а инаугурация состоялась седьмого июля.

Таким образом, получается, что д-р Мэзер был явно обойден, а все остальные священнослужители Бостона последовательно избирались на этот великий пост.

Разумеется, он, как сообщает нам мистер Пирс, не принимал больше никакого участия в управлении Колледжем. Хотя он и считал, по его словам, "бессмысленность" тех, кому были поручены его дела, угрозой "не более чем роспуска Колледжа", он все же убеждал себя, что никогда не желал этой должности. По его словам, у него была "неописуемая причина восхищаться состраданием Небес, удержавших его от назначения"; и что он всегда испытывал "страх перед тем, чего, по мнению большинства трезвомыслящих людей", он желал - "мрачное предчувствие бедствий, которые навлечет на него призвание в Кембридж". - Он был искренен в этих заявлениях, без сомнения; но они показывают, насколько полно он мог ослеплять себя от прошлого и даже от настоящего. Мистер Пирс объясняет, почему корпорация была так решительна, отказывая Мазеру в голосовании: "Его современники,

похоже, составили очень верную оценку его характера". "Они видели, как видят потомки, что он был человеком удивительных способностей, огромной образованности, выдающегося благочестия и добродетели". "Они видели его слабости и эксцентричность". "Очевидно, что его суждения не были равны другим его способностям; что его страсти, которые от природы были сильными и бурными, не всегда находились под надлежащим контролем; что он был слаб, доверчив, восторжен и суеверен. Говорят, что его беседа была в высшей степени поучительной и занимательной, хотя часто омрачалась легкомыслием, тщеславием, неосмотрительностью и каламбурами". По этим причинам его сочли неподходящим человеком для президентства в колледже.

XVIII.

ТРУДЫ И ХАРАКТЕР ХЛОПКА МАЗЕРА.

Несмотря на попытку автора *"Североамериканского обозрения"* перевернуть справедливый приговор истории в отношении связи Коттона Мазера с салемиским колдовством, показать, какую несчастную роль он сыграл и какую страшную ответственность он понес, запустив и проведя через все стадии эту ужасную трагедию, и какие недостойные средства он использовал, чтобы переложить эту ответственность впоследствии на других, я не должен быть введен в заблуждение относительно этого необычного человека. Я поддерживаю слова мистера Пирса: "Он обладал большой энергией и активностью ума, быстротой восприятия, живым воображением, огромной памятью, необыкновенной способностью приобретать и передавать знания, с самым неутомимым прилежанием и трудолюбием; что он накопил огромный запас информации по всем предметам, человеческим и божественным". Я следую за мистером Пирсом и далее, полагая, что его природный темперамент был приятным, а чувства - благожелательными: "То, что он был привычным поборником и делателем добра, очевидно как из его трудов, так и из различных рассказов, которые передавались о нем".

Если зададут вопрос (а он, естественно, будет задан), как можно согласовать эти признания со взглядами и утверждениями о нем, содержащимися в этой статье и в моей книге о колдовстве, то ответ будет таким: человечество не делится на две абсолютно разные и полностью разделенные части - одна добрая, а другая злая. Хорошие люди могут, а плохие - способны, каждый из них принимает в свою жизнь и характер многое, что принадлежит другому. Такое смешение происходит повсеместно. Великие ошибки и великие прегрешения, вменяемые Коттону Мазеру, не делают невозможным выявление того, что было в нем похвального. Их можно объяснить, не выкидывая его за пределы человечности и не закрывая глаза на черты и достоинства, проявлявшиеся в других отношениях.

Необычайная быстрота его интеллекта - сама по себе всегда опасность, а зачастую и несчастье на всю жизнь - пробудила тщеславие и подвергла его лести, которой оно питается. Все родовые ассоциации и семейные влияния баловали его. Речь президента Оукса, произнесенная им на выпускном вечере, не могла не раздуть его до преувеличенных размеров. Клерикальные и политические амбиции были естественны, почти инстинктивны для того, чей отец и оба деда были представителями власти, как государственной, так и церковной. Религиозные идеи, если их можно так назвать, которым он был обучен с детства, в форме, имевшей для него больший вес, чем для любого другого человека во всей истории, поскольку они составляли главную черту чтения, разговоров, мыслей и трудов его отца, дали быстрый и омрачающий рост легковерию и суеверию. Дефект в его образовании, возможно, отчасти природный, оставил его без истинной логической культуры, так что он, кажется, в

своих произведениях и поведении не различает ни последовательности высказываний, ни связности предложений, ни последовательности действий, тем самым запутывая его в выражениях и заявлениях, которые имеют аспект неправды - его язык часто фактически носит этот характер, без его осознания этого. В его трудах можно найти множество примеров этой немощи. Некоторые из них уже были приведены в качестве примера. В своей "*Жизни Фипса*", называя себя автором документа, известного как "*Советы министров*", он использует следующий язык: "Мистером Мазером младшим, как мне сообщили". На самом деле он никогда не был *так информирован*. Он знал это по собственному желанию. Конечно, у него не было мысли обмануть; он просто следовал привычке, которую он приобрел, к подобным выражениям. Так же и когда он послал подарок в виде денег и брошюр "бедным и плохим людям" в Салеме вместе с анонимным письмом на имя министра этого места, "желая и уполномочивая его раздавать благотворительность *от своего имени*, надеясь таким образом *еще больше расположить к себе людей*", он смотрел только на одну сторону этого предложения и видел его не иначе, как благожелательную и дружескую сделку. Ему и в голову не приходило, что он предлагает обманную процедуру и втягивает министра в ложную позицию и практику.

Если к тому же учесть, чему он подвергался из-за своей склонности к политической власти и стремления к ней, в какие уловки, схемы, ухищрения и приспособления он был вовлечен при тогдашнем положении дел в колонии, а также связь, которую ведущие министры, хотя и не допущенные, строго говоря, к политическим должностям, имели с ходом государственных дел - его отец в такой степени, как ни один другой священнослужитель, ни до, ни после, - мы начинаем оценивать влияние, которое пагубно повлияло на ум Коттона Мазера.

Тщеславие, лесть, легковерие, отсутствие логической проницательности, борьба между политическими фракциями в неустроенный, неопределенный, переходный период между старым и новым уставами - всего этого достаточно, чтобы объяснить многое, что было неправильно в темпераменте и страстях Мазера, не подвергая сомнению его настоящие душевные качества, или, как я склонен думать, его сознательную честность, или искренность его религиозного опыта или исповедания.

Но его главная апология, в конце концов, должна быть найдена в той же сфере, в которой были совершены его главные преступления. Определенные темы и представления о невидимом, духовном и дьявольском мире, реальном или выдуманном, неважно, всю жизнь были обычной пищей, хлебом насущным его ума.

Пожалуй, можно с уверенностью сказать, что теологические образы и спекуляции того времени, особенно развитые в трудах двух Матеров, были более приспособлены к тому, чтобы ввести в заблуждение разум и окутать мраком его нравственное чувство, чем любая система, даже мифологическая, которая когда-либо существовала. Это была мифология. О ней можно свободно говорить сейчас, когда она, вероятно, ушла в прошлое во всех просвещенных сообществах христианства. Сатана был великим центральным персонажем в том, что в действительности являлось Пантеоном. Его окружали сонмы inferнальных духов, развоплощенных и воплощенных, невидимых демонов и единомышленников-людей. Его видели во всем и везде. Его шаги прослеживались в необычных происшествиях и в обычных действиях природы. Он витал над головами всех и подстерегал на каждом ежедневном пути. Испуганное воображение в любой обстановке и в любом образе жизни сталкивалось с призраками, явлениями, призраками, дьяволами. Это распространенное, почти всеобщее, упражнение доверчивой фантазии, возведенное в самое внушительное достоинство теологии и веры, должно быть, оказывало деморализующее воздействие на рациональное состояние и способности людей, а также на всю разборчивость и здравость мысли. Когда

заблуждение в самых экстравагантных формах изгнало простоту Евангелия из Церкви и мира, не приходится удивляться тому, что разум был доведен до самых шокирующих извращений, а совесть - до самых неоправданных поступков.

Суеверие того времени было предвосхищено свирепым каннибалом из классической мифологии - чудовищем, ужасным, отвратительным на вид и гигантским по росту. Его ждала та же участь. Глаз интеллекта был выжжен, свет разума потушен - *ui lumen ademptum*.

Коттон Мазер, всегда предававшийся созерцанию дьявольских фантазий, был вынужден принять участие в колдовском процессе, и это невозможно скрыть от света истории. Чем больше у него было талантов, чем искреннее он стремился быть полезным в других делах, тем весомее урок, который преподносит его поступок, о пагубном влиянии сбивающих с толку и омрачающих суеверий.

Есть и другое, особое объяснение той изворотливости, которая проявляется в его трудах. Он был мастером языка. Он мог с удивительной легкостью выразить любой оттенок мысли. Он также мог заставить язык скрыть мысль. Никто никогда не обращался со словами так ловко. Он мог приспособить их к своим целям, по своему желанию и с легкостью. Эта способность была востребована особыми обстоятельствами его времени. Необходимо было сохранить, по крайней мере, видимость единства между церквями, в то время как тогда, как и всегда, существовала большая тенденция к разнообразию спекуляций, касающихся казуистических вопросов божественности или политики служителей. Нужен был талант выражать в формулах настроения, которые действительно различались, так, чтобы скрыть разницу; и он им обладал. Он умел составить документ, который устраивал бы обе стороны, но, по сути, отвечал бы целям одной из них, как в *Совете министров*. Он мог утверждать какое-либо предложение и присоединять к нему то, что казалось лишь разумным изменением или дополнением, но что на самом деле можно было истолковать как более или менее подтверждающее или противоречащее ему, в зависимости от случая. Это была своего рода ловкость рук в использовании слов, и в то время ее называли "legerdemain". Он практиковал это так долго, что это стало характерной чертой его стиля; и он действительно, таким образом, обманывал как себя, так и других. Это опасность, которой подвержены изобретательные и причесанные писатели. Я склонен думать, что то, что мы не можем не считать явными искажениями, он считал в порядке вещей, вследствие, как только что было сказано, этой приобретенной привычки.

Стиль его изложения - энергичный и часто занимательный. Нил, автор "*Истории пуритан*", в письме к преподобному Бенджамину Колману, отзываясь с похвалой об одном из произведений Коттона Мэзера, говорит: "Оставалось только пожелать, чтобы оно было освобождено от тех каламбуров и шуток, которые сопровождают все его сочинения, прежде чем оно будет обнародовано" - *Массачусетские исторические сборники, I, v., 199*. - Мистер Пейрс, как было замечено, говорит о его "каламбурах" в разговоре. Нет уверенности, что для нынешнего читателя именно эти вещи составляют искупительную привлекательность его трудов и избавляют разум от неприятных последствий его легковерия и тщеславия, педантичных и часто надуманных ссылок, явных нелепостей, а иногда и отталкивающего характера его тем и вопросов.

Рецензент представляет меня как предубежденного против Коттона Мэзера. Это далеко не так. Сорок три года назад, еще до того, как мое внимание обратили на его связь с предполагаемыми колдовствами или с политическими делами его времени, я в теплых выражениях восхвалял его "образованность и либеральность" - проповедь *на посвящении Дома поклонения первой церкви в Салеме, штат Массачусетс, 48*.

Я не отказываюсь от своих слов. Коттон Мазер опережал свое время по либеральности чувств в отношении сектантских и конфессиональных вопросов. Он, несомненно, был великим студентом и прочитал все, что американский ученый мог тогда взять в руки. О быстроте его чтения рассказывали удивительные истории. Он был пожирателем книг. В то же время я без обиняков защищал его от обвинений в педантизме. Теперь я не могу этого сделать. Наблюдения и размышления изменили мои взгляды. На всех своих страницах он выставлял ссылки и цитаты из авторов, которых тогда, как и сейчас, редко читали, а также анекдоты, биографические случаи и критические замечания, касающиеся ученых и выдающихся личностей, о которых другие имеют мало информации, а о многих из них мало кто слышал. Это наполняло его современников удивлением, приводило к самым экстравагантным заявлениям в похоронных речах Бенджамина Колмана, Джошуа Ги и других, и производило общее впечатление, дошедшее до наших дней. Не умаляя его образованности, которая была поистине велика, нельзя отрицать, что эта излишняя демонстрация ее подвергает его справедливому обвинению в педантизме. В отличие от случая Коттона Мазера, это может иметь место в тех случаях, когда на самом деле нет никакой экстраординарной образованности. Это легко практикуемый авторский трюк.

Любому, кто хорошо читает по-латыни, обладает хорошей памятью и ведет хорошо оформленный альбом, нужно меньше полудюжины таких книг, как следующие, чтобы показать свою образованность и поразить мир своими ссылками и цитатами - шесть фолиантов Петавиуса по догматическому богословию и его меньший труд *"Rationarium Temporum"*, своего рода компендиум или расписание всеобщей истории; и том, напечатанный во второй половине семнадцатого века в Амстердаме, составленный Лимборхом, состоящий из обширной коллекции писем к и от самых выдающихся людей того и предыдущего века, таких как Арминий, Воссииус, Епископиус, Гроций и многие другие, охватывающий огромное разнообразие литературной истории, критики, биографии, теологии, философии и церковных вопросов - у меня перед глазами экземпляр этой работы, принадлежащий этому вундеркинду, д-ру Сэмюэлю Парру, который выразил свое мнение о том, что он не может не быть автором. Сэмюэлю Парру, который назвал ее "драгоценной книгой"; возможно, она во многом способствовала тому, чтобы придать его произведениям ту атмосферу редкой образованности, которая поражала его современников. Чтобы дополнить этот обширный материал и дать возможность продемонстрировать любое количество знаний в областях, посещаемых немногими, единственной необходимой книгой является *"Жизнь литераторов"* Мельхиора Адамса, включающая всех наиболее выдающихся людей, связанных с богословием, философией и прогрессом образования и культуры, в течение пятнадцатого и шестнадцатого веков, вплоть до 1615 года. Передо мной экземпляр этой последней работы, принадлежавший Ричарду Мазеру и, вероятно, привезенный им с собой во время опасного путешествия в 1635 году. Она последовательно находилась в библиотеках его сына, Инкреза, и его внука, Коттона Мазера. В углу одного из пустых листов имеется надпись, сделанная, по-видимому, рукой Инкреза Мазера: "Начато 1 марта, закончено 30 апреля 1676 года". Согласно распространенной традиции, Коттон прочел бы его за день или два. В ней содержатся всевозможные интересные вещи - личные анекдоты, критические замечания и поразительные отрывки из жизни и трудов более чем ста пятидесяти выдающихся людей, таких как Эразм, Фабриций, Фаустус, Кранмер, Треллеллий, Петр Мученик, Беза и Джон Нокс. Имел ли Мазер доступ к каким-либо из вышеупомянутых работ, кроме последней, точно неизвестно; но, поскольку его библиотека была очень обширной, он не жалел ни средств, ни денег на ее комплектацию, а эти книги были в то время в нескольких экземплярах и именно такого рода, чтобы привлечь его и удовлетворить его фантазию, не исключено, что он имел их все. Они бы поместили в

легкодоступном месте большую часть той массы удивительной эрудиции, которой он "развлекал" своих читателей и слушателей.

Коттон Мазер умер тринадцатого февраля 1728 года, на шестьдесят пятом году жизни.

Тридцать шесть лет прошло с момента рокового инцидента с салемским колдовством. Вероятно, он уже давно убедился, что напрасно пытаться поколебать общее мнение, выраженное Калефом, что он был "самым активным и передовым из всех министров в стране в этих вопросах", и согласился с общим мнением оставить этот вопрос. Всем должно быть приятно думать, что последние годы его жизни прошли без влияния тех факторов, которые разрушили покой его жизни и наложили тень на его имя. Попытавшись управлять как видимым, так и невидимым миром, он, вероятно, оставил их оба в руках Провидения и пережил, как никогда ранее, краткий период спокойствия, прежде чем окончательно покинуть сцену. Его стремление управлять провинцией прекратилось. Цель всей его жизни - президентство в Колледже - была навсегда пресечена. Ничего, кроме бед и несчастий для себя и других, не принесла его попытка возглавить великую борьбу с дьяволом и его приспешниками. Она разожгла его раннее рвение и честолюбие, но этот огонь был погашен. Две связи, которые больше, чем все другие, связывали его, его добрые привязанности и его несчастные страсти, с тем, что происходило вокруг него, были разорваны, почти одновременно, смертью его отца в 1723 году и его великого и успешного соперника, Леверетта, в 1724 году. Тяжелые домашние испытания и утраты завершили работу по отлучению его от мира; и утверждается, что в последние годы жизни обиды были похоронены, а узы разорванной дружбы восстановлены. Самое приятное общение происходило между ним и Бенджамином Колманом; люди всех партий искали его общества и слушали беседу, которая всегда была одним из его блестящих даров; он писал о Дадли с добротой; и его конец был таким же мирным, какой была бы вся его жизнь, если бы не злонамеренные влияния, которые я попытался описать, приведшие его к ошибкам и прегрешениям, которые, хотя их и описывает верная история, люди должны рассматривать с внимательной откровенностью, как Бог с бесконечной милостью.

Любопытно, что на двух больших публичных похоронах в те ранние времена, о которых у нас сохранились какие-либо конкретные свидетельства, были похороны людей, которые при жизни так яростно враждовали друг с другом. Когда хоронили Леверетта, кавалькада из официальных лиц, студентов и народа "была готова проехать почти до самого Гастингса, прежде чем вернуться", настолько велика была длина процессии: на похоронах Мазера присутствовало самое большое скопление людей, которое когда-либо наблюдалось в Бостоне.

XIX.

ТРУДЫ И ХАРАКТЕР РОБЕРТА КАЛЕФА.

Я подхожу к завершению этой затянувшейся дискуссии с тем, что было намеренно отложено. Статья в *"Североамериканском обозрении"* опирается на отрицание авторитета Роберта Калефа. Ее автор говорит, что "его способности представляются нам низшего порядка". "У него было очень слабое представление о том, что такое достоверное свидетельство". "Если он и не лгал намеренно, то имел весьма несовершенное представление об истине". Он говорит о "дисквалификации Калефа как свидетеля". Он пытается дискредитировать его, предлагая идею, что в своих первоначальных действиях против Мазера он был подстрекаем

уже существовавшей враждой - "Робертом Калефом, между которым и мистером Мазером существовала личная ссора". "Его личный враг, Калеф".

Нет никаких доказательств ни сложностей, ни того, что можно назвать "враждой", между этими двумя людьми до их общения друг с другом в деле Маргарет Рул, начавшемся тринадцатого сентября 1693 года. Сам Мазер утверждает в своем Дневнике, что вражда между ними возникла из-за несогласия Калефа с его, Мазера, взглядами, касающимися "существования и влияния невидимого мира". Насколько нам известно, их знакомство началось в указанную дату. Поэтому предположение о существовавшей ранее вражде создает несправедливое и неправомерное впечатление.

Роберт Калеф был уроженцем Англии, молодым человеком, проживавшим сначала в Роксбери, а затем в Бостоне. Он слыл человеком здравомыслящим и, судя по тому, как Мазер упоминает о нем, в одном случае обладал значительными средствами: вероятно, он преуспевал в своем бизнесе, который был купеческим. Ни слова не сказано против его характера, за исключением его спора с Матерами; все, что о нем известно, наоборот, указывает, что он был благородным и превосходным человеком. Он пользовался доверием народа и был призван к выполнению муниципальных обязанностей, для которых выбирались только надежные, осмотрительные, бдительные и честные граждане, получив благодарность города за свои услуги в качестве смотрителя бедных. Поскольку он столкнулся с безумием и жестокостью людей, когда они под предводительством Коттона Мазера были охвачены колдовским бредом, необычным обстоятельством, составляющим почетное отличие, которое они разделили, является то, что в более поздний период своей жизни они плечом к плечу, вместе мужественно выдержали еще одну бурю народного фанатизма, публично выступив за прививку от оспы. В 1721 году он предложил нескольким своим детям пройти курс лечения у доктора Бойлстона. Его семья продолжала поддерживать респектабельность фамилии и с честью упоминается в муниципальных записях. Судно под названием "*Лондон*" регулярно курсировало между этим портом и Бостоном и, вероятно, было одним из самых больших судов, построенных в то время в Америке. Командовал им Роберт Калеф; в газете "*Бостон ивнинг пост*" от второго мая 1774 года "доктор Калеф из Ипсвича" упоминается среди пассажиров, только что прибывших на судно. Под этим и другими именами потомки семьи Калеф, вероятно, столь же многочисленны и респектабельны, как и Мазеры; и в этом, как и во всех других более высоких счетах, есть равное требование справедливости по отношению к их соответствующим предкам.

Мазер рассказывает, что молодая женщина по имени Маргарет Рул, жительница северной части Бостона, "спустя много месяцев после того, как закончилась всеобщая буря, вызванная последними чарами", "когда в стране уже давно было довольно тихо", была "захвачена злыми ангелами, как приставаниями, так и обвинениями из Невидимого мира". В День Господень, десятого сентября 1693 года, "после нескольких часов предыдущего волнения в общественном собрании, она впала в странные припадки", и ее пришлось вывести из общины и отнести домой, "где ее припадки, через несколько часов, выросли в фигуру, которая удовлетворила зрителей в том, что они были сверхъестественными". Далее он говорит, что "с 10 сентября по 18-е она соблюдала полный пост, и, тем не менее, по окончании девяти дней она была такой же свежей, такой же живой, такой же бодрой, как и до их начала. Все это время она испытывала сильный голод в желудке, но если ей приносили какое-нибудь угощение, у нее сводило зубы, и она впадала во многие беды. И действительно, однажды, или дважды, или около того, за все это время ее мучители позволили ей проглотить

полный рот чего-нибудь, что могло бы увеличить ее страдания, из которых ложка рома была самой значительной".

Разумеется, об этой истории узнали во всем мире. Оно достигло ушей Роберта Калефа. Тринадцатого числа, после захода солнца, в сопровождении других людей он отправился в дом, "влекомый", как он говорит, "любопытством увидеть Маргарет Рул, и тем более, что, по слухам, мистер Мазер будет там этой ночью". Их провели в комнату, где она лежала в постели. Они нашли ее со здоровым лицом. Ей было около семнадцати лет. Вскоре после этого в палату вошли Инкреш и Коттон Мазер с другими людьми. Всего в комнате находилось от тридцати до сорока человек. Калеф составил протокол о том, что было сказано и сделано. Он повторил свой визит вечером девятнадцатого числа. Коттон Мазер пробыл с Маргарет полчаса и ушел до его прихода. Каждый вечер Калеф составлял письменные протоколы сказанного и сделанного, точность которых подтверждалась подписями двух человек, которые они были готовы подтвердить своей клятвой. Он показал их некоторым друзьям Мазера. После этого Мазер проповедовал о нем; послал сообщение, что должен арестовать его за клевету; и назвал его "одним из худших лжецов". Калеф написал ему письмо двадцать девятого сентября и, ссылаясь на жалобы и обвинения Мазера, предложил, чтобы они встретились в одном из двух упомянутых им мест, каждый в сопровождении друга, и тогда он, Калеф, зачитает ему сделанные им протоколы того, что произошло вечером тринадцатого и девятнадцатого числа. Мазер прислал длинное письмо, которое ему не вручили, а прочитали, в котором он соглашался встретиться с ним, как предлагалось, в одном из мест; а тем временем, по жалобе Мазеров за скандальные пасквилы на Коттона Мазера, Калеф предстал перед "Их Величеством Правосудием, и был связан для ответа на заседаниях". Мазер, разумеется, не дал ему встречи для обсуждения, как было условлено. Двадцать четвертого ноября Калеф снова написал ему, ссылаясь на то, что тот не встретился с ним, и на возбужденное им судебное дело; и поскольку время явки в суд приближалось, он "счел не лишним изложить вкратце" свои взгляды на "великое дело", о котором они спорили. Вначале он заявляет: "То, что ведьмы существуют, не вызывает сомнений". Рецензент ухватился за это выражение, чтобы передать мысль о том, что Калеф пытался примирить Мазера и побудить его отказаться от обвинения. Тот, кто прочтет письмо, увидит, насколько это несправедливо и неправдиво. Калеф придерживается сути дела, которая заключается не в том, существуют или могут существовать ведьмы, а в том, являются ли методы, которые пытался применить Мазер в случае с Маргарет Рул и которые были использованы в Салеме за год до этого, законными или оправданными. Он был полон решимости не допустить смещения вопроса.

Получив это письмо, Мазер, который, вероятно, поразмыслив, начал сомневаться в целесообразности публичного обвинения, дал понять, что у него нет желания настаивать на обвинении, и повторил предложение о конференции. Калеф "дождался Сессии", но никто из выступавших против него не был уволен. В этот момент казалось, что дело близится к полюбовному завершению. Но Мазер не смог встретиться с ним, и одиннадцатого января 1694 года Калеф снова обратился к нему с изложением произошедшего, отправив ему копии своих предыдущих писем, а также протоколы, которые он сделал о том, что произошло вечером тринадцатого и девятнадцатого сентября, с такими словами "Преподобный сэр: Считаю это необходимым по многим причинам, я представляю вам копию той бумаги, которая была так сильно искажена, с той целью, чтобы то, что будет найдено дефектным или несправедливо представленным, если таковые появятся, могло быть исправлено".

Это письмо заканчивается словами, которые показывают, что на этой стадии дела Калеф был расположен относиться к Мазеру с большим уважением; и что он искренне и серьезно желал и верил, что удовлетворение может быть дано и принято в беседе, которой он так настойчиво

добивался - не только в отношении дела Маргарет Рул, но и в отношении общей темы колдовства, по поводу которой у них были разные опасения: "У меня есть основания надеяться на удовлетворительный ответ ему, который является одним из тех, кто почитает вашу персону и должность".

Эта фраза ярко иллюстрирует оценку, которой придерживались министры. Почтение к их должности и к ним самим пронизывало все сословия.

Пятнадцатого января Мазер ответил, в общих чертах выразив недовольство рассказом, содержащимся в протоколах Калефа, следующим образом: "Во всей газете я не нахожу почти ни *одной* вещи, касающейся моего отца или меня самого, ни справедливой, ни правдивой". "Повествование содержит ряд ошибок и неправд, которые, если бы они были умышленными и продуманными, можно было бы справедливо назвать большой ложью". Затем он переходит к уточнению нескольких деталей, в которых, по его мнению, протокол неверен.

Восемнадцатого января Калеф ответил ему, напомнив, что он почти не обращал внимания на общую тему о дьявольском влиянии; но почти все его письмо относится к протоколам собраний тринадцатого и девятнадцатого сентября; он подтверждает их существенную точность и показывает, что некоторые из строгостей Мазера были основаны на неправильном их прочтении. Что касается различий в воспоминаниях Мазера о некоторых моментах, он выражает уверенность в том, что если его рассказ в протоколах "не совсем точен, он был настолько близок, насколько могла позволить память". Он отмечает тот факт, что не находит в письме Мазера никаких возражений против того, что касалось вопросов, представляющих наибольший интерес. Мазер жаловался, что в "Протоколах" сообщается о некоторых заявлениях Руле, которые были использованы во вред ему; и Калеф предполагает: "Что можно ожидать меньшего от отца лжи, которым, как вы судите, она была одержима?"

К письму Мазера прилагаются документы, подписанные несколькими людьми, которые заявляют, что видели, как Руле невидимой силой подняло с кровати на верхнюю площадку комнаты, в то время как сильный человек навалился на нее всем своим весом, а несколько других пытались всеми силами удержать ее или оттащить назад. По поводу этих свидетельств Калеф замечает: "В целом, полагаю, вы ожидаете, что я поверю этому; и если так, то единственное преимущество заключается в том, что то, о чем так долго спорили протестанты и паписты, прекращаются ли чудеса, теперь, похоже, будет решено в пользу последних; это, насколько я могу судить, если это так, столь же истинное чудо, как то, что железо плавает; и дьявол может творить такие чудеса".

Калеф снова написал ему девятнадцатого февраля, еще раз моля, чтобы тот оказал ему такую услугу, как изложение своих взглядов на важные предметы, для правильного понимания которых он так часто искал конференции и написал столько писем; и выражая искреннее желание быть исправленным, если он заблуждается, для чего, если Мазер не сделает этого, он предавался надежде, что другие сделают это, принеся ему облегчение и удовлетворение. Шестнадцатого апреля он написал еще одно письмо. Во всех них он затрагивал спорные вопросы, стоявшие между ними, и просил Мазера изложить свои взгляды во всей полноте, как человека, ищущего света. Первого марта он написал одному джентльмену, подтверждая, что получил через его руки, "после более чем годового ожидания", от Коттона Мазера четыре листа бумаги, не подлежащие копированию и подлежащие возврату через две недели. Вернув их с комментариями, он просит джентльмена попросить мистера Мазера не присылать ему больше подобных бумаг, если только ему не будет позволено их копировать и использовать. Похоже, что в ответ на следующее письмо Мазер прислал ему экземпляр книги Ричарда Бакстера "*Уверенность в мире духов*", на который через некоторое время

Калеф нашел время ответить, выразив свое несогласие с мнениями, изложенными в этой книге, и несколько расширив тему. В этом письме, завершающем его переписку с Мазером, он обращается к нему с торжественным и суровым призывом: "Хотя есть основания надеяться, что эти дьявольские принципы еще не настолько возобладали (среди множества христиан), чтобы приписывать ведьме и дьяволу свойства, присущие Всемогущему; однако как мало найдется желающих противостоять такому потоку, зная, что при этом они непременно встретят сильнейшее сопротивление со стороны многих, как магистратов, так и министров и народа; И на них, самых благочестивых людей, будут лихо навешивать клички саддукеев, атеистов и, возможно, ведьм; и если они не такие ученые, как некоторые из них, то их сочтут пригодными только для того, чтобы их топтали, а их аргументы (хотя они и рациональны и основаны на Писании) - только для презрения. Но хотя такова плачевная дилемма, все же некоторые время от времени осмеливаются (во славу Божью, ради блага и безопасности человеческих жизней и т. д.) идти на все эти риски. И Бог, сказавший: "Славу Мою Я не отдам другому", способен защитить тех, кто исполняет свой долг здесь, от всех противников; и, какими бы презренными они ни были, он может сделать их полезными в Своей собственной руке, которая иногда выбирает самые слабые инструменты, чтобы Его сила могла быть более прославленной".

"А теперь, преподобный сэр, если вы сами сознаете, что своими принципами или практикой потворствовали столь великим ошибкам, я не понимаю, как можно быть искренним, быть настолько убежденным в вопросах, так близко касающихся славы Божьей и жизни невинных, и в то же время так бояться унижения среди людей, чтобы плутовать с совестью и отрекаться от прежних настроений. Вы знаете слова: "Кто чтит меня, того я почитаю, а кто презирает меня, тот будет мало почитаем". Но если вы считаете, что в этих вопросах вы выполнили свой долг и научили людей своему; и что доктрины, приведенные в вышеупомянутой книге [*Бакстера*], неоспоримы, то я закончу почти его словами. Тот, кто учит подобным доктринам, если по невежеству не верит в то, что говорит, может быть христианином; но если он верит им, он на широком пути к язычеству, дьяволизму, папизму или атеизму. Это торжественное предостережение (*Гал., i., 8*): "Если же мы или Ангел с неба проповедуем вам иное Евангелие, кроме того, которое мы проповедовали вам, да будет он проклят". Надеюсь, вы не поймете превратно моих намерений, которые я, преподобный сэр, могу вам приказывать".

Решительно настроенный на то, чтобы по возможности заставить министров ответить на вопросы, которые он считал своим долгом рассмотреть и решить, и стремясь не оставить без внимания ничего, что он мог бы сделать, он искал удовлетворения у других, которое он тщетно пытался получить от Мазера. Восемнадцатого марта 1695 года он обратился с письмом "К министрам, будь то английским, французским или голландским", призывая их обратить внимание на "таинственные доктрины", касающиеся "власти дьявола", и на тему колдовства. В двадцатых числах сентября он написал преподобному Сэмюэлю Уилларду, призывая его обратить внимание на "великую проблему" и помочь в ее справедливом обсуждении. Двенадцатого января 1696 года он обратился к "Священнослужителям в Бостоне и его окрестностях" с той же целью, а также написал отдельное письмо преподобному Бенджамину Уодсворту.

Все эти документы были составлены с большой искренностью, откровенностью и умением; они свидетельствуют о его уме, мужестве и чувстве общественного долга. Я привел этот подробный отчет о его отношениях с Мазером и духовенством в целом, потому что я убежден, что нельзя найти ни одного случая, когда великий вопрос решался бы с большей осторожностью, обдуманностью, терпением, мужественной открытостью и прямоотой, а

также героической стойкостью и доблестью, чем этот молодой торговец, заставивший всех заинтересованных лиц подчиниться тщательному исследованию и пересмотру мнений и практик, утвердившихся благодаря авторитету великих имен и распространенным страстям и предрассудкам, огражденных властью и ужасами церкви и государства.

Очевидно, что в какой-то мере ему должны были помогать люди, знакомые с темами обучения и методами рассмотрения таких предметов, в такой степени, которая недоступна простому деловому человеку. В первом томе *"Трудов Массачусетского исторического общества"*, стр. 288, приведен меморандум, из которого я делаю выписку, написанный рукой доктора Белкнапа, в его экземпляре книги Калефа из библиотеки этого выдающегося историка, подаренной его наследниками этому учреждению: "Молодой человек, здравомыслящий и свободный от суеверий; купец в Бостоне. Материалы для своей работы ему предоставили мистер Брэттл из Кембриджа, его брат из Бостона и другие джентльмены, выступавшие против Салемского процесса. Р."

Тот факт, что Белкнап одобрил это заявление, придает ему достаточную убедительность. Кто был "Э. П." и от кого он произошел, неизвестно. Если это был один из Эбенезеров Пембертонов, отец или сын, то более высокого авторитета не найти. Но какую бы помощь ни получил Калеф, он так тщательно переварил и усвоил ее, что был готов встретиться с Мазером или с любым другим министром, или со всеми другими министрами, чтобы провести конференцию и дебаты; и его право на авторство этих документов остается полным.

Министры не дали ему того удовлетворения, которого он искал. Они были парализованы влиянием или страхом перед Мэтерами. Возможно, они были шокированы, если не возмущены тем, что неспециалист осмелился предпринять такое движение против министра. Это был случай возложения неосвященных рук на рога алтаря, равного которому по дерзости не было со времен Анны Хатчинсон ни у кого, кроме квакеров. Калеф, однако, был полон решимости привлечь внимание всего мира, если он не мог привлечь внимание бостонских министров, к этому вопросу; он подготовил и отправил в Англию для печати книгу, содержащую все, что произошло, и многое другое с той же целью. Она состоит из нескольких частей.

Часть I - рассказ о страданиях *Маргарет Рул*, написанный Коттоном Мазером под названием *"Еще одно клеймо, вырванное из огня, или Чудеса невидимого мира"*. В моей книге случай с Маргарет Рул описывается как произошедший в следующее "лето" после колдовского бреда в Салеме. Это дает рецензенту возможность в своем обычном стиле наброситься на меня следующим образом: "Дело происходило не летом; дата известна любому, кто ее найдет". Коттон Мазер говорит, что она "впервые обнаружила, что ее официально осаждают призраки", десятого сентября. Из предыдущих абзацев того же параграфа можно сделать вывод, что у нее были приступы и раньше. Он говорит о тех, десятых, как о "первых, о которых я упомяну". Слово "формально" тоже почти подразумевает то же самое. Однако это, пожалуй, самая незначительная критика, хотя и произнесенная Рецензентом в стиле задиристого педагога. Если не позволить лету немного позаимствовать у сентября, то в нашем климате ему порой нечем будет похвастаться. Десятое сентября, в конце концов, находится в пределах астрономического лета.

Рецензент говорит, что мне будет "трудно доказать", что Маргарет Рул принадлежала к конгрегации мистера Мазера до сентября 1693 года. Мазер оправдывает свой интерес к ее делу тем, что она была одной из его "бедной паствы". Рецензент поднимает вопрос по этому поводу; и его спор ведется с Мазером, а не со мной. Если Рул не принадлежала к

конгрегации Северного Бостона, когда Мазер впервые посетил ее, то его язык обманчив, а его извинения за вмешательство в это дело основаны на лжи. Я не делаю таких обвинений и не имею такого убеждения. Похоже, рецензента заставили представить Коттона Мазера в своем свете - фактически, фальсифицировать его язык в этом вопросе - слова о том, что ее посетил другой министр, к пастве которого она принадлежала и которого она называла "отец". Это был Увеличенный Мазер. Мы знаем, что он навещал ее; и это было так же правильно для него, как и для Коттона. Они были помощниками служителей одной и той же общины - той, к которой принадлежала девушка, - и вполне естественно, что она должна была выделить старшего, назвав его "отцом".

Опровергая другое мое утверждение, рецензент говорит: "Мистер Мазер не опубликовал ни отчета о длительных постах, ни какого-либо другого отчета о случае Маргарет Рул". Похоже, он считает, что слово "опубликовал" означает "напечатал". Это слово не обязательно означает и не определяется как исключительно означающее "напечатать". Чтобы быть "опубликованным", документ не обязательно должен быть напечатан сейчас. Тем более тогда. Мазер написал его, как он говорит, с расчетом на то, что его напечатают и пустят в открытое и свободное обращение. Калеф публично заявил, что получил ее от "джентльмена, который имел ее у автора и передал для использования с его явного согласия". Мазер говорит в предисловии: "Теперь я представляю вам очень занимательную историю "одного человека, с которым очень жестоко обошлись злые Ангелы". "Я пишу ее не с целью бросить в печать, а лишь для того, чтобы сохранить память о таких памятных вещах, забвение которых не было бы ни угодно Богу, ни полезно людям". Неограниченное распространение произведения такого рода с таким замыслом было его *изданием*. Именно в такой форме в те дни публиковались почти все вещи. Если бы Калеф опустил ее в книгу, претендующей на правдивый и полный отчет о его отношениях с Мазером в деле Маргарет Рул, его бы обвинили в том, что он утаил тщательно подготовленный взгляд Мазера на это дело. Сам Мазер рассматривал распространение своего "отчета" как публикацию, поскольку, говоря о своем намерении в конечном итоге напечатать его самостоятельно, он называет его "дальнейшей публикацией".

Часть II. включает в себя переписку между Калефом, Мазером и другими, которую я особо описал.

Часть III представляет собой краткий рассказ о проблемах прихода в деревне Салем.

Часть IV - переписка между Калефом и джентльменом, имя которого не указано, по вопросу о колдовстве, причем последний придерживается распространенных в то время взглядов.

Часть V. - *беспристрастный отчет о наиболее примечательных фактах, касающихся предполагаемого колдовства в Новой Англии*, включая "Отчет" о судебных процессах, приведенный Мазером в его *"Чудесах невидимого мира"*.

Работу предваряет *"Послание к читателю"*, написанное простым, но резким языком, в котором он говорит: "Очень жаль, что эти факты, да и все остальное, не были сделаны кем-то более умелым, более опытным и обладающим преимуществами как природного, так и приобретенного суждения; но, поскольку других не нашлось, я заставил себя сделать то, что сделано. Другие мои случаи не допускают дальнейшего рассмотрения". Постскрипtum содержит несколько строгих замечаний по поводу недавно напечатанной *"Жизни сэра У. Фипса"*, "которая, - говорит Калеф, - хотя и не содержит имени автора, но стиль, манера и содержание таковы, что, если бы не было другой демонстрации или знака, по которому можно было бы узнать его, не было бы колдовством определить, что автором ее является мистер Коттон Мазер". Реальное участие сэра Уильяма Фипса в разрушении одним суровым

ударом Суда судей и терминаторов и вытеснении преследований за колдовство никогда не было известно до недавнего времени. Записи Совета того времени были получены из Англии не так давно. Они, а также документы Общего суда, письмо Фипса правительству страны, скопированное в этой статье, и дневник судьи Сьюолла раскрывают нам действия храброго губернатора и показывают, насколько то поколение и последующие времена обязаны ему тем, что он остановил то, что, если бы он позволил этому продолжаться, пришло бы, и никто не может сказать, "куда, наконец".

Калеф отзывается о сэре Уильяме доброжелательно: "Не приходится сомневаться, что он стремился к благу народа; и очень жаль, что его правительство было так запятнано (за неимением лучшей информации и советов от тех, чьим долгом было давать их) хобгоблинским чудовищем - колдовством, благодаря которому эту страну кошмарили и изводили с такой скоростью, которую нелегко себе представить".

Таково было содержание и таков тон книги Калефа. Курс, которым он следовал, его забота о том, чтобы поступать правильно и укреплять свои позиции по мере продвижения вперед, и сознательное мужество, с которым он встретил ответственность, связанную с его движением за избавление страны от пагубного суеверия, достойны благодарной памяти.

Мазер получил сведения о том, что Калеф отправил свою книгу в Англию, чтобы ее напечатали; и его разум был очень напряжен в связи с этим. Он выделил десятое июня 1698 года для частного поста по этому поводу; и он начал его с того, что "прежде всего заявил Господу", что свободно простил Калефа, и молил "Господа простить и его". Он "умолял Господа", говоря, что замысел этого человека состоит в том, чтобы повредить его "драгоценным возможностям прославить" его "славного Господа Иисуса Христа". Он искренне просил, чтобы эти возможности не были "прокляты" книгой Калефа. И в завершение он попросил избавить его от клеветы. Итак, "я передаю моего клеветника в руки праведного Бога".

Пятого ноября, когда книга Калефа была получена в Бостоне, Мазер снова сделал ее поводом для поста и молитвы. Его друзья также провели день в молитве, как он выражается, "чтобы пожаловаться Богу" на Калефа, и он, Мазер, встретился с ними. Двадцать пятого ноября он пишет в своем дневнике следующее: "Господь позволил сатане поднять необычайную бурю на меня и моего отца. Вся ярость сатаны, направленная против святых церквей Господних, обрушилась на нас. Сначала Телячья, а затем Колманская, приводят народ в сильное брожение".

Записи в его дневнике в это время показывают, что он был в высшей степени раздражен против Калефа, к которому он применяет такие выражения, как "лжец", "мерзкий", "позорный", вменяя ему дьявольскую злобу. Он говорит о нем как о "ткаче" и в остроумной манере называет его *Теленком* - способ написания его имени, который иногда практиковался, но затем, как правило, выходил из употребления. Вероятно, гласная а раньше, как и в большинстве слов, имела широкий звук, так что произношение едва заметно отличалось, когда она использовалась как диссиллированный или монослог. Поскольку широкое звучание в значительной степени утратило свою актуальность примерно в это время, имя стало произноситься, как и писаться, как дислинг, а гласная имела долгий звук. На титульном листе его книги было написано "*Калеф*" и напечатано именно так; так что изменение Мазером этого имени было неоправданным и недостойным издевательством.

Нет нужды говорить, что передергивание предыдущего рода занятий человека или его родителей, попытка дискредитировать его в связи с тем, что в какой-то период своей жизни он был механиком или фабрикантом, или опускание, или изменение буквы в его имени, не

так уж много значат для подрыва его характера и авторитета, как человека или автора. Резкие слова в жарком споре также не имеют никакого значения. В данном случае, в частности, обвинение Мазера в том, что он назвал Калефа *лжецом*, было напрасным и пустым. Что касается отчета, который тот составил о том, что происходило в покоях Маргарет Рул: поскольку он отправил его Мазеру для исправления, а Мазер указал некоторые пункты, которые счел ошибочными, его заявление о том, что все остальное - сплошная ложь, было совершенно бесполезным и может быть воспринято только как бессмысленное и неэффективное выражение нравов. Что касается правдивости заявлений Калефа в целом, то здесь не остается места для сомнений.

В своем дневнике за февраль 1700 года Мазер пишет, говоря о "клевете, которую сатана через свое орудие, *Калефа*, обрушил на него и его отца", что "Господь вложил в сердца значительного числа нашей паствы, которые по своему временному положению более равны нашему противнику, желание выступить в нашу защиту". Для этой цели был назначен комитет из семи человек, включая Джона Гудвина. Они призвали своих пасторов снабдить их материалами, что те и сделали. Комитет составил, как сообщает Мазер в своем дневнике, "красивый ответ на клевету и пасквилы нашего клеветнического противника", который был немедленно напечатан, а имена членов комитета подписаны к нему. Памфлет был озаглавлен "*Несколько замечаний* и т. д.". Мазер говорит о ней: "Господь благословляет ее, чтобы просветить Свой народ во многих вопросах наших усилий служить им, в которых они были невежественны; кроме того, перед всеми церквями представлен очень похвальный пример того, как народ защищает своих обиженных пасторов, когда против них поднята буря гонений".

Это обоснование в основном посвящено делу детей Гудвина за двенадцать лет до этого, а также защите курса Инкреза Мазера в Англии в отношении Старой и Новой хартий. Не было предпринято никаких серьезных попыток опровергнуть существенные моменты в книге Калефа, касающиеся салемского колдовства. Поскольку с помощью многочисленных свидетельств было бы очень легко разоблачить любую ошибку, касающуюся этого вопроса, и поскольку ни в этом, ни в каком-либо другом случае не было предпринято никаких попыток подобного рода, остается только принять убеждение Хатчинсона, что "Калеф был честным рассказчиком" этого отрывка нашей истории.

Поэтому его книга дошла до нас, неся на себе неизгладимую печать истины.

В то время ее так считали в Англии, о чем свидетельствует то, как на нее ссылались Фрэнсис Хатчинсон и Дэниел Нил; а в Америке - то, как Томас Хатчинсон говорит о Калефе и ссылается на изложенные им факты. Я привожу, полностью, суждение доктора Джона Элиота, приведенное в его *Биографическом словаре*. Учитывая, что работа Элиота была опубликована в 1806 году, читатель может сам прокомментировать утверждение в "*Североамериканском обозрении*", что я в 1831 году дал неблагоприятную оценку деятельности Коттона Мазера в колдовских заблуждениях 1692 года. Можно с уверенностью сказать, что нельзя ссылаться на более высокий авторитет, чем Джон Элиот: "Калеф, Роберт, купец из города Бостона, прославился своей книгой против колдовства, когда жители Массачусетса находились в самом странном заблуждении. Считалось, что природа этого преступления, столь противоположного здравому смыслу, освобождает обвинителей от соблюдения правил здравого смысла. Это было очевидно на примере суда над ведьмами в Салеме в 1692 году. Мистер Калеф противопоставлял факты, облеченные в простую одежду правды, причудливым представлениям; при этом он оскорблял людей величайшей учености и влияния. Ему пришлось вступить в полемику, которую он вел с большой смелостью и решительностью. Его письма и защита были напечатаны в одном томе в Лондоне в 1700 году.

Доктор Инкрес Мазер был тогда президентом Гарвардского колледжа; он приказал сжечь эту нечестивую книгу во дворе колледжа, а члены Старой Северной церкви опубликовали защиту своих пасторов, преподобных Инкреса и Коттона Мазера. Памфлет, напечатанный по этому случаю, имеет такой заголовок: *Замечания по поводу скандальной книги, направленной против правительства и министерства Новой Англии, написанной Робертом Калефом*, и т. д. Их девизом было: "*Истина выйдет победителем*", что оказалось сатирой на них самих, поскольку Калеф одержал полную победу. Судьи суда и присяжные признали свои ошибки; люди были поражены собственным заблуждением; разум и здравый смысл были явно на стороне Калефа; и даже нынешнее поколение читает его книгу со смешанными чувствами удовольствия и восхищения".

Книга Калефа и по сей день остается признанным авторитетом в этой области. Его утверждения о фактах не оспариваются и не отрицаются затронутыми сторонами, жившими в то время, и не пытаются быть опровергнутыми, как тогда, так и ими, и никогда не смогут быть опровергнуты. Течение почти двух столетий поставило их вне всяких сомнений. Теперь никакие нападки на них невозможны. Никакие труды Мазера никогда не получали больше свидетельств общественного интереса или благосклонности. Впервые напечатанный в Лондоне, том Калефа выдержал четыре американских издания; последнее, в 1861 году, под редакцией Сэмюэля П. Фаулера, выполнено таким хорошим шрифтом и в такой удобочитаемой форме, что заслуживает благосклонного внимания.

Можно с уверенностью сказать, что немногие публикации произвели более немедленный или более длительный эффект. Она погубила весь бизнес Маргарет Рул. Мазер полностью отказался от нее. В 1694 году он сказал, что "забвение этого не будет ни угодно Богу, ни полезно людям". Прежде чем Калеф покончил с ним, он навсегда отказался от этой идеи.

Книга Калефа положила конец всем подобным вещам, как в Новой, так и в Старой Англии. Она нанесла удар по всей системе народных суеверий, связанных с дьявольским миром, под которым она находится и по сей день. Он изгнал дьявола из проповеди, литературы и народных настроений всего мира. Следы его деятельности по управлению делами людей и вмешательству в Провидение Божье можно обнаружить лишь в темных глубинах невежества, в вульгарных ругательствах низких людей, в нескольких броских выражениях и необдуманных формах речи.

Никто не может оценить ценность его служения. Если бы этот храбрый человек не встретился с глупостью и безумием, священничеством и фанатизмом своего времени; если бы им позволили и дальше влиять на суды и присяжных; если бы кафедра и пресса продолжали подбрасывать горячие вещества в общество и всячески разжигать воображение и страсти публики, то какой предел можно положить катастрофическим последствиям?

Бостонские торговцы гордятся именами людей, чья мудрость, патриотизм и благотворительность поддерживали, украшали и благословляли общество; но среди них нет никого, кто столкнулся бы с большей опасностью, проявил бы большую моральную и интеллектуальную доблесть или оказал бы более благородную услугу своим согражданам и соратникам, где бы то ни было, чем Роберт Калеф.

Я снова прошу обратить внимание на формулировку, использованную в "*Североамериканском обозрении*" за апрель 1869 года. "Эти взгляды, касающиеся связи мистера Мэзера с Салемским процессом, не встречаются ни в одной публикации, датированной ранее 1831 года, когда были опубликованы *"Лекции* мистера Апхэма".

Как бы ни была велика сила критических журналов, они не могут уничтожить записанные и напечатанные мнения Брэттла, Хатчинсонов, Нила, Уоттса, Бентли, Элиота, Куинси и Калефа.

XX.

РАЗНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ. ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Есть один или два незначительных момента, где рецензент находит повод предаться своей особой критике моей книги, которые необходимо отметить перед завершением, чтобы его статья не произвела неверного впечатления, касающегося правды истории.

Памфлет, озаглавленный "*Некоторые замечания по поводу наших нынешних дебатов о колдовстве, в диалоге между С. и Б.*", был упомянут. Он был опубликован в Филадельфии в 1692 году. Ее напечатали по заказу Хезекии Ашера, одного из ведущих жителей Бостона, который на поздних этапах судебного разбирательства подвергся нападкам со стороны обвинительниц и был заключен под арест. Автором статьи, как считается, был преподобный Сэмюэл Уиллард. Автор "Рецензии" претендует на первенство перед преподобными Джоном Уайзом из Ипсвича и Робертом Пайком из Солсбери, которые ранее выступали против судебного процесса. Уайз возглавлял мемориал в пользу Джона Проктора и против использования призрачных доказательств перед судом, который состоялся пятого августа; второе письмо Пайка судье Корвину было датировано восьмым августа.

Памфлет, приписываемый Уилларду, представляет собой энергичное и способное выступление, но, похоже, допускает использование спектральных доказательств, когда они направлены против людей с "дурной славой".

Пайк признает все, что требовали верующие в общие доктрины колдовства, в частности то, что утверждается в памфлете, приписываемом Уилларду, а затем с помощью самой острой технической логики, основанной на здравом смысле, опровергает все выводы, к которым пришел суд. Бумага была отправлена специальным посыльным судье коллегии, который также был соратником Пайка в совете провинции. Бумага Уайза была адресована Суду помощников, верховному трибуналу провинции. *Заметки в "Мисселлани"*, судя по всему, были написаны уже после судебных разбирательств. Однако нет ничего, что позволило бы определить точную дату; они были опубликованы анонимно в Филадельфии. Право Уайза и Пайка на заслугу в том, что они первыми, в письменном виде, выступили против судебного разбирательства на месте, я думаю, не может быть отнято.

Рецензент обвиняет меня, ссылаясь на один пункт, в том, что я не счел нужным "изучать заплесневелые манускрипты, написанные непонятным почерком двухвековой давности". В той мере, в какой моя тема может быть прояснена с их помощью, я вынужден утверждать, что этот труд был проделан в такой степени, в какой его не часто пытаются проделать. Судебные дела, а также документы штата, округа, города и церкви были изучены очень подробно и тщательно. В том, что касается судебных документов, относящихся к колдовским расследованиям и процессам, большую помощь оказали "*Записи о салемском колдовстве*", скопированные с оригинальных документов и напечатанные в 1864 году У. Элиотом Вудвордом. Но при их расшифровке возникли такие трудности, что все оригиналы были подвергнуты минутной перепроверке. Такая же необходимость возникла и при использовании "*Летописи Салема*", подготовленной и опубликованной самым неутомимым

антикваром, покойным преподобным Джозефом Б. Фелтом, доктором права. При написании работы, для которой так мало помощи можно было получить из законодательных актов или печатных источников, возвращая к жизни давно ушедшее поколение, воспроизводя сообщество и сделки, так почти похороненные в забвении, охватывая широкую область генеалогии, топографии и хронологии, охватывая неопределенное разнообразие муниципальных, приходских, политических, социальных, местных и семейных вопросов, а также вещей, имен и дат без числа, было, в конце концов, невозможно избежать ощущения, что могло быть допущено много ошибок и упущений; И, поскольку моей единственной целью было создание правдивой и адекватной истории, я желал и держал себя в рамках, с благодарностью принимая все исправления и предложения, с целью сделать работу настолько совершенной, насколько это возможно, при переиздании. Поскольку я был достаточно уверен, что почва под ногами может выдержать во всех важных пунктах любые нападки критиков, сделанные обычным способом, мне доставило удовольствие услышать, как я это сделал, в голосах слухов, доходивших до меня из многих мест, что в *"Североамериканском обозрении"* вот-вот появится статья, которая "разрушит" мою книгу. Я льстил себе, что, независимо от того, будет это так или нет, по крайней мере, будет получено много ценной информации, которая позволит мне сделать мою книгу более соответствующей моей цели, сделав ее более правдивой с точки зрения истории.

После публикации статьи и до того, как я смог освободиться от других дел настолько, чтобы изучить ее, я читал в редакционных статьях, из недели в неделю, в газетах и журналах, что меня разгромили. Конечно, думал я, были обнаружены большие ошибки, открыты драгоценные "первоисточники", эксгумированы утраченные записи, так что теперь, наконец, неважно кем, история салемского колдовства может быть рассказана. Можно представить себе мое разочарование, когда при изучении статьи оказалось, что в моей книге была обнаружена только одна ошибка, которую я сейчас и признаю.

Рецензент пишет: "Томас Брэттл, казначей Гарвардского колледжа, (а не Уильям Брэттл, купец из Бостона, как утверждает мистер Апхэм) написал в то время рассказ о салемском колдовстве". Это не было ошибкой прессы, а полностью моей собственной, как и в "копии", отправленной в типографию. Узнав об интересных отношениях преподобного Уильяма Брэттла с приходом деревни Салем после смерти мистера Грина, о том, что он был призван выступать в качестве их покровителя и проводника и в конце концов женился на вдове Грина, его имя стало знакомым моим мыслям и проскочило через мое перо. Каждый, кто прошел через тяжкий труд корректуры, знает, какие нелепые, а порой и страшные ошибки обнаруживаются даже при "последней правке". Открыв том, когда он попал ко мне из переплета, я увидел эту ошибку и немедленно сообщил о ней издателем. Приятно думать, что рецензенту не стоило труда обнаружить ее, поскольку правильное имя стоит в заголовке статьи, написанном заглавными буквами - *"Исторические коллекции Массачусетса"*, I., v., 61 - где только он или я могли его увидеть.

Ошибки в именах и датах - всегда провоцирующие, часто необъяснимые - это участь, которой подвержены все. В дружеском, обстоятельном и компетентном отзыве о моей книге, опубликованном в газете высокого уровня, говорится, что деревня Салем была домом семьи, которая дала генерала Руфуса Путнама на "Войну 1812 года"; а Джордж Берроуз назван *"Джоном"* Берроузом.

Исправить ошибку порой бывает так же трудно, как и легко в нее впасть. Указывая на мою непреднамеренную ошибку, рецензент невольно воспроизводит ее. Его фраза, только что процитированная, может привести на мысль, что Уильям Брэттл был "бостонским купцом". Поскольку он был достаточно любезен, на протяжении всей своей статьи указывая, что я

должен был читать, видеть и делать, я осмелюсь предположить, что его предложение должно было быть построено таким образом: "Томас Брэттл, купец из Бостона, (а не Уильям, как говорит мистер Апхэм)".

Попытка исправить мою ошибку, похоже, сопровождалась странной фатальностью.

Читатель *"Североамериканского обозрения"* не мог не заметить, как покойный преподобный доктор Пибоди, как и я, подвергается насмешкам за то, что называл Коттона Мэзера "доктором", когда речь шла о чем-либо, предшествовавшем получению им докторской степени. Возможно, нас можно оправдать. По обычаю, такие почетные титулы, да и вообще все титулы, применяются ретроспективно, неопределенно долгое время. *Американская энциклопедия, биографический словарь* Элиота и один из последних номеров *"Историко-генеалогического реестра"* - все они присваивают этот титул Инкризу Мазеру, относя его к периоду, предшествовавшему его присвоению. Этот титул был присвоен Коттону Мазеру эрудированным редактором *"Массачусетских исторических сборников"* в подписи к его письму губернатору Дадли. В *бумагах Мэзера* письма, написанные за несколько лет до присвоения ему этой степени, снабжены подписью "Доктор Коттон Мазер". Если высокий авторитет *"Североамериканского обозрения"* утвердит в качестве литературного канона, что титулы никогда не должны даваться, кроме как в связи с периодом после их присвоения, писатели должны впредь быть очень осторожны, когда бегло упоминают что-либо из ранней жизни герцога Мальборо, лорда Каслрига, герцога Веллингтона, доктора Франклина, доктора Ченнинга или доктора Пристли, чтобы не сказать, г-на Черчилля, г-на Стюарта, г-на Пристли. Черчилль, мистер Стюарт, мистер Уэлсли, мистер Франклин, мистер Ченнинг или мистер Пристли.

Что делает это превращение нашим обозревателем великого дела в столь тривиальный пункт забавным, а также нелепым, так это то, что он первым нарушает свое собственное правило.

"Это спорт, когда инженера
Поднять его на его же петарде".

Критик попался на критику своих же титров. В отрывке, указывающем на ошибку в имени Брэттла, он называет его, "в то время", когда он писал рассказ о салемском колдовстве, "казначеем Гарвардского колледжа". Брэттл не занимал тогда и никогда не занимал этого почетного поста и звания, хотя впоследствии был назначен на эту должность.

Вряд ли Коттон Мэтер когда-нибудь найдет биографа более доброго и справедливого, чем покойный У. Б. О. Пибоди, чей мягкий и приятный юмор всегда находился под влиянием сладостного духа откровенности и благожелательности, и который достоверно описал все положительные стороны и заслуги своего предмета - *"Американская биография"* Спаркса, том VI. Но рыцарь-изгнанник, который только что возглавлял списки, размахивая копьем против всех, кто произнес хоть слово против Коттона Мэзера, сбивается с пути, чтобы нанести удар по доктору Пибоди. Он вставляет в конце одной из своих страниц вот такое надменное примечание: "Мистер Пибоди говорит: "Мало ли что думал почтенный доктор" и т. д. Почтенному доктору было двадцать девять лет! И он вовсе не был доктором".

Посмотрим, как можно парировать насмешки обозревателя его же оружием. На мгновение поддавшись его стилю, я должен сказать, что "этот рецензент никогда не видел ни словаря Вустера, ни словаря Вебстера, в которых ни время, ни возраст не входят в определение *venerable*. Последний дает следующее значение: "Становиться священным благодаря религиозным ассоциациям или быть посвященным Богу и его поклонению; рассматриваться

с благоговением и относиться с почтением". Далее: "Этот рецензент должен был быть достаточно знаком с первоисточниками информации по этому вопросу", чтобы знать, что в те времена было принято говорить и думать о таких людях, как Коттон Мазер, хотя они и не были старыми, как "почтенные". Все обычаи, привычки, идеи и настроения людей наделяли их характером. Их одежда и манера поведения способствовали этому. Место, которое они занимали, и власть, которой они пользовались, внушали благоговение и почитание, независимо от их лет. Все, что возраст мог сделать для того, чтобы вызвать уважение, было ожидаемо и собралось вокруг молодого министра, когда на него возложили руки при рукоположении, и он стал носить титул "старейшины". Благодаря своим талантам, образованности и амбициям Коттон Мазер стал признанным "отцом Церкви", а его облик, когда он стоял на кафедре в Северном Бостоне, воплощал идею почтенности. И мы видим, что именно этот термин был применен к представительному центру освященной семьи в "Аттестации" к *Магналии*, написанной Джоном Хиггинсоном, почтенным в годах, как и во всем остальном, в некоторых латинских строках его самообладания: "*Venerande Mathere*".

В глазах народа Коттон Мэтер сосредоточил в себе все священные воспоминания о великом "децемвирате", как назвал его Хиггинсон, Мэтеров, выделенных в служители Божьи; кроме того, он был почтенен в ассоциациях, связанных с освященными традициями его деда по материнской линии, имя которого он носил, Джона Коттона.

Объект *почтенен*, будь то человек, здание, местность или любая другая вещь, вокруг которой собираются ассоциации, внушающие благоговение. Возраст сам по себе вызывает это чувство, если его естественный эффект не омрачен недостойностью; то же касается и мудрости. Добродетель достойна почитания, независимо от возраста. Как и все великие черты характера; как и все, что вызывает в сознании освященные мысли и впечатления. В родословной, имени и должности Мазера было много такого, что наводило на мысль об этом термине, без всякой связи с его годами. Если люди того времени или пишущие сейчас применяли его к любому периоду его жизни после вступления в служение и причисления к старейшинам Церкви и страны, то это было вполне законно и уместно.

Признавая одну ошибку, обнаруженную рецензентом, я пользуюсь возможностью сообщить тем, у кого есть моя книга, о вероятной ошибке, не обнаруженной им. В томе II, стр. 208, имя "Элизабет Кэри" указано среди тех, на чей арест были выданы ордера двадцать восьмого мая 1692 года. На стр. 238 снова упоминается имя "Элизабет Кэри". Факты таковы, что Калеф (стр. 95) говорит: "24 мая: Миссис Кэри из Чарльзтауна была допрошена и предана суду. Ее муж, мистер Натаниэль Кэри, рассказал об этом, а также о ее побеге". Затем он приводит письмо с интересными подробностями, написанное, очевидно, ее мужем и подписанное "Джонатан Кэри". Хатчинсон (*History, ii., 49*) повторяет рассказ Калефа, называя женщину "Елизаветой, женой Натаниэля", и приводит суть письма ее мужа, не пытаясь объяснить или даже заметить расхождение в имени мужа. Не зная, что предпринять, я изучил разнородную массу бумаг в офисе клерка и обнаружил на маленьком клочке оригинал жалобы, на основании которой был выдан ордер. Это единственный документ, относящийся к данному делу, который существует или, по крайней мере, может быть найден здесь. В нем женщина описана как "Элизабет, жена капитана Натаниэля Кэри из Чарльзтауна, моряка". Это, похоже, решило дело, и я оставил его в покое, не пытаясь объяснить, как в письме, подписанном этим именем, в качестве мужа женщины фигурирует "Джонатан Кери". Теперь я совершенно убежден, что в данном случае я, вместе с Калефом и Хатчинсоном, был введен в заблуждение, уделяя слишком много внимания "первоисточникам". Я убежден, что авторитет письма "Джонатана Кери" должен остаться в силе; что женщина была его женой, "Ханной"; и что ошибка содержится в оригинале "Жалобы", который находится здесь.

Факты, вероятно, заключались в том, что, когда в Чарльзтауне прошел слух, что некая миссис Кери "кричала на него", и при этом не было известно, какая именно миссис Кери, Джонатан, решив разобраться с этим вопросом на пороге, взял свою жену и отправился прямо на место. Он прибыл в деревню Салем в разгар большого волнения, собрав толпу людей, полубезумных от ужасов времени. Его никто не знал, что было бы не так вероятно в случае с его братом, Натаниэлем, который был более заметной личностью. Он не мог найти никого из знакомых, кроме мистера Хейла, который раньше был жителем Чарльзтауна и которого он вскоре потерял из виду в суматохе сцены. Обвиняющие девушки были начеку и, заметив этих двух незнакомцев, спросили, как их зовут, и получили ответ: *мистер и миссис Кэри*. Они зывали к *Элизабет Кэри* и, думая, что она у них, сообщили об этом Томасу Путнэму и Бенджамину Хатчинсону, двум совершенно обманутым ими людям, которые тут же нарисовали жалобу. В спешке и ужасе момента ошибка в именах не была обнаружена: *Джонатана* и *Ханну* немедленно отправили в тюрьму, из которой они сбежали в Нью-Йорк. Девушки, решив, что в тюрьме оказалась *миссис Элизабет Кери*, больше об этом не говорили. Поскольку Джонатан и его жена были в безопасности и вне пределов досягаемости, все дело ушло из поля зрения общественности; а миссис Элизабет осталась невредимой. Это единственный способ, которым я могу объяснить странное несоответствие заявлений, содержащихся в "Жалобе", Калефе и Хатчинсоне. Письмо Джонатана Кери является решающим аргументом в пользу того, что именно "Ханна", его жена, была арестована и сбежала. Ошибка Калефа не была обнаружена им самим, поскольку его книга была напечатана в Лондоне; и, в силу общей склонности к тому, чтобы по возможности предать эту тему забвению, никаких объяснений никогда не давалось.

Я не могу пропустить письмо Джонатана Кэри, не обратив внимания на его заявление о том, что, добравшись до Нью-Йорка, они нашли "его превосходительство Бенджамина Флетчера, эсквайра, очень любезным" по отношению к ним. Все, что умножает приятные исторические воспоминания и узы связи между разными государствами, должно быть собрано и сохранено в памяти каждого. Тот факт, что, когда Массачусетс страдал от пылких и кровавых, но недолгих преследований со стороны собственного правительства, Нью-Йорк открыл столь любезный и надежный приют для тех, кому посчастливилось спастись в нем, должен навсегда остаться в благодарной памяти жителей старого штата залива и составляет часть истории Имперского государства, которой она вполне может гордиться. Если историки и антиквары последнего штата смогут найти в своих муниципальных или других архивах или в любом другом месте какие-либо следы убежища, которое Кэри и другие нашли среди них в 1692 году, они станут желанным вкладом в нашу историю и укрепят узы дружеского союза".

Рецензент, похоже, воображает, что одним росчерком пера он может в любой момент творить историю. Ссылаясь на губернатора Уинтропа в связи с делом Маргарет Джонс за сорок два года до этого, он говорит, что тот "председательствовал на суде над ней, подписал ордер на ее смерть и записал отчет о деле в своем дневнике". Тот факт, что в его личном дневнике есть абзац, относящийся к этому делу, вряд ли оправдывает выражение "написал отчет о деле". Где он, наш обозреватель, нашел основания для утверждения, что Уинтроп "подписал ордер на смерть?". Мы не располагаем информацией о том, как использовались ордера на смерть, как мы понимаем подобные документы, в те дни; и уж тем более мы не знаем, кто составлял и подписывал приказ о казни осужденного на смертную казнь. Сэр Уильям Фипс, хотя и присутствовал, не подписывал ордер на смерть Бриджет Бишоп.

Рецензент снова и снова выражает свое огромное удивление по поводу изложенной в моей книге точки зрения на связь Коттона Мэзера с салемским колдовством. Весьма заметно, что его высказывания на этот счет нашли отклик в той части прессы, которая была посвящена

его заявлениям. О моих настроениях говорили как об "удивительных ошибках". То, что я сказал, было, как я уже показал, простым продолжением всегда принятого мнения; и было необычно, что это вызвало такой широко распространенный одновременный шок "удивления". Но этот шок был повсюду. Я был удивлен их удивлением; и мне, как и Рецензенту, может быть позволено выразить и объяснить это ощущение. Оно было вызвано глубоким и сильным тоном его статьи. Он был первым читателем моей книги, которую ему предоставили издатели, прежде чем она попала в переплет. Он написал о ней подробный, развернутый и дружеский отзыв в одной из ведущих газет Нью-Йорка, любезно назвав ее "памятником исторического и антикварного исследования", "повествованием, столь же увлекательным, как новейший роман", и заключив следующим образом: "Мистер Апхэм заслуживает благодарности многих людей, заинтересованных в психологических расследованиях, за подробные сведения, которые он предоставил об этих операциях". Были высказаны некоторые критические замечания, касающиеся формы произведения; *но ни слова не было сказано о Коттоне Мазере*. Перемена, произошедшая с духом его мечты, более чем удивительна.

Упоминание в предыдущей цитате о "психологических исследованиях" наводит меня на мысль перед тем, как закончить, упомянуть о замечаниях, сделанных некоторыми другими критиками. Я не стал подробно обсуждать связь, если таковая существует, между колдовскими событиями 1692 года и современным спиритизмом в любой его форме. Один честный и откровенный автор замечает, что "факты и происшествия", как я их излагаю, сопряжены с трудностями, которые я "не решил". В этом меланхоличном эпизоде есть "глубины", продолжает он, "которые его отвес не затронул". Это совершенно верно.

С полным убеждением, что события и обстоятельства, о которых я пытаюсь рассказать, дают больше материала для предположений относительно тайн нашей духовной природы, чем любая другая глава в истории, я тщательно воздерживался, за исключением нескольких предостерегающих соображений, намекающих на трудности, которые охватывают эту тему, от попыток следовать фактам и делать выводы в этом направлении. Моя единственная цель состояла в том, чтобы правдиво, тщательно и подробно, насколько я мог, изложить явления данного дела как голые исторические факты, из которых другим оставалось сделать свои собственные выводы. Таков был объем услуг, которые я хотел оказать в помощь тем, кто попытается расширить границы духовного отдела науки. Я был доволен и осторожен в своих действиях. Чувствуя, что история, которую я рассказываю, ведет меня по внешнему краю того, что сейчас известно, - что я ступаю на берега *ultima Thule*, еще не открытого мира истины, - я не осмеливался вступать в мир за его пределами. Моя единственная надежда заключалась в том, чтобы предоставить некоторые данные, которые могли бы направить путь тех, кто попытается его пересечь. Другие руки опустят отвес в его глубины, другие путешественники проложат свой путь по его поверхности к континентам, которые, как и Западное полушарие, веками ждут своего открытия. Вера в то, что области науки еще могут быть достигнуты путем исследования связи между телесной и духовной сферами нашего существа, и в этих исследованиях факты, представленные в *the witchcraft Delusion*, могут оказаться полезными, была одним из мотивов, побудивших меня посвятить свои тома профессору физиологии в Гарвардском университете.

Рецензент завершает свою статью словами о том, что "История салемского колдовства еще не написана", но что я должен ее написать; и он подсказывает мне, как ее написать. Он советует более сжатую форму, хотя вся его статья состоит из жалоб на то, что я избегаю обсуждений и сжатых документов, которые, если бы они были полностью рассмотрены и подробно изложены, увеличили бы размеры работы, а также нарушили бы нить

повествования. Следует помнить, что читателя можно удержать в русле темы только с помощью периодического ретроспективного анализа и повторения того, что необходимо постоянно держать в поле зрения. Путешественнику необходимо в определенные моменты и на подходящих этапах оборачиваться и осматривать местность, по которой он прошел. Конденсация, которая бы вычеркнула такие рекапитуляции и повторения, могла бы ухудшить эффект от любого произведения, особенно от того, которое охватывает сложные материалы.

Рецензент говорит, что "во что бы то ни стало я должен давать ссылки на авторитеты", когда я цитирую. В целом это хороший совет. Но следует помнить, что моя работа состоит из трех частей. Первое - история деревни Салем. Она почти полностью взята из документов, хранящихся в отделах регистрации и судебных дел графства, ссылки на которые были бы бесполезны и лишь загромождали бы и уродовали страницы. Все можно проверить, ознакомившись с оригиналами, и никак иначе. Вторая часть представляет собой беглый, общий, сокращенный очерк или обзор истории мнений, не предназначенный в качестве авторитетного трактата для специальных студентов, а для подготовки читателя к третьей части, источниками для которой служат почти исключительно судебные дела.

Что касается оставшегося предложения о том, что я должен разделить работу на главы с заголовками, то здесь есть что сказать. Когда природа исторического произведения допускает, чтобы оно было наделено драматическим интересом - а вся история способна, в большей или меньшей степени, обладать такой притягательностью, - когда мельчайшие детали могут заполнить весь контур персонажей, событий и сцен, носящих отпечаток правды и достоверности, настоящая история, которая часто бывает страннее вымысла, может быть, и должна быть написана так, чтобы навлечь на читателя очарование и чары того, что называется романтикой. Читателю могут быть переданы те же забота, напряжение и чувствительность, которые испытывали описываемые стороны; его чувства и привязанности идут в ногу с развитием сюжета, как они возникают с течением времени и событий. Заголовки к главам в исторических произведениях, способных внести этот драматический элемент, были бы столь же неуместны и так же сильно портили бы эффект, как и в романе.

Что касается деления на главы. Об этом много думали и этого хотели; но природа предмета создавала препятствия, которые казались непреодолимыми. Одна тема неизбежно перетекала в другую или накладывалась на нее. Никакого хронологического единства, если бы работа была таким образом разрезана, не удалось бы сохранить; и многое пришлось бы проходить снова и снова. Экзамены, суды, казни часто происходили одновременно.

Существует опасность снижения непрерывного интереса к некоторым произведениям, разделенным на фрагменты. Есть, правда, животные, которые могут терпеть, когда их режут на части бесконечно, и каждая часть сохраняет свою жизнь: с другими дело обстоит иначе. Самые важные из всех документов понесли ущерб, не поддающийся исчислению, своей привлекательности и впечатляемости, будучи разделенными на главы и стихи, во многих случаях без учета единства тем или связности отрывков; выбивая каркас повествования и нарушая структуру предложений. Мы все знаем, до какой нелепой степени эта практика была распространена в проповедях, которые были "разделены" до степени искусственного и тщательного расчленения на "главы", что до предела ограничивало изобретательность проповедника и подавляло проницательность и память слушателя. Он считался самым искусным проповедником, который мог растянуть самую длинную череду делений, вплоть до "девятнадцати" и дальше. Эта мода занимает видное место среди *"Оснований и поводов для презрения к духовенству и религии"* Джона Эчарда, доктора философии, работы, опубликованной в Лондоне в начале прошлого века - одной из немногих книг, подобных книге Калефа, которые переломили ход событий и задержали глупости своего времени. В

смелой, свободной, убедительной сатире книга Эчарда стоит особняком. Основанная на глубокой образованности, вдохновленная подлинным остроумием, ее стиль понятен даже домашним. Она поразила самых высоких, и ее почувствовали и оценили самые низкие. Она укрепила кафедру, упростила литературу, искоренила абсурды в дикции и конструкции и устранила многие церковные злоупотребления своего времени. Ни одна работа подобного рода не встречала более восторженного приема. Цитирую одиннадцатое издание, напечатанное в 1705 году: "Мы должны заметить, что существует большая разница в текстах. Ибо все тексты не расходятся одинаково; иногда слова естественным образом расходятся, иногда падают, иногда тают, иногда раскручиваются, а бывает, что слова так охотно расходятся, что расходятся сами, к великому облегчению и удовольствию министра. Но если они не так легко распадаются на куски, тогда он приступает к рубящим и колющим ударам, как будто хочет заставить все разлететься в клочья. По правде говоря, я знаю, что время от времени некоторые запутанные тексты приходилось делить по семь или восемь раз, прежде чем их удавалось красиво расколоть по своему разумению".

В приведенном выше отрывке содержится извинение перед теми критиками, которые жаловались на то, что я не разделил свою книгу на главы. Я пытался это сделать, но обнаружил, что это "запутанная" тема, и, подобно текстам, о которых говорит Эчард, "ее нелегко разделить на части". При всех моих усилиях его не удалось "красиво расколоть".

Это и все другие предложения по критике с благодарностью принимаются и с уважением рассматриваются. Но, в конце концов, не стоит устанавливать какие-либо каноны, которым все писатели должны беспрекословно следовать во всех случаях. Многое должно быть оставлено на усмотрение каждого. Необходимо учитывать природу предметов. Вместо подневольного единообразия следует поощрять разнообразие и многообразие. Только так мы сможем получить свободную, естественную, живую литературу.

Мимоходом хочу сказать, что, выполняя требование рецензента переписать историю салемского колдовства, я воспользуюсь возможностью исправить единственную ошибку, о которой он упомянул. При переиздании этой работы я постараюсь сделать ее как можно более точной. Все, что окажется неверным, будет исправлено. Эта работа в различных формах, в которых она была опубликована, почти вышла из печати. Когда она будет издана вновь, она будет выполнена в менее дорогостоящем стиле и будет более доступна для всех. Исходя из результатов моих собственных постоянных исследований и предложений других людей, я склоняюсь к мнению, что не будет внесено никаких значительных изменений; и что последующие издания не ухудшат авторитет или ценность работы, первоначально опубликованной в 1867 году.

При подготовке изложения, которое мы сейчас завершаем, единственной целью было выяснить и представить реальные факты истории. Ничто личное, касающееся автора *"Североамериканского обозрения"* или меня самого, не может рассматриваться как сравнительный момент. Многие из выражений, использованных этим писателем, относительно того, что я "видел" или "читал" и тому подобное, признаться, довольно своеобразны; но они не представляют особого интереса для публики. Любое упоминание о них было случайным и возникало само собой в процессе рассмотрения темы.

Расставаясь с читателем, я осмеливаюсь еще раз обмануть его терпение и попросить вместе окинуть ретроспективным взглядом очертания пройденного нами пути.

В связи с некоторыми предварительными замечаниями, первым шагом в аргументации было показать отношение Матеров, отца и сына, к суевериям своего времени, кульминацией которых стало заблуждение о колдовстве 1692 года, и их долю ответственности за это.

Несколько последовательных этапов обсуждения были следующими: связь Коттона Мазера с предполагаемыми случаями колдовства в семье Джона Гудвина из Бостона в 1688 году; избавление от свидетельств Гудвина: Представление Мазера о колдовстве как о войне, которую ведет дьявол против Церкви; и его использование молитвы: Связь между делами в Бостоне в 1688 году и в Салеме в 1692 году: Отношение Мэтеров к правительству Массачусетса в 1692 году: Прибытие сэра Уильяма Фипса; впечатление, произведенное на него теми, с кем он впервые встретился; его письмо правительству в Англии: Обстоятельства, сопутствовавшие учреждению Специального суда надзирателей и терминаторов, и то, с какой поспешностью он был введен в действие: Его заседания, проводимые лицами, действующими в интересах Матерса: Спектральные свидетельства и степень, в которой они были разрешены для получения на суде, как основания для расследования и предмета предположения: Письмо Коттона Мазера одному из судей: Советы министров: Вероятный план Коттона Мэзера по работе со спектральными доказательствами: Его взгляды на этот предмет, почерпнутые из его трудов и заявлений: Вопрос о его связи с экзаменами перед магистратами: Его связь с судебными процессами и казнями: Его отчет о пяти судебных процессах: Его книга под названием "*Чудеса невидимого мира*"; ее замысел; обстоятельства подготовки к печати; взгляды, чувства и ожидания ее автора, представленные в выдержках из нее: Increase Mather's *Cases of Conscience*: Подавление суда надзирателей и терминаторов, сэр Уильям Фипс: Взгляды Коттона Мэзера после 1692 года, почерпнутые из его трудов.

Исследуя очерченное таким образом поле, я утверждаю, что стало очевидным, что, хотя Коттон Мазер и разделял общепринятое мнение некоторых писателей против получения призрачных доказательств, он одобрял способ, которым они были получены судьями на Салемском процессе, и восхвалял их на протяжении всего времени, от начала до конца обвинения и после него. Он отстаивал в качестве общего принципа *принятие* этого вида показаний на том основании, что они являются достаточным основанием для расследования и предположения и нуждаются лишь в некоторых дополнительных доказательствах - его собственный отчет и документы в деле показывают, как мало их требовалось, чтобы оправдать осуждение и казнь. Это во многом доказано изучением его трудов и действий и полностью признано им самим в различных формах неоднократно - в основном в его заявлении, что Спектральное Свидетельство было "главным" основанием, по которому осуждались и казнились "дайверы", и прямо в его письме к Фостеру, в котором он говорит, что "очень большое использование должно быть сделано" таким образом и в такой степени, как только что упомянуто; и что при таком использовании будет сделано "использование, для которого Великий Бог предназначил его". В том же отрывке он хвалит судью за то, что он признал это; и заявляет, что они получили на это Божественное благословение, поскольку "Бог странным образом послал другие убедительные свидетельства", чтобы подтвердить и тем самым сделать их достаточными для осуждения. Спустя годы в своем обращении к Генеральной Ассамблее он полностью признает, что судьи в 1692 году, чей курс он в то время одобрял, позволяли признавать людей виновными "только благодаря" свидетельским показаниям.

Моей главной целью и обязанностью при подготовке этой статьи было опровергнуть абсолютные и неограниченные утверждения автора "*Североамериканского обозрения*" о том, что Коттон Мазер был против *принятия* спектральных доказательств, "осуждал их как незаконные, немилосердные и жестокие" и "всегда свидетельствовал против них, как публично, так и частным образом"; и что составленный им совет министров "очень конкретно исключал спектральные показания".

Кроме того, было сочтено уместным подтвердить истинность истории против утверждений этого обозревателя по некоторым другим пунктам; например, показать, что мнение об особой ответственности Коттона Мазера за колдовскую трагедию, вместо того чтобы исходить от меня, было распространено в то время в стране и за рубежом и дошло до наших дней через непрерывный ряд самых авторитетных писателей; и что влияние Мазеров никогда не оправилось от потрясения, вызванного катастрофой 1692 года.

Извинение за большой объем этой статьи заключается в том, что высокий авторитет, справедливо присвоенный *"Североамериканскому обозрению"*, требует, чтобы при оспаривании любой позиции, занятой в его колонках, проводилось тщательное и терпеливое расследование и приводились в полном объеме документы, относящиеся к данному вопросу. Кроме того, чтобы уловить преобладающую тенденцию и значение трудов Коттона Мазера, необходимо было привести их в виде развернутых цитат и многочисленных выдержек. Чтобы избежать ошибки, в которую впал рецензент, необходимо помнить об особенностях стиля Мазера. В разных сочинениях и в разных частях одного и того же сочинения встречаются противоположные направления выражения; и нередко пункты одного и того же отрывка имеют противоположное значение. Он часто передергивает, как с собой, так и с другими, в двойном смысле.

Цитаты, в любом количестве, из трудов любого из Матеров, отрывков, которые, как кажется, отрицают призрачные доказательства, не могут быть полезны для поддержания позиции, занятой рецензентом, потому что они оговорены признанием, что доказательства такого рода могут и должны, несмотря на это, приниматься в качестве основы для расследования и основания для предположения, и, если они подкреплены другими обычными свидетельствами, достаточны для осуждения. Эти другие свидетельства, когда они приводились, были, как представляет Мазер, облечены божественной властью; как он говорит, они были предоставлены особым Провидением и справедливо рассматривались "прекрасными судьями" как "ободряющее присутствие Бога, странным образом посланное". Действительно, в том состоянии, в котором находилось общественное мнение, его всегда можно было легко получить. Каким бы незначительным или совершенно неважным оно ни было, его было достаточно для убеждения, которое выносилось после спектральных доказательств. Для умов, покоренных и подавленных "благоговением", легкие, как воздух, пустяки были сильным подтверждением.

Можно предположить, что самым горячим его поклонникам не придет в голову сравнивать Коттона Мазера с его трансатлантическим корреспондентом и коадьютором по силе характера, силе ума или моральной и религиозной ценности их трудов. И все же между ними было несколько поразительных сходств. Они были людьми несомненного гения и большой образованности. Всю свою жизнь они были внимательны ко всему, что происходило вокруг них. Искренне интересуясь и активно занимаясь всеми вопросами теологии и управления, они оба сразу же и неудержимо бросались к печати, пока их публикации не становились слишком объемными и многочисленными, чтобы их можно было терпеливо читать или легко подсчитывать. Разумеется, то, что они печатали, было пронизано меняющимися аспектами вопросов, которыми они занимались, и открыто для обвинений в непоследовательности, которыми Бакстер обычно пренебрегал, а Мазер в основном не осознавал.

Сэр Роджер Л'Эстранж был одним из великих остроумцев и сатириков своей эпохи. Его стиль был грубым и безрассудным. Яростный и яростный сторонник доктрин произвольного правления, он был посвящен в рыцари Яковом Втором. Его противоречивые сочинения, обладающие всеми привлекательными чертами беспринципной инвективы и домашнего, но резкого сарказма, пользовались большим покровительством знати и широко читались

народом. Все нонконформисты и диссиденты были объектами его грубых оскорблений. Он выпустил гениальный памфлет под таким названием: *"Казуист без оболочки; в диалоге между Ричардом и Бакстером, с модератором между ними, для спокойствия"*. Два спорщика обсуждают самые разные темы и весьма яростно выступают друг против друга; модератор вмешивается, чтобы удержать их на месте, сохранить порядок в дебатах и, если потребуется, привести их к "тишине". На одном из этапов перепалки он воскликнул: "Если бы ангел с небес, как я понимаю, был нанят, чтобы привести вас двоих к согласию, он должен был бы потерять свой труд". Всех присутствующих очень позабавило то, что слова, произносимые борцами с каждой стороны, были взяты из тех или иных трудов, опубликованных Ричардом Бакстером в течение его разнообразной противоречивой жизни.

Если какой-нибудь искусный и кропотливый юморист наших дней сочтет нужным, он мог бы, пробираясь через море трудов Коттона Мазера, подобрать достаточно материала для этой цели; и, разрезая пополам абзацы и предложения, развлечь нас таким же образом, предоставив публике через прессу *"Диалог между Коттоном и Мазером, с Модератором между ними для спокойствия"*.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ;

Заметки и вопросы, касающиеся древностей, истории и биографии Америки.

Этот журнал был начат в январе 1857 года с целью обеспечения связи между историческими обществами, авторами и студентами-историками, а также предоставления интересного и ценного журнала - сборника материалов по истории Америки. Первого июля 1866 года журнал перешел в руки нижеподписавшихся, которые продолжают его издавать при поддержке и помощи большого числа интеллектуальных читателей, а также при содействии передовых исторических писателей страны.

Среди авторов прошлых томов - достопочтенный Эдвард Эверетт, достопочтенный Джордж Бэнкрофт, Джаред Спаркс, доктор права, достопочтенный Питер Форс, достопочтенный Джеймс Сэвидж, достопочтенный Роберт К. Уинтроп, Вм. Гилмор Симмс, эсквайр, Генри Р. Стайлз, доктор медицины, Джео. Гиббс, эск., достопочтенный Джон Р. Бродхед, Дж. Карсон Бревурт, эск., Генри Р. Школькрафт, эск., Бенсон Дж. Лоссинг, эск., достопочтенный Генри К. Мерфи, Сэмюэл Г. Дрейк, эск, Себастьян Ф. Стритер, эск., Альфред Б. Стрит, эск., Э. Б. О'Каллаган, LL.D., профессор В. В. Тернер, Бакингом Смит, эск., Эверт А. Дуйкинк, эск, Бранц Майер, эск., достопочтенный Джон Р. Бартлетт, Сэмюэл Ф. Хейвен, эск., доктор Р. В. Гиббс, Джон У. Фрэнсис, доктор медицины, Д. Г. Бринтон, доктор медицины, Джордж Х. Мур, эск, Джон Г. Ши, доктор права, преподобный Э. Х. Гиллетт, доктор права, Джон Уорд Дин, эсквайр, Генри О'Рейли, эсквайр, преподобный Плиний Х. Уайт, достопочтенный Э. Э. Борн и достопочтенный Томас Юбэнк.

Одиннадцать уже опубликованных томов содержат огромную массу материалов, касающихся американской истории и родственных исследований, таких, которые невозможно найти собранными в других местах, что делает эту работу абсолютно необходимой во всех библиотеках. В настоящее время появляется мало исторических работ, которые не признают себя обязанными ему.

Содержание "Исторического журнала" можно разделить на следующие разделы:

- I. Оригинальные статьи, затрагивающие вопросы исторических исследований, представляющие новые факты, или обсуждение федеральных и местных тем, представляющих интерес, в очерках, написанных писателями, сведущими в американской истории.
- II. Собрание оригинальных писем, переписки, дневников и т. д., до сих пор не опубликованных, выдающихся американцев.
- III. Биографические и некрологические заметки о людях, отличившихся на службе отечеству, будь то на службе, в политической жизни, литературе или науке.
- IV. Точные отчеты о работе многочисленных американских исторических, антикварных, географических, нумизматических и других родственных обществ.
- V. Заметки и вопросы на любопытные и важные темы, новые и старые, с ответами большого числа авторов.
- VI. Репринты редких и интересных трактатов, старых поэм, вышедших из печати, и т. д., и т. п.
- VII. Разное и анекдоты.
- VIII. Тщательно подготовленные и беспристрастные извещения о новых книгах и гравюрах, особенно тех, что относятся к истории, древностям или биографии Америки.
- IX. Исторические и литературные новости, объявления и т.д.

Исторический журнал" печатается на бумаге отличного качества, по форме и размеру похожей на этот лист, и выходит ежемесячными номерами по шестьдесят четыре страницы каждый, по цене пять долларов в год. Отдельные номера - семьдесят пять центов.

ГЕНРИ Б. ДАВСОН, Моррисания, штат Нью-Йорк.

АВТОРЫ ПЕРВОГО ТОМА НОВОЙ СЕРИИ.

Берген, почтенный Тунис, Бэй-Сайд, Лос-Анджелес.

Бринтон, доктор Д. Г., Вестчестер, Пенсильвания, знаменитый этнолог.

Бродхед, почтенный Дж. Ромейн, историк Нью-Йорка.

Доусон, Генри Б., автор книги *"Битвы Соединенных Штатов"* и др.

Дин, Джон Уорд, секретарь Историко-генеалогического общества Новой Англии.

Эллис, преподобный Джордж Б., доктор философии, Чарльзтаун, Массачусетс.

Юбэнк, почтенный Томас, вице-президент Американского этнологического общества.

Форс, генерал Питер, Вашингтон, округ Колумбия.

Гиллетт, преподобный Э. Х., доктор философии, историк пресвитерианской церкви.

Капп, Фридрих, биограф Штойбена, Де Кальба и др.

Лоуренс, Юджин, Колумбийский колледж, Нью-Йорк.

Мур, Джордж Х., библиотекарь Нью-Йоркского исторического общества.

Нью-Йорк, корпорация.

О'Рейли, Генри, ветеран печатного дела и телеграфист.

Роквелл, профессор Э. Ф., колледж Дэвидсон, Северная Каролина.

Скотт, Бенджамин, камергер лондонского Сити.

Ши, Дж. Гилмари, доктор права, историк католических миссий.

Смит, почтенный Бакингам, Сент-Огастин, штат Флорида.

Стоун, Уильям Л., биограф сэра Уильяма Джонсона и др.

Ветмор, генерал Проспер М., Нью-Йорк.

Неопубликованные статьи

Адамс, Сэмюэл, из Бостона.

Аллен, Итан, из Вермонта.

Андерсон, лейтенант Томас, из Делавэра [Его дневник во время Революционной войны].

Эшли, доктор Джон, из Дирфилда, Массачусетс.

Эшмун, преподобный Джей, Вашингтон, округ Колумбия.

Баркер, Джейкоб, Новый Орлеан.

Битти, капитан Уильям, Мэриленд. [Его дневник и переписка].

Бенсон, Эгберт, о конституции Нью-Йорка.

Берр, Аарон, из Нью-Йорка.

Кэрролл, Чарльз, из Кэрроллтона.

Колден, Дэвид К., из Нью-Йорка.

Купер, Дж. Фенимор, из Нью-Йорка.

Дирборн, генерал Генри, из Массачусетса.

Даунинг, Эмануэл, из Англии.

Дрейтон, Уильям Х., из Южной Каролины.

Дроун, доктор Соломон, из Род-Айленда.

Фицхью, Уильям, из Вирджинии.

Франклин, Бенджамин, из Пенсильвании.

Джерри, Элбридж, из Массачусетса.

Грин, генерал Натаниэль, из Род-Айленда.

Хупер, А. М.

Хауэлл, Дэвид, из Нью-Джерси.

Хамфрис, полковник Дэвид, из Коннектикута.

Хантингтон, генерал Джед, из Коннектикута.

Джей, Джон, из Нью-Йорка.

Джефферсон, Томас, из Вирджинии.

Кендалл, Амос, [в кабинете Джексона].

Кинг, Руфус, из Нью-Йорка. [О конституции Нью-Йорка.]

Ла Файетт, генерал.

Лоренс, Генри, из Южной Каролины.

"Мейсон и Диксон", геодезисты.

Миллер, генерал Джеймс, из Нью-Гэмпшира.

Мурс, генерал Бенджамин, из Платтсбурга, Нью-Йорк.

Моррис, Роберт, из Пенсильвании.

Пэйджет, адмирал, Р.Н.

Квитмен, генерал, из Миссисипи. [Автобиографическое письмо.]

Рэндольф, Джон, из Роанока, Вирджиния.

Райкер, Рекордер Ричард, из Нью-Йорка.

Раш, доктор Бенджамин, из Пенсильвании.

Таллмадж, майор Бенджамин, из Коннектикута.

Томпкинс, Дэниел Д., из Нью-Йорка.

Ван Бюрен, Мартин, из Нью-Йорка.

Вашингтон, генерал Джордж.

Уилрайт, преподобный Джон, из Бостона. [Знаменитая проповедь в день поста, за которую он был изгнан из Массачусетса].

Уолкотт, Оливер.

СОСТАВИТЕЛИ ТОМА II НОВОЙ СЕРИИ.

1.- Оригинальные статьи.

Достопочтенный Э. Э. Борн, президент Исторического общества штата Мэн.

Преподобный Плиний Х. Уайт, президент Вермонтского исторического общества.

Достопочтенный Дж. Хэммонд Трамбулл, президент Исторического общества штата Коннектикут.

Достопочтенный Томас Юбэнк, вице-президент Американского этнологического общества.

Джордж Генри Мур, библиотекарь Нью-Йоркского исторического общества.

Преподобный доктор Баллард, секретарь Исторического общества штата Мэн.

С. Ф. Хейвен, библиотекарь Американского антикварного общества.

Н. А. Холмс, библиотекарь штата, Олбани.

Е. Б. О'Каллаган, доктор права.

Л. Гилмари Ши, доктор права, Нью-Йорк.

Доктор Э. Х. Дэвис, этнолог.

Доктор Д. Г. Бринтон, Вестчестер, Пенсильвания.

Л. Уингейт Торнтон, Бостон.

Профессор Джордж В. Грин, Род-Айленд.

Достопочтенный Уильям Уиллис, Портленд, Я.

W. Гилмор Симмс, доктор права, из Южной Каролины.

Уильям Суинтон, Нью-Йорк.

Уильям Х. Уитмор, Бостон.

Преподобный Э. Х. Гиллетт, доктор философии, Гарлем, штат Нью-Йорк.

Профессор Э. Ф. Рокуэлл, Дэвидсон-колледж, штат Северная Каролина.

Л. Р. Симмс, Форт-Плейн, штат Нью-Йорк.

Джеймс Рикер, Гарлем, штат Нью-Йорк.

Чарльз Эдвардс, Нью-Йорк.

Капитан Э. К. Бойнтон, США, Вест-Пойнт.

Полковник Томас Ф. Де Во, "исторический мясник".

Капитан Джордж Генри Пребл, U.S.N.

Джозеф Сабин, Нью-Йорк.

Генри О'Рейли, Нью-Йорк.

Доктор Джозеф Комсток, Либерти-Хилл, Коннектикут.

Л. Уильямсон, Белфаст, Я.

Преподобный А. Х. Квинт, доктор медицины, Нью-Бедфорд, Массачусетс.

Рудольф Гарриг, Моррисания, штат Нью-Йорк.

Редакторы "*Методист*", Нью-Йорк.

2.- Отредактированные статьи.

Сэмюэл Л. Бордман, Огаста, штат Массачусетс.

Ф. У. Сьюард, помощник государственного секретаря Соединенных Штатов.

Корпорация города Нью-Йорка.

Бакингом Смит, Сент-Огастин, Флорида.

Профессор Джордж В. Грин.

Достопочтенный Джон Салливан, Эксетер, штат Северная Каролина.

Профессор Рау, Нью-Йорк.

Е. Ф. Де Ланси, Нью-Йорк.

3.- Авторы отредактированных статей.

Капитан Генри Сьюолл, из революционной армии.

Сеу-Ки-Ю, губернатор Фух-Киена, Китай.

Гаррисон Грей Отис.

Джефферсон Дэвис.

Джон Адамс.

Генерал Уэйд Хэмптон, США.

Гражданин Генет.

Генерал Вашингтон.

Полковник Дэвид Крокетт.

Генерал Ла Файет.

Руфус Кинг.

Генерал Уинфилд Скотт, США.

Томас Джефферсон.

Полковник Генри Мюррей, Р.А.

Карл V. из Испании.

Полковник Дэвид Хамфрис из революционной армии.

Губернатор Белчер из Массачусетса.

Преподобный Дж. Х. Ливингстон, доктор философии.

Чарльз Кэрролл, из Кэрролтона.

Сэмюэл Хантингтон, президент Континентального конгресса.

Генерал Уильям Хит, из революционной армии.

Генерал М. Гист, из той же армии.

Полковник Бенджамин Таллмадж, из той же армии.

Доктор Б. Раш.

Губернатор Томас Нельсон из Вирджинии.

Соломон Дроун, доктор медицины, из революционной армии.

Лейтенант-губернатор Колден из Нью-Йорка.

Генерал Джон Салливан, из революционной армии.

Генри Клей.

Уильям Дж. Дуэйн.

Полковник Ричард М. Джонсон.

Джаред Спаркс, доктор права.

Почтенный Александр Х. Эверетт.

Майор Генри Ли.

Аарон Бурр.

Джеймс Манро.

и т. д., и т. п.

СОСТАВИТЕЛИ ТОМА III НОВОЙ СЕРИИ.

Американское антикварное общество, Вустер, штат Массачусетс.

Баллард, доктор философии, преподобный Эдвард, Брунsvик, штат Мэн. Секретарь Исторического общества штата Мэн.

Баллард, Фрэнк У., Нью-Йорк.

Бартлетт, почтенный Дж. Рассел, Провиденс. Государственный секретарь Род-Айленда.

Бликер, Р. Уэйд, Нью-Йорк.

Бордман, Сэмюэл Л., Огаста, штат Мэн.

Борн, почтенный Э. Э., Кеннебанк, штат Мэн. Президент Исторического общества штата Мэн.

Бревурт, почтенный Дж. Карсон, Бруклин. Президент Исторического общества Лос-Анджелеса.

Бродхед, Дж. Ромейн, LL.D., Нью-Йорк. Историк Нью-Йорка.

Бринли, достопочтенный Джордж, Хартфорд, Коннектикут.

Бернс, К. ДеФ., Нью-Йорк.

Бушнелл, Чарльз Дж.

Дин, Джон Уорд, Бостон, Массачусетс. Автор книги *"Жизнь Натаниэля Уорда"* и др.

Де Коста, преподобный Б. Ф., Нью-Йорк. Историк озера Джордж и др.

Де Во, полковник, Томас Ф., Нью-Йорк. Историк рынков.

Дрейк, Сэмюэл Г., Бостон, Массачусетс. Историк города Бостона и др.

Дуэйн, полковник Уильям, Филадельфия.

Данши, Генри У., Нью-Йорк. Историк голландской школы в Нью-Йорке.

Дюйкенк, Эверт А., Нью-Йорк. Автор *энциклопедии амер. Literature*, etc.

Эубэнк, достопочтенный Томас, Нью-Йорк. В. П. Американского этнологического общества.

Фиш, достопочтенный Гамильтон, Нью-Йорк. Президент Нью-Йоркского исторического общества.

Фрэнсис, доктор права, покойный Джон У., Нью-Йорк.

Гиббс, Джордж, Вашингтон, округ Колумбия. Автор книги *"Администрация Вашингтона и Адамса"*.

Гиллетт, доктор философии, преподобный Э. Х., Гарлем, штат Нью-Йорк, историк пресвитерианской церкви.

Годфри, Джон Э., Бангор, штат Мэн.

Грин, профессор Джордж У., Ист-Гринвич, Р. И. Автор книги *"Жизнь генерала Натаниэля Грина"* и др.

Гринвуд, Исаак Джей, Нью-Йорк.

Холл, достопочтенный Хиланд, Северный Беннингтон, Вермонт. В последнее время президент Вермонтского исторического общества.

Хэтфилд, доктор философии, преподобный Э. Ф., Нью-Йорк. Историк Элизабет-тауна, штат Нью-Джерси, и др.

Хэй, достопочтенный Уильям, Саратога-Спрингс.

Хелмик, К. К., Вашингтон, округ Колумбия.

Хоффман, Фрэнсис С., Нью-Йорк.

Ирвинг, Пьер, Тарритаун, Нью-Йорк. Биограф Вашингтона Ирвинга.

Джонс, полковник М. М., Ютика, Нью-Йорк. Помощник государственного секретаря Нью-Йорка.

Капп, Фридрих, Нью-Йорк. Биограф генералов Штойбена, Де Кальба и др.

Келби, Уильям, Нью-Йорк. Сотрудник Нью-Йоркского исторического общества.

Кетчум, почтенный Эдгар, Гарлем, Нью-Йорк.

Историческое общество Лонг-Айленда, Бруклин.

Маккой, Джон Ф., Бруклин, Нью-Йорк.

Маккин, доктор, Топшем, Мэн.

Макнайт, Чарльз, Покипси, Нью-Йорк.

Мур, Джордж Генри, доктор права, Нью-Йорк. Библиотекарь Нью-Йоркского исторического общества.

Морс, К. Х., Вашингтон, округ Колумбия.

Нилл, Э. Д., Вашингтон, историк Миннесоты.

Нью-Йорк, Корпорация города.

О'Каллаган, доктор права, Э. Б., Олбани, штат Нью-Йорк, историк Новых Нидерландов.

Пейн, Натаниэль, Вустер, Массачусетс. Казначей Америк. Антикварного общества.

Перри, преподобный Уильям Стивенс, Личфилд, Коннектикут. Секретарь Палаты светских и церковных делегатов Генеральной конвенции церкви Р. Е. Church.

Пребл, капитан Джордж Генри, U.S.N.

Рокуэлл, профессор Э. Ф., Дэвисонс Кол., штат Северная Каролина.

Рассел, Дж., Вашингтон, округ Колумбия.

Сардеманн, преподобный Й. Г., Везер, Германия.

Скотт, Льюис А., Филадельфия.

Скотт, М. Б., Кливленд, Огайо.

Ши, доктор философии, Джон Гилмари, Элизабет, штат Нью-Джерси, историк католических миссий.

Шеппард, Дж. Х., Бостон. Библиотекарь Н. Э. Историко-генеалогического общества. Society.

Сигель, генерал Франц, Моррисания, штат Нью-Йорк.

Симмс, доктор права, Уильям Гилмор, Чарльстон, Южная Каролина, историк Южной Каролины.

Смит, Бакингам, Сент-Огастин, Флорида.

Стайлз, доктор Генри Р., Бруклин, штат Нью-Йорк. Автор *истории Виндзора; истории Бруклина* и т. д.

Стоун, преподобный Э. М., Провиденс. Секретарь Исторического общества Р. И.

Тейлор, Ашер, Нью-Йорк.

Торнтон, Дж. Уингейт, Бостон. Автор книг "*Древний Пемакид*", "*Высадка на мысе Энн*" и др.

Тидеман, Х., Амстердам, Голландия.

Трамбулл, почтенный Дж. Хэммонд, Хартфорд, Коннектикут. Президент Исторического общества Коннектикута.

Уолворт, Мэнсфилд Трейси, Олбани.

Уайт, почтенный Плиний Х., Ковентри, Вермонт. Президент Вермонтского исторического общества.

Уитмор, Уильям Х., Бостон.

Уильямсон, почтенный Джозеф, Белфаст, Мэн.

Уиллис, почтенный Уильям, Портленд, Мэн. Поздний президент Исторического общества штата Мэн.

Вул, генерал-майор Джон Э., США.

Уинн, Т. Х., Балтимор. Редактор *"Вестверских газет"* и др.
